

Г. К. ЛУКОМСКИЙ

СТАРИННЫЕ
УСАДЬБЫ
ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

2-е дополненное переиздание

ХАРЬКОВ

ХАРЬКОВСКИЙ ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ
ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ

2005

ББК 63.3 (4 Укр)

Л4

УДК

Печатается по изданию:

Г. К. Лукомский. Старинные усадьбы Харьковской губернии. Часть первая.

Издание графа Н.В. Клейнмихеля. Петроград, 1917.

Издание осуществлено за счет финансовой помощи
фирмы «Рубикон-А» ООО, директор Сергей Голота.

Редакционная коллегия:

С.А. Голота, И.Л. Лосиевский, В.Л. Маслийчук, А.Ф. Парамонов (председатель),

Иллюстрации:

Н.В. Клейнмихель, Г.К. Лукомский, А.Ф. Парамонов

Предисловие:

В. Л. Маслийчук, А.Ф. Парамонов

Послесловие:

А.Ф. Парамонов

На обложке:

Нарбут Г.И. (1886–1920) «Старинные усадьбы Харьковской губернии».

Обложка книги Г.К. Лукомского. 1916. Тушь, перо.

Из фондов Харьковского художественного музея

Издатели выражают благодарность дирекции и сотрудникам
Харьковского художественного музея и сердечно поздравляют
с 200-летним юбилеем музея.

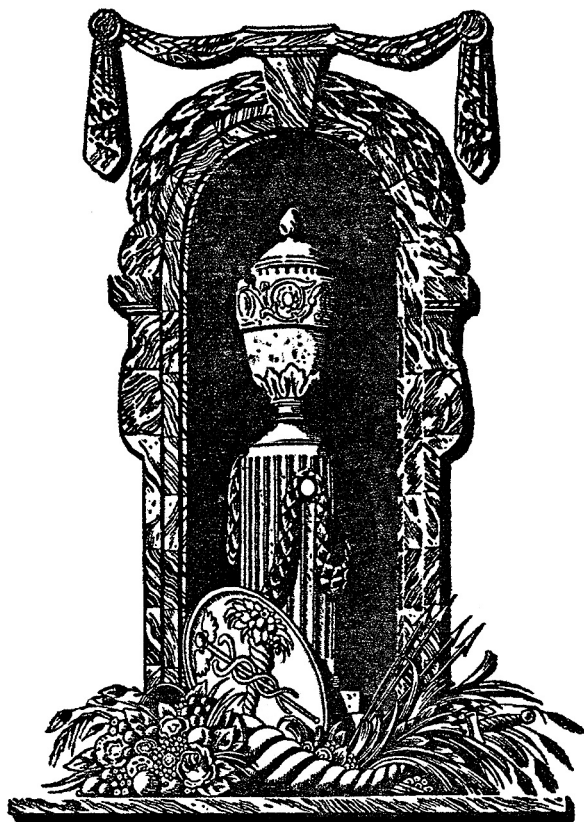
© Харьковский частный музей городской усадьбы

© Послесловие, фото А.Ф. Парамонов

© Предисловие В.Л. Маслийчук, А.Ф. Парамонов

Г. К. ЛУКОМСКИЙ.
**СТАРИННЫЕ
УСАДЬБЫ
ХАРЬКОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ
ГРАФА Н. В. КЛЕЙНМИХЕЛЬ
1917

ИСТОРІИЧНІЯ
У СЛАДІ БІБЛІ
ХАРЬКОВСКОЇ
ГУБЕРНІИ

ИЗДАНО
ВЪ ПОЛЪЗУ СТОРЪВШЕЙ ЦЕРКВИ
ВЪ С. ЛЮТОВКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УЛЪДЫ:
АХТЫРСКИЙ, БОГОДУХОВСКИЙ, ВАЛКОВСКИЙ,
ВОЛЧАНСКИЙ, СУМСКИЙ, ХАРЬКОВСКИЙ.

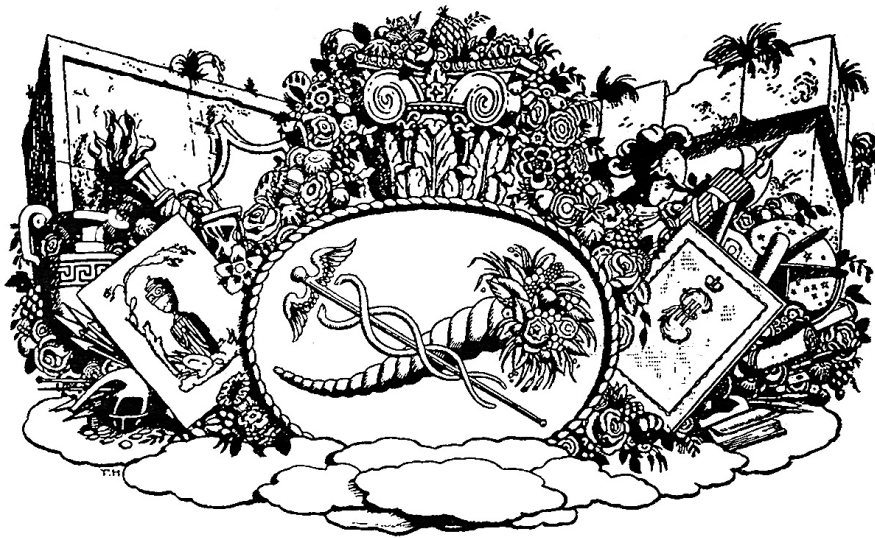
ПЕТРОГРАДЪ

1917

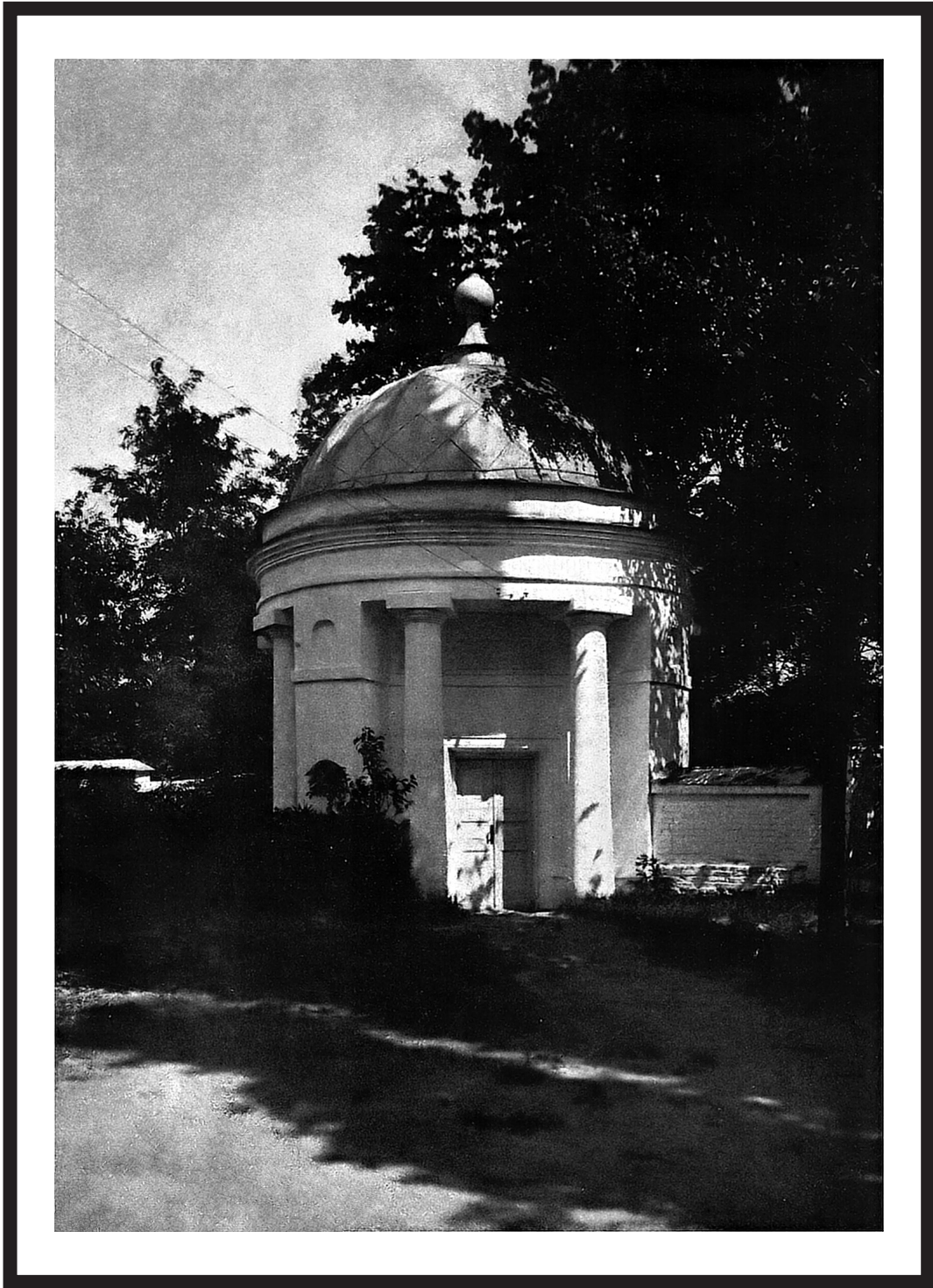
Г. К. ЛУКОМСКИЙ

— 101 —

С П О Р М И М О Б И Л И
У С А Т Б Б Д

ХАРЬКОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ПЕРЕИЗДАНИЮ

Класс помещиков был автором художественной картины огромной красоты, картины, именуемой: усадьба. <...> Забыто было только одно: необходимость приучить крестьян к сознанию ценности усадьбы, добра, благополучия и, особенно, собранию художества!

Г.К. Лукомский

Почти три года назад мне посчастливилось готовить к печати первое переиздание книги Г.К. Лукомского «Старинные усадьбы Харьковской губернии». Тогда мне казалось, что книга разойдется в несколько недель, поскольку ее оригинал давно уже стал библиографической редкостью. Время шло, и только недавно стало очевидно, что благодаря постоянной деятельности Харьковского частного музея городской усадьбы, в котором я имею честь служить, книга наконец обрела достойное признание современного читателя, и уже возникла необходимость в новом переиздании. Думаю, что мы бы получили от автора этой необыкновенной книги Георгия Крескентиевича Лукомского и ее издателя Николая Владимировича Клейнмихеля многочисленные похвалы, за которыми были бы скрыты волнения и горечь утраты усадеб Харьковской губернии, описываемых в далеком 1914 году. В печальное время переиздаем мы труд Г.К. Лукомского, когда так близко окончательное уничтожение почти всех памятников усадебной культуры, о которых идет речь в этой книге. Жаль, что понимание их ценности может прийти к большинству наших граждан гораздо позднее, когда останется только лишь вздохнуть на месте, где располагался красавец-дворец или был разбит дивной красоты парк.

Сегодня как никогда остро стоит в Украине вопрос сохранения культурного и исторического наследия. Старинные усадьбы на грани полного разрушения и вымирания. Основной причиной этого, по моему мнению, стало равнодушие и невежество власти. Усадебная культура нередко оценивается не иначе как культура имперской России. Вместе с исчезнувшими усадьбами вычеркиваются и имена владельцев, воспитанных на идеалах чести и достоинства, высокообразованных и высококультурных людей своего времени.

Печальная судьба усадеб на территории Харьковской области в первой четверти XX века объясняется прежде всего тем, что Харьков был столицей Украины, здесь, словно на полигоне, испытывались все способы стирания исторической памяти у народа.

Именно здесь в первые годы советской власти было уничтожено наибольшее число храмов, больше всего усадеб разобрано на кирпич и древесину. Лучше других сохранились усадьбы и храмы Лебединского, Сумского и Ахтырского уездов. Хотя и там многие замечательные дворцы пострадали от разграбления и пожаров.

Но и в годы независимости Украины уничтожены сотни историко-культурных объектов, и число это растёт день ото дня. Если ранее гибель усадеб была вызвана постыдной жаждой легкой наживы, то сегодня это больше похоже на варварство и ничем не оправданное небрежение.

Таким актом варварства стал вывоз частной фирмой «Техногрес» керамической плитки из усадьбы Щербининых в с. Бабаи. Не помогли ни громкое имя прежних владельцев (как-никак совсем недавно, в августе 2004-го, одному из Щербининых — первому Харьковскому наместнику — был поставлен памятник рядом со зданием администрации), ни пребывание в свое время в усадьбе Г.С. Сковороды. Власти долго не контролировали состояние этого объекта мемориального значения, а владелец здания — сельскохозяйственное предприятие вовсе не знало, что с ним делать. А постороннее областное управление культуры заявляет, что это варварство — шанс для спасения уникальной плитки, так как здание разрушается. И никакой экспертизы, никаких предложений для меценатов о возможном спасении всей усадьбы. Увы, провинциальность Харькова становится более чем очевидной... Желание фирмы «Техногрес» пополнить свой музей керамической плитки было бы похвально, если бы оно содействовало открытию музея в самом доме Щербининых, где сохранились еще четыре печи, кроме ими вывезенной, но рассчитывать на подобные чудеса не приходится — слишком очевидна пропасть между предпринимательством и меценатством. По сути, это сигнал для мелких грабителей и желающих украсить свои дачи элементами старины: дай им только волю — и от уцелевшего они не оставят камня на камне.

В связи с этим и подобными фактами привлекает особое внимание деятельность Харьковского областного управления архитектуры, допустившего огромное количество разрушений и перепланировок старинных зданий в городе Харькове. И имя главного архитектора области г-на Ю. Шкодовского, убежден, должно стать для будущих поколений харьковчан нарицательным. Достаточно красноречива позиция областного управления, считающего, что нужно идти не по пути расширения списка памятников архитектуры в городе и области, а наоборот, многое вычеркнуть из этого списка! Патриотами таких чиновников не назовешь, так и просится на перо догадка: а не личный ли интерес тут у г-на Шкодовского и его соратников? Но даже на общепризнанных памятниках архитектуры, к каким, без сомнения, относится дом по ул. Рымарской, № 4, допускаются, с позволения наших дипломированных архитекторов, и расширение окон, и нелепая реклама, и покрытие стен безобразной керамической плиткой.

Да таких зданий в Харькове множество, разукрашенных в три-четыре цвета по числу владельцев. Растут, как грибы, надстройки, мансарды, крылечки в европейском стиле. Старинные здания уничтожаются просто кварталами, и все — с позволения управления

архитектуры. Особенно пострадал харьковский Подол, где стерты с лица земли здания первой четверти XIX века. Не беда, что в них жили очень известные в свое время люди, зачем проводить исследования по истории домовладения, нет ведь его в числе объектов, внесенных в свод памятников, скоро и другие вычеркнем! Впрочем, нового свода памятников у нас в области нет вовсе, и нужен ли он этим «замечательным» чиновникам — борцам с «архитектурными излишествами»? Новое, яркое, пусть и безобразное, всегда лучше милой старины. Но неужели нельзя возводить многоэтажные современные здания на пустопорожних местах, без нарушения целостности архитектурного облика Харькова? Все равно ведь жить там будут люди обеспеченные и имеющие собственный транспорт. А вместе с тем большинство архитекторов забывают главную свою обязанность: не навредить городу, его облику, его исторической части.

Старинный Харьков состоял целиком из одних усадеб, только городских, принадлежавших самым разным сословиям. У одних сословий эти усадьбы были больше, у других меньше; само их обустройство также зависело от образа жизни и ремесла владельца, но в целом было общим. Ведь усадьба — это универсальная устойчивая и оптимальная для дореволюционной России форма человеческого бытия. Городская усадьба включала в себя как минимум дом и дворовое место, могли быть также флигели, амбары, ледники, сараи, каретные сараи, конюшни, сад, или левада. Это отдельный мир, который так упорно не хотят замечать многие исследователи истории, а архитекторы и строители нарушают его.

Понятно, что чиновники из Харьковского областного управления архитектуры не желают вносить в свод памятников архитектуры вновь выявленные объекты. Так и получилось, что дворец графа Н.В. Клейнмихеля, издателя этой книги, не имел чести быть внесенным в свод памятников. Такого же неуважения «удостоились» деревянный усадебный дом действительного статского советника Е.С. Гордиенко, усадьбы Л.Е. Кенига в селах Таверовка и Гуты. Объекты промышленности вовсе не признаются памятниками архитектуры: в 2004 г. погиб уникальный по архитектуре винокуренный завод Х.И. Гебенштрейта в с. Кленовое, приходят в ветхость дома, строившиеся для служащих, управляющих сахароваренных заводов П.И. Харитоненко и Л.Е. Кенига в Мурафе, Пархомовке и Кленовом.

Что же теряет Харьков и его нынешние и будущие горожане? Неужели так много, что об этом нужно говорить? По сути, Харьков является сегодня наиболее сохранившимся губернским городом Левобережной Украины. Большинство его соседей об этом и мечтать не могут. Такие, как Донецк и Сумы, были уездными городами, Луганск — это город-завод, Полтава более патриархальна и вместе с тем очень провинциальный губернский город, Днепропетровск (Екатеринослав) сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Если же говорить о Киеве, то ему сильно вредит столичный статус, где уже давно закрывают глаза на значительные изменения старины, и в этом Киев — город такой же судьбы, что и Москва и Санкт-Петербург. Другое дело Харьков, с первым на Левобережье университетом, одной из богатейших в России ярмаркой, крупный транспортный узел,

связывавший столицы с югом; он на сегодняшний день является одним из сохранившихся губернских городов Российской империи. Сюда приезжают специалисты, исследователи, архитекторы для ознакомления и изучения расположения зданий, архитектурных особенностей, сравнения с типовыми проектами XIX века. В последнее время приезжают все чаще и чаще и, увы, говорят: нас ждет то же, что и в России — уничтожение старинных зданий и замена их уродливыми, современными. Мы теряем исторический облик любимого города, его усадебный мир, а Харьков должен был бы стать городом-заповедником, хранителем истории прошедших эпох.

Что же приобрел Харьков за последние годы? Появились памятники футбольному мячу, скрипачу на крыше, тощим влюбленным. Есть также «сокол на палочке», обезобразивший площадь Розы Люксембург по случаю 10-летия независимости Украины, памятники основателям Харькова (с ярко выраженным грузинским акцентом), Ярославу Мудрому, Александру Невскому и Архангелу Михаилу, отцу Федору с чайником на железнодорожном вокзале и Кисе Воробьянинову на улице Петровского. Из последних с Харьковом связан разве что отец Федор (проездом!), да и тот... вымышлен. Грядут и новые, не менее феноменальные монументы. Славься, город с памятниками, совершенно не отражающими его историческое и культурное прошлое! Может быть, вы найдете памятник харьковскому полковнику Ивану Сирко? Или сделавшему Харьков столицей слободского казачества Григорию Ерофеевичу Донец-Захаржевскому? Не трудитесь, не найдете.

Фактически сохранились немногие, чудом охраняемые государством объекты, а по сути они влачат жалкое существование и выживают благодаря лишь усилиям энтузиастов и глубоко преданных своему делу людей. А если же вдруг властями оказано внимание к усадьбе, то ее ждет евроремонт, мощение дорожек тротуарной плиткой и такое мифотворчество, которое не соответствует реальной истории и действительности. Взять хотя бы как пример подобного внимания усадьбу в Сквородиновке, где находится могила философа и поэта Г.С. Сквороды. Вложив немалые средства в создание этого музея, государство не удосужилось подумать о создании серьезной исследовательской базы, твердя устами сотрудников музея о комнате, где жил философ и где он умер, а подлинный дом коллежского асессора Андрея Ковалевского занят клубом, но никак не музеем.

Главной же проблемой усадеб Харьковской губернии можно считать отсутствие хозяина. Поскольку в большинстве своем они являются памятниками архитектуры или объектами мемориального значения, то подлежат приватизации, а прежними государственными владельцами они покинуты. Усадьба Шидловских в Старом Мерчике брошена ветеринарным техникумом, усадьба Тихоцких в Синихе — сельской школой, усадьба Фесенковых в Комаровке — пионерским лагерем и т.д. Невнимание историков и специалистов к ним как к объектам старины поставило их на край пропасти, а зачастую привело к гибели. Усадьбы Натальевка и Шаровка известны у нас достаточно широкому кругу населения (сколько уже было статей, телепередач!), только это не делает их спасаемыми и спасенными. Собственниками их остаются туберкулезные санатории. Но этим усадьбам еще повезло, они сохранили достаточно былого величия и красоты и остаются

в поле общественного внимания, а вот другие и вовсе используются селянами для хранения сена, содержания домашних животных и птицы.

Можно ли сберечь искалеченные и изуродованные усадьбы, или хотя бы самые ценные из них? Или же их судьба — полное исчезновение, как прежде исчезли их создатели и строители? Возможно, усадьбам суждено остаться лишь в нетленных произведениях наших литераторов. Усадебной культурой практически мало интересуются сегодня на Украине, более того, феномен обаяния художественной завершенности усадьбы, синтетичности и целостности усадьбы и природы никем не изучается. Между тем очевидно — понятие усадьбы значительно расширилось в последние десять-пятнадцать лет благодаря серьезному исследовательскому интересу к этой проблеме российских ученых. И говорить надо уже не только об утраченных в усадьбах раритетных рукописях, библиотеках, коллекциях картин. Речь идет не только об архитектурном ансамбле, садово-парковом искусстве, литературных и художественных образах, а о грандиозном по масштабам рукотворном ландшафте, созданном на всей протяженности Центральной России и в бывших южных губерниях Российской империи.

Вне сомнения, территория бывшей Харьковской губернии занимает одно из ведущих мест по числу усадеб. Достаточно сказать, что здесь на начало XX века существовало более 1500 усадеб разных стилей и ценности. Безусловно, большая часть из них принадлежала мелкопоместному дворянству и не заслужила благодарных отзывов Г.К. Лукомского. Позволю себе заметить, что даже сегодня, используя современный транспорт, я не смог объехать и половину тех мест, где располагались усадьбы, хотя посвящаю этому уже седьмой год. Так что в любом случае Г.К. Лукомский и граф Н.В. Клейнмихель просто физически не смогли бы этого сделать за одно лишь лето 1914 года. Но это несколько не умаляет достоинств любой усадьбы, располагавшейся в Харьковской губернии. Ведь для того, чтобы понять феномен усадьбы, расширить представление о ней, необходимо глубокое и всестороннее изучение как можно большего числа памятников, сохранившихся до нашего времени.

Для такого исследования недостаточно иметь представление о самых известных усадьбах, поскольку они не дают целостной картины, характеризующей усадебную культуру региона. Появившаяся краеведческая литература по истории усадеб, конечно, достойна внимания, но она должна попасть под пристальный взор серьезного исследователя и обязательно дополнена достаточным фактическим архивным материалом. Большинство исследователей широко используют материалы переиздаваемой нами книги Г.К. Лукомского. В печати подчас можно встретить целые абзацы текста, цитируемого без ссылок, а то и оформленного в виде статей, в том числе и переведенного на украинский язык и ... присвоенного другими лицами. Признавая значительные огрехи Г.К. Лукомского в исторических комментариях, ни в коем случае не хочется вторгаться в тот его текст, в котором зафиксировано увиденное автором великолепие усадеб. Г.К. Лукомский задавался вопросами: как складывался архитектурный облик усадеб, старается определить участие владельца-заказчика в их художественном формиро-

вании, что целиком отвечает направленности и современных исследований. Автору, конечно, было гораздо легче искать ответы на подобные вопросы, но ответы эти были отодвинуты на долгие десятилетия. Их напрасно искать в советских публикациях, только недавно исследователи усадебной культуры постепенно подошли к пониманию, что сам облик усадьбы создавался не столько безвестными или знаменитыми архитекторами либо безмянными крепостными мастерами, сколько характером самого владельца и заказчика, его вкусом и представлениями о том, что есть гармония в природе и человеческой жизни — жизни на лоне природы. Это понимание помогает нам сделать вывод, что усадьба — прежде всего портрет самого хозяина. Он приглашал тех или иных мастеров, зодчих и садовников, принимал работу, заказывал элементы интерьеров, детали убранства комнат и мебель. Неповторимость наших усадеб была напрямую связана с личностью их владельцев, и книга Г.К. Лукомского свидетельствует: речь идет не только о материальных ценностях, но и о ценностях духовных.

И последнее. Мы и не в силах противопоставить себя вездесущему уничтожению памятников усадебной культуры, но все-таки необходимо пытаться воспитывать в людях бережное уважение к старине — в этом главная задача переиздания книги Г.К. Лукомского. Продолжая дело ее автора, своим вниманием и новыми исследованиями усадеб Харьковской губернии мы также помогаем незащищенным и гибнущим памятникам старины. Желаем и вам, уважаемый читатель, не остаться равнодушным к историческому наследию Слободской Украины!

Андрей Парамонов

С В І Т , Я К И Й М И В Т Р А Т И Л И

«Світ, який ми втратили» — саме цю відому фразу англійського соціального історика Пітера Леслета хотілось би взяти як стислу характеристику чудової книжки Г. К. Лукомського та М. В. Клейнміхеля «Старинные усадьбы Харьковской губернии», що була надрукована в буремному Петрограді 1917 р. Хоча мова в даній книжці йде лише про частину «втраченого світу», яка сьогодні чи не найбільше піддається нашому захопленню, — про побут провінційних дворянських садиб XVIII — XIX ст. Саме ця частина «втраченого світу» існує в багатьох усвідомлених та й неусвідомлених варіаціях: від незбагненого зачудування минулим, а в тому минулому історичні діячі набувають ледь не казкових, переважно позитивних рис, до, власне, утилітарного милування порцеляною чашечкою з панської садиби, чи, скажімо, бажання сфотографуватися біля мармурових левів у залишках графського маєтку графа Клейнміхеля в с. Лютівці поблизу Золочева.

У «втраченому світі» люди дещо не такі, як зараз, — божні, чуйні, чемні, шляхетні, завжди готові допомогти, щедрі, освічені, вони плекають старовину, так відрізняючись від сучасного бездушного і раціонального світу. Найголовніше, що той світ був би «втраченим» по-всякому. Суворі модернізації, нові форми суспільних взаємин так чи інакше б знищили оте старе, миле, традиційне, «коли час немов завмер», але «неправильне», нелегітимне знищення того світу в результаті жорстокої революційної бурі та тривалого експерименту радянської доби підсилює тугу за несправедливо загубленим і незрозумілим.

Саме отой «втрачений», безповоротно «втрачений» світ і постає зі сторінок даної книги. А переосмислення історії, чергове «віднайдення традиції», що так вирізняє наше сьогодення, надає цій книжці ще захопливішого, актуальнішого, цікавішого шарму.

Отже, влітку 1914 р. граф Микола Клейнміхель, поміщик Харківської губернії разом з видатним російським мистецтвознавцем Георгієм Лукомським на авто мандрували губернією, досліджуючи й фотографуючи поміщицькі старожитності. Як наслідок — добре ілюстрована книга про пам'ятки архітектури та побуту. Напевно читач зверне увагу, що це лише перша частина із запланованого видання (західні та північні повіти губернії); матеріали з багатих на пам'ятки південних та східних повітів, з додатками світлин, які не увійшли до першої частини, так і залишились невиданими й десь загубилися під час революційних перипетій. Однак навіть надрукована частина надзвичайно цінна для шанувальника старовини чи дослідника-науковця, бо в ній бодай на фото зберігається те, що «не повернеться вже знову».

Історія дворянства Харківської губернії, ми переконані, ще стане об'єктом прискіпливого дослідження істориків, але саме вона є наочним відображенням неоднозначності та, якщо хочете, суперечливості української історії, історії діалогу на прикордонні, в даному випадку російського й українського, модернізації й традиції, «великих прагнень та малих звершень», є яскравим свідченням неодноманітності соціального розвитку величезної Російської імперії.

Виникнення місцевої еліти пов'язане з заселенням українськими та російськими переселенцями значної частини Дикого Поля, що перебувала під контролем Російської держави. Управління цією територією відбувалося за прикордонними козацькими звичаями, з середини XVII ст. до 1764 р. тут існували особливі військовопомісні одиниці — слобідські козацькі полки. Саме нащадки старшин слобідських полків і склали основу майбутнього дворянства. Будучи вихідцями з досить демократичних козацьких кіл, родоначальники провідних старшинських родин: Кондратьєви, Куколь-Яснопольські, Лесевицькі, Перехрестови, Донець-Захаржевські, Ковалевські, Капустянські, Самборські, Куколевські — передавали свої старшинські посади дітям, приятелям, найближчим родичам, поступово формуючи в слобідських полках своєрідні «родини», що зосереджували в своїх руках як місцеве управління, так і основу тогочасного багатства — земельний фонд. Слід зазначити, що до складу місцевої еліти протягом її оформлення як стану «вливалися» не лише представники українського козацтва, але й російські служилі, що обіймали значні посади в слобідських полках (Тев'яшови, Черноглазови, Кардашеви), представники молдавської еміграції після Прутського походу 1711 р. (Куликовські, Абази, Мечникови, Бедряги, Кантеміри). Поступово прошарок служилих старшин набував ознак окремого стану (за висловом З. Когута, «нової шляхти»). Станова свідомість та легітимізація свого становища у слобідських старшин, як і старшин сусідньої Гетьманщини, пов'язувалась з попередніми надбаннями, виводом своїх прав від шляхти Речі Посполитої. Нащадки старшин вірно оберігали залишки «слави» предків, цінуючи давні парсуни (як Г. Кондратьєва чи Ф. Осипова в даній книжці) або зберігаючи усні перекази, яких чимало увійшло до майбутніх історичних писань.

Оформлення слобідсько-українського дворянства як окремого стану в часи поступової інкорпорації регіону до Російської імперії відбувалось паралельно зі становим виокремленням загальноросійського дворянства, тому слобідсько-українські «пани-шляхтичі» XVIII ст. залежали від указів стосовно служилого прошарку центрального російського уряду. Але українські особливості повсякчас тяжіли над місцевим дворянством, саме вони були знаковими для згуртування в земляцькі корпорації далеко від Батьківщини, слугували підставою для місцевого регіонального дворянського патріотизму.

Уже в 30-х рр. XVIII ст. реформою князя О. Шаховського царський уряд спробував зрівняти козацьких старшин з російськими офіцерами, «регуляризувати» козацьку службу (за «Табеллю про ранги» 1722 р. — регулярна офіцерська служба вже була свідченням шляхетськості). 1764 р. особливий козацький устрій слобідських полків скасували, старшинам дозволялось або займати нижчі офіцерські звання в утворених

на базі слобідських гусарських полках, або піти у відставку і мешкати в маєтку (знову спадає на гадку «Грамота про вільність дворянства» 1762 р.). Вибори до Комісії по складанню Нового Уложення 1767 р. підтверджували «дворянський статус» старшини, бо майже всі представники козацьких родин були внесені до виборних дворянських списків, мало того, ставали ланкою управління, бо мали представницький орган — дворянський з'їзд з вибору маршалків. Як і по всій імперії, Жалувана грамота дворянству 1785 р. підтверджувала виникнення загальноросійського дворянства як стану, але разом з тим спричинила «бум» історичних доказів місцевих поміщиків за право йменування дворянами і внесення до «Родовідних книг». Нарешті, 1802 р. імператор Олександр I підтвердив права дворянства Слобідсько-української губернії, в подяку харківські поміщики за досить неоднозначних (й досьогодні дискусійних) умов підтримали ініціативу В. Н. Каразіна щодо відкриття університету в Харкові.

Зміни в Росії першої половини XIX ст. — війна 1812 р., декабристи, форми господарювання в поміщицьких маєтках, стратифікація стану, нові мобільні можливості, пов'язані з умовами переїзду у всі частини імперії чи за кордон — все це заторкнуло провінційне харківське дворянство. Старі старшинські роди занепадали, згасали, у їх маєтностях з'являлися нові господарі з колишньої Гетьманщини, центральних районів Росії, нащадки сербських і чорногорських емігрантів, німецьких лікарів, перехрещених єврейських підприємців. Строката палітра місцевого дворянства доповнювалася «новими дворянами» — колишніми солдатами, що досягли офіцерських звань, заможними селянами та купцями, що купили ранг і маєток.

Скасування кріпосного права 1861 р., подальші події в Російській імперії відбилися і на долі місцевого дворянства. Часткова втрата й занепад старих привілеїв, нові відносини в суспільстві вражали легкоранимих провінційних панів. Авторка прекрасних мемуарів поміщиця К. Задонська з жалем писала наприкінці XIX ст.: «Я пишу эти строки в страшное время скорбей моей родины. Мы уже видим: «Мерзость запустения — на месте святе». Мы видим совращение детей с пути истинь»¹. Патріархальна старовина відходила в минуле, молодь не шанувала старих, більшість садиб порожніло, дворяни роз'їжджались, продавали свої маєтки з архітектурними шедеврами колишнім «мужикам», ліберальна преса галасувала з приводу земельних суперечок поміщиків із селянськими громадами — старий світ починав губитися в нових відносинах. Звернемо увагу на те, що видавця і автора передмови книжки графа М. Клейнміхеля захоплює «стара історія», «минувший быт» до середини XIX ст., далі все ставало жалюгідним, запустілим, менше цікавим. Стан не витримував темпу модернізації.

Революційний шторм розкидав представників місцевого дворянства в різні куточки світу. Нам практично невідома доля графа Клейнміхеля. Зважимо, наприклад, на представників важливого і значного роду Харківської губернії Ковалевських: частина з них загинула у вихорі воєн, Петро Євграфович Ковалевський став чільним представником

¹ Задонская Е. Быль XIX столетия (детям моим). — Харьков, 1907. — Т.1. — С. 287.

російської еміграції в Парижі, відомим емігрантським істориком², його далекий родич Андрій Петрович Ковалівський (українізувавши прізвище) викладав у Харківському університеті теж історію, перекладав з арабської та низки інших мов³. Різна доля представників «втраченого» стану відгукується і сьогодні.

Але була ще одна риса, що досить таки вирізняла місцевих дворян і передусім в побуті. Наприкінці XVIII ст. більшість місцевих поміщиків змінили «черкаское платье» на французький камзол, старожитній лаврський Псалтир на французьку книжку, «чистый малороссийский язык» на «цивілізованішу» і тоді престижнішу російську мову. Проблема зміни побутової ідентифікації – окрема тема для розмови (до речі, жорстко та кумедно зображена в «Пані Халявському» Г. Ф. Квітки-Основ'яненка), та цікаво не це, а те, що і надалі побут місцевого поміщика виразно і примхливо поєднував як старі українські традиції (кахляні печі, стару зброю, парсуни), так і нові віяння російського мистецтва, західні впливи, що йшли через Москву та Петербург. Спадковий дворянин Харківської (та чи лише Харківської) губернії, вірно служачи Російській імперії, часто палко любив милу серцю «Малоросію», вважаючи її невід'ємною часткою могутньої держави. Згадаймо хоча б цю своєрідну рису українського класика Г. Ф. Квітки-Основ'яненка. Знову ж пригадуються представники роду Ковалевських – брати Євграф та Єгор, що здійснили запоморочливу по тих часах кар'єру в Петербурзі.

Так, міністр освіти Росії 1859—1861 рр. Євграф Петрович Ковалевський дозволив за свого урядування друкувати український часопис «Основа» (за що йому пізніше й дорікали)⁴. Його брат Єгор, подорожуючи по світу з Африки до Китаю, чуючи деінде влучний вислів українською мовою, захоплювався: «Ах, как это хорошо... Ну может ли что-нибудь сравниться с этим»⁵. Служба імперії, захоплення милою, далекою, провінційною Батьківщиною (власне ностальгія, притаманна всебічно освіченим дворянам) – це те (а в наш мобільний час, коли люди так легко змінюють місце проживання, роботи, мову спілкування), що знову ж викликає відчуття певної «втраченості» того світу.

Для дослідника історіографії дана книга цікава по-своєму. Передусім відчуття автором передмови, графом Клейнміхелем, історії місцевого дворянства. Історики місцевого краю, залежачи від кон'юнктури, досить по-різному висвітлювали історію «благородної верстви», по-різному формували образ як козацьких старшин, так і їх нащадків. До початку 80-х рр. XIX ст. місцеві історики (І.І. Квітка, Г. Ф. Квітка-Основ'яненко, В. Н. Каразін, І.І. Срезневський, преосв. Філарет), самі переважно дворяни й нащадки

² Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть века. //Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – С. 296–299.

³ Див. про нього: Тези міжнар. наук. конф., присвяченої 100-річчю від дня народження А.П. Ковалівського. – Харків, 1995.

⁴ Див. про нього, зокрема: Шевченківський словник. – К., 1975. – Т.І. – С. 305; Романович Славатинський А. Воспоминания об архиве Государственного совета// Киевская старина. – 1888. – № 6. – С. 256.

⁵ Ковалевський Е.П. Собрание сочинений. – СПб., 1871. – Т.3. – Странствователь по суше и морям с биографическим очерком и портретом автора. – С.3.

козацьких «урядників», наголошували на знатності походження старшинських родоначальників, бо, щоби те, що вони походили з православної шляхти Речі Посполитої, всякий діяч минулої доби (за окремими винятками) поставав покровителем церкви, хоробрим воїном, вправним господарем, справедливим поміщиком. Просвітницьке та романтичне сприйняття історії підсилювало колорит: шаблі старшин «плавали в крові поганих», чесні, благочинні, поважні старшини були просто взірцем бездоганного, простого «традиційного» суспільства (як у «Панні Сотниківні» Г. Ф. Квітки-Основ'яненка).

Згадана «дворянська» історіографія носила певний відбиток часу «легітимізації» становища місцевої еліти другої половини XVIII ст. Шанування старовини в дворянських маєтностях кінця XVIII – першої половини XIX ст. мало досить часто корисливі риси. Визнання заслуг предків, справна генеалогія були безпосереднім доказом дворянського статусу, володіння маєтками й підданими, збережені документи на купівлю ґрунтів, людей, листування й перекази – юридичними знахідками під час численних межових сварок. Але любов до історії і у другій половині XIX – на початку XX ст. набувала інших рис, і більшість дворян поставали ледь не подвижниками в справі збереження історичного минулого. Знову не втримаємося від цитати. У передмові до мемуарів матінки на початку XX ст. дворянин В. Задонський тужливо відзначав: «В старину свято хранили семейные предания. Наши деды с точностью знали свое родство, свое происхождение, все доблестные дела своих отцов. Наши бабушки за грех почитали, если внуки забывали о предках своих... Наше время – время общего неуважения – забыло эту черту народного быта, и нельзя сказать, чтобы нынешнее равнодушие к старине послужило нам на пользу... Пора вспомнить об этом нашему легкомысленному веку и вернуться к добрым навыкам старины»⁶.

Стрімкі суспільні зміни другої половини XIX ст. виводили на кін нову історіографію – наукову, з критичним ставленням до джерел, тісно пов'язану з викладацькою діяльністю істориків. Ця «історія» писалась не в дворянському маєтку чи в келії священика, а на університетській кафедрі чи в будинку чиновника. Але всякий історик бачить минуле поглядом сучасника. Старі приказки «sine ira et studio» (без гніву й упередження – лат.) чи «wie es eigentlich gewesen war» (як воно насправді було – нім.) відповідають лише поглядам даної доби, коли «гнів», «пристрасть», «правда» набувають свого значення. Вірні слуги імперії, значною мірою противники реформ дворяни та їх предки поставали у низці писань не зовсім привабливими. В українському випадку це відбувалось особливо вразливо: яскраво несамовиті вірші Т. Г. Шевченка, багаті на використання першоджерел історичні твори О. М. Лазаревського підсилювали неприязнь до шляхетського минулого. З вірою в «прогрес», історичну місію народу нові історики вбачали в дворянському стані певний рудимент минулого.

Твори Д. І. Багалія, А. Л. Шиманова, О. Д. Твердохлібова поступово спростовували «легенди» слобідсько-українського дворянства: про знатне походження перших козаць-

⁶ Задонская Е. Быль XIX столетия... – С. XVI.

ких старшин (виявлялося, що ті старшини спочатку були простими козаками), про безкорисливе та вірне служіння монарху (ті старшини виступали досить таки «невірними», а за ряд пілг та привілеїв відмовлялись від політичної боротьби за «право та вольності» (за ту ж старовину)). Хоча, будемо відверті, першого своєрідного «ляпаса» місцевій еліті дав нащадок відомого роду та український класик Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. Поруч із захопливими образами в творах класика «Конотопська відьма», «Пан Халявський», «Дворянские выборы» місцеві українські поміщики і старшини постають дещо пришепкуватими, дивакуватими, заскоружлими в провінційності. На початку ХХ ст. нащадок також знаменитого слобідського роду, історик Є. О. Альбовський відверто глузував з наявності «клеюнод» і гербів у предків старшин⁷. Що говорити про радянську історіографію (А. Слюсарського, З. Звездіна, В. Воліса), де дворяни й старшини – експлуататори, «здірці», класові вороги і таке інше.

У куценькій передмові аж ніяк не відобразити рефлексії та метафори історіографії історії дворянства Харківської губернії, тільки слід зауважити факт, що граф Клейнміхель, пишучи свою передмову про історію дворянської садиби, виразно тяжів не до сучасної йому критиканської історіографії, а до тої старої з наголошенням на знатності й справедливості поміщиків регіону. Радячись з ученими – Д. Багалієм та Є. Івановим, користуючись переважно уже надрукованими джерелами, граф просто не вірив твердженням істориків: наприклад про те, що славетний, «шляхетний» Григорій Донець-Захаржевський був спочатку простим десятником Грицьком Донцем.

Подібно до «старої» історіографії, яка напевно закінчилась помпезною і розкритикованою книжкою Л. Ілляшевича «Краткий очерк истории харьковского дворянства», М. Клейнміхель любить історичні перекази, колоритні оповідки. Це остання, відома нам в Росії «шляхетська» історія харківського дворянства (розробляючи історію свого роду, лише через сорок два роки в Парижі П. Є. Ковалевський гектографічно видав брошуру «Род Ковалевских за триста лет» – останнє свідчення дворянської легітимізації).

Таким чином, виявляється, що критика М. В. Клейнміхеля та Г. К. Лукомського – трохи не остання пам'ятка «втраченого світу», що підсилює її значимість й інтерес до цього твору.

Напевно слід коротко сказати про авторів цієї книжки.

Про Георгія Крескентійовича Лукомського (16.03.1884 – 1952) відомо чимало: славетний архітект, знавець світового мистецтва, автор багатьох книжок, статей, малюнків, «емігрант з 1919 р.», він залишив помітний слід у мистецтвознавстві, своє ім'я в багатьох енциклопедичних довідниках. Щодо графа Клейнміхеля Миколи (Васильовича?), тут лише можемо згадати, що він володів маєтком Лютівка в Богодухівському повіті Харківської губернії і був повітовим дворянським предводителем, а наприкінці 1914 р. відправився на Першу світову війну⁸. Та не це вражає, а певно те, що Г. К. Лукомський і

⁷ Альбовский Е. Харьковские казаки: вторая половина XVI в. – СПб., 1914. – С. 126.

⁸ Див.: Харьковские губернские ведомости. – 1915. – 8 марта.

М. В. Клейнміхель були доволі молодими людьми, щиро закоханими в минуле, молодого і певно не цілком зреалізованою паростю старого «втраченого світу», в якому поміщик видавав книгу за свій кошт, щоб увесь прибуток офірувати на відбудову церкви в селі, де знаходилась його садиба.

Мрії Миколи Клейнміхеля з відбудови церкви в Лютівці не були реалізованими, однак видана його коштом, хоча й запізно, книга теж має свою історію. Після першого видання «Старинные усадьбы» вдруге побачили світ 2002 року за сприяння банку «Аверс» й зусиллями на сьогодні знаного харківського шанувальника старовини Андрія Парамонова. Книга мала певний розголос, і зараз наклад уже розпродано. Треба зазначити, що передмову до того видання писав я дуже нашвидкоруч, звіти у тій передмові чималенько помилок і не лише орфографічних. Важливою «родзинкою» цього видання стали світлини теперішнього стану старих садиб, зроблені невтомним Андрієм Парамоновим і розміщені наприкінці книги.

Лише допіру, наприкінці 2004 року в серії «Українські пропілеї» в Києві вийшов грубенький том праць Г. Лукомського (Лукомський Георгій. З української художньої спадщини. — Київ: Українські пропілеї, 2004. — 712 с.). Передмову, доволі цікаву за манерою викладу (Георгій Лукомський як український мистецтвознавець. — С. 7–17), написав київський історик Ігор Гирич. На сторінках 18–154 цього тому містяться «Старинні садиби Харківської губернії», перекладені з видання 1917 р. українською мовою. Дана книга — переклад найцікавіших праць видатного дослідника мистецтва.

Однак «харківське» перевидання «Лукомського—Клейнміхеля» уже зникло з полиць книгарень, а згаданий «київський» україномовний том робіт знаного архітекта, на жаль, з нинішньою системою книгорозподілу недоступний для харківського читача. Саме тому в Харківському приватному музеї міської садиби вирішено ще раз перевидати цю книгу з істотним додатком, текстом та ілюстраціями того, що на сьогодні залишилося від садиб, так захопливо описаних Лукомським 1914 року. Дійсно, такий додаток — знахідка для мандрівця Харківщиною та Сумщиною. Проте видання цінне не лише цим. Зважмо на сам огляд садиби Георгієм Крескентійовичем Лукомським: описуючи садибу, він воліє зазначити не окремі будівлі, а увесь комплекс, ансамбль розташування будівель, прибудов, парків. Створюється цілісна картина, гармонійна й насичена. Усякий залишок цієї картини, якщо він зберігся досьогодні, повинен бути відреставрованим та збереженим. «Війна палацам», оголошена революційними романтиками передусім духовному пориві, мала дуже згубний практичний наслідок. Сучасна людина все дужче віддаляється від розуміння краси й своєї причетності до її творення. Бо всякий архітектурно-парковий ансамбль — це не лише «примха» пана, але й праця, й творчість його підданих чи найнятих людей. Це наше з вами минуле. І дана книга багато в чому — докір збайдужілим, черствим, загрузлим у власній дрібязковості нащадкам. Ставлення до минулого — моральний стан суспільства, у нашому разі ладного забути, щоб самому бути забутому. Це негарна й безперспективна риса. Одначе, коли такі книги ще виходять, то це принаймні розбурхує приспану надію на розуміння

громадськістю та місцевою владою проблем культурної спадщини, змушує мене повз позір академічності писати, такі майже ліричні речі вчергове, розчулюючись й бентежачись щодо сучасності.

Та чи, власне, слід говорити про вразливість, коли йдеться про не цілком зрозуміле, але таке зворушливе для людини, для історика: старі кахлі на печі в селі Липці, «служби» в Малижині, портрет Федора Осипова, церкву, обгороджену тином, в Матвіївці, копію з портрета Боровиковського, вишукані форми Мерчанського палацу, портрети невідомих із Сніжкового Кута, арку на в'їзді до палацу Гендрикова, іконостас у Бездрику, листи, помережані французькими фразами, — усе те чуже й рідне «гомонить далечиною, казковою давниною».

© *Маслійчук Володимир*,
кандидат історичних наук

О Т И З Д А Т Е Л Я

Мне давно пришла мысль лично осмотреть и как-либо запечатлеть те художественные помещичьи усадьбы родной мне Харьковской губернии, которые остались нам в наследие от давно минувших лет.

В наши дни новые владельцы этих усадеб, среди которых встречаются и простые мужики, иногда не задумываются разобрать на «кирпичи или на дрова» прекрасный старинный дом, павильон или памятник, чтобы воздвигнуть на их месте хозяйственную постройку или жилой дом «в стиле модерн»; то же случается и с другими видами сокровищ древности.

Поэтому мне казалось крайне желательным, чтобы люди, любящие художественную старину, общими усилиями предприняли труд повсеместной регистрации и воспроизведения сохранившихся памятников старины в разных областях искусства с указанием их художественного значения. Этим, может быть, удалось бы многое спасти от уничтожения.

Шаги в этом направлении были сделаны по Московской, Тульской, Вологодской губ. Харьковская губерния богата еще необследованными памятниками старины и в области археологической, и в области архитектуры гражданской и церковной в городах и весях.

Но меня лично интересовали старинные усадьбы в Харьковской губернии и все относящееся к помещичьему быту минувших веков до середины XIX столетия. Мне хотелось обследовать лишь эту область.

И вот, в июне 1914 года, вместе с автором этой книги, архитектором Г. К. Лукомским, мы предприняли объезд Харьковской губернии на автомобиле с 2 фотографическими аппаратами, стараясь, по возможности, сделать снимки со всего, что представляло для нас специальный интерес.

Мы заканчивали объезд шестого уезда из 11, имеющихся в Харьковской губернии, когда вспыхнула война с Германией. Мобилизация вызвала меня к месту службы, а мое-

го сотрудника в Петроград. Нечего было и думать о продолжении начатого труда. Всем было не до того.

Но прошло два года. Стало ясно, что производительная мощь России даст ей возможность не только поражать врагов на рубежах своих, но также продолжать неослабно дело своего культурного развития.

Не замерло служение искусству, не угас в обществе также и интерес к художественной старине.

Это сознание побудило нас теперь же использовать собранный материал и выпустить первый том издания с описанием усадеб шести уездов с тем, чтобы позднее появился 2-й том с материалами по остальным пяти уездам.

В заключение этих строк считаю приятным долгом принести благодарность всем владельцам усадеб, оказавшим нам радушное гостеприимство и содействие нашей работе предоставлением многих материалов. Не могу также не выразить благодарности проф. Д. И. Багалею и секретарю Харьковского Историко-Филологического общества при Императорском Харьковском Университете Е. М. Иванову за их ценные библиографические указания для моего краткого «Очерка истории Харьковской усадьбы», помещенного ниже.

Гр. Н. В. Клейнмихель

О Т А В Т О Р А

Систематизируя и описывая представленный здесь материал, я надеялся, что он 1) будет интересен желающим ознакомиться с характером усадебного строительства России, 2) явится полезным подспорьем для интересующегося отечественным строительством — этим лучшим «портретом» быта, вкуса и способностей народа, и, наконец, 3) даст нашим архитекторам красивый и здоровый источник для композиции, особенно при выполнении ими проектов усадеб.

В самом деле, формы усадебного зодчества конца XVIII и начала XIX столетия являются столь самобытными русскими, несмотря на классицистическую основу их стиля, столь образцовыми и, кажется, приемлемыми во все грядущие времена, что надо только пожелать современным помещикам-строителям и авторам-архитекторам следовать заветам, оставленным нам предками. В них сосредоточено и благородство форм, и простота выполнения, и уют пропорций, и даже комфорт.

Кроме этого, я уверен, что, несмотря на некоторые возможные пропуски и недостатки изданного материала (конечно, хотелось бы еще более подробного, исчерпывающего представления всех имеющихся сейчас в каждой усадьбе предметов искусства и старины), все-таки многие выяснят то значение, которое этот материал имеет в отношении художественно-архитектурном наряде с другими подобными сооружениями России.

Увидя свои усадьбы изданными в книге, быть может, иные собственники проникнутся большим уважением к имуществу, которым они обладают, а потому уменьшится количество случаев вандализма и заметным станет, вообще, более бережное отношение к родной старине.

Материал, собранный нами при объезде усадеб, разбит по уездам, и в этой же последовательности дано мною его описание.

Такая система, надеюсь, цельнее представляет богатство того или иного уезда памятниками старины и жизни каждого уезда в его прошлом.

Описываемый мною материал удалось представить полнее в отношении архитектурном. Воспроизведены не только фасады лучших усадебных дворцов, но и детали их, даже флигеля, служебные помещения; также удалось снять постройки, быть может, второстепенного значения, но все же заслуживающие внимания и любопытные для зодчего. В конце концов, часто не только первоклассного значения усадьбы (Мерчик, Хотень), но и небольшой домик и беседка так удачно были скомпонованы в стиле *empire*, что является еще вопросом, представляло ли большую трудность для зодчего создать художественное сооружение при наличии богатейших материалов, простора форм и

участия в деле лучших мастеров-лепщиков, или при ограниченном пользовании деталями и помощью лишь бревен и досок. И потому-то часто скромные беседочки удачнее многих богатейших фасадов, и есть даже такие постройки этого рода, которые являются положительно *chef d'oeuvre*'ами архитектуры.

К сожалению, мне не удалось сделать достаточного количества удачных фотографий *interieur*'ов усадеб, а также не довелось представить в книге с тою же исчерпывающей точностью, как, например, в отношении фасадов, коллекции картин, фарфора, мебели и документов.

Надеюсь, что ко второй части издания удастся присоединить снимки с некоторых наиболее интересных предметов, хотя, конечно, исчерпывающее представление коллекций в таком общем издании едва ли и возможно: в пределах Харьковской губернии есть еще, к счастью, усадьбы, столь обильно наполненные произведениями искусства, что они заслуживали бы самостоятельного описания.

В наши задачи входило лишь дать общую картину усадебного строительства края.

Г. К. Лукомский

ОЧЕРК ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОЙ УСАДЬБЫ

ГЛАВА I

У нас имеется очень немного источников, чтобы судить о быте помещиков Слободской Украины первых времен после ее заселения. Лишь отрывочные, но ценные для нас указания удалось почерпнуть среди документов частных архивов и в трудах известных исследователей Харьковской старины.

Как известно, присоединение Малороссии к Московскому царству произошло в 1654 году, но еще с 1617 года началось массовое переселение казаков из Польской Украины по направлению на восток.

Десятки тысяч семейств покидали родные места на правом берегу Днепра и селились на живописных, покрытых лесом и тучными лугами, берегах рек Донца, Псла, Ворсклы и их многочисленных притоков.

Весь этот край тогда представлял собою цветущую пустыню на протяжении многих сотен верст к югу от Белгородской оборонительной черты. Сторожевые разъезды и отдельные всадники, выезжавшие для осмотра и охраны из городищ этой черты по шляхам к югу, не встречали никаких селений на своем пути. Самые шляхи эти в описаниях середины 17-го века обозначаются направлениями на горки, перелески и броды, и только набеги татарских орд оставляли более ясные следы на этих дорогах в виде насыпанных курганов, вырубленных просек и наскоро сбитых мостов.

Но зато леса и степи изобиловали в то время зверями и птицами, а реки — многочисленными породами рыб.

Заселяя эту богатую пустыню, новым пришельцам с запада приходилось защищать ее от частых набегов крымских соседей, которые продолжали до конца 17-го века смотреть на вновь заселенный край, как на богатую ниву для грабежей. Татары наносили молодому краю громадный вред, не только грабя и убивая население, но главным образом задерживая на целое столетие культуру его и развитие экономической жизни.

И вот, в эту трудную эпоху мы впервые слышим о дворянских фамилиях, имя которых долго гремело впоследствии в жизни Харьковского края. У Ригельмана в «Статье о Печенеггах» мы видим, что в первой половине 17-го века с первыми партиями казаков переселились шляхетские фамилии Захаржевских¹, Кондратьевых, Лесевицких и других. Мы видим также, что вокруг этих имен объединяются переселившиеся казаки, избирают их своими руководителями. Действительно, в те годы места полковников в Харьковском и др. Слободских полках занимались членами этих фамилий. Ряд жалованных грамот царей Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Петра выданы на имя полковников Донца, Лесевицких, Квитки, Шидловских, Куликовских, Ковалевских и Кондратьева.

Полковник в то время являлся не только вождем, ведущим свой полк в бой, но и администратором целого района, находящегося в ведении того же полка. Здесь он был всемогущ, как гетман², подобно ему носил булаву и жаловал грамоты (универсалы). В то же время он являлся крупным помещиком этого района, так как цари московские щедро наделяли землями полковников за их службу и за верность их полков Московскому престолу в дни многочисленных смут и восстаний на Украине.

К жалованным землям полковники скупали окрестные владения, а иногда и захватывали их самовольно и заселяли казаками, или черкасами, которые охотно шли под защиту влиятельных и сильных владельцев, а иногда и беглыми людьми с Москвы и Польши. Таким образом складывался постепенно класс крепостных в этом крае, или «подданных черкасс», как их часто именуют в документах того времени.

Пожалованием, скупкой и захватом земель объясняется объединение того громадного количества земли в руках одного лица полковника, которое после него делается достоянием целого рода.

Мы видим, что потомки Сумского полковника Герасима Кондратьева еще в царствование Екатерины II владели в Сумском и Ахтырском уездах 119083 дес., не считая владений в Курской губернии³. Полковник Григорий Ерофеевич Донец (Шляхетный Захаржевский, знаменитый своими походами на Крым) и сын его Феодор владели значительную частью Харьковского, Змиевского и Валковского уездов. Их владения перешли целому ряду Харьковских дворянских родов: Щербининых, Квиток, Дуниных,

¹ Д. И. Багаей в истории гор. Харькова (т. I, стр. 81) опровергает дворянское происхождение Донец-Захаржевского, приводя ссылку в описании г. Харькова 1663 г. на десятника Грицька Донца, но был ли тот Грицько знаменитым победителем Крымцев, которого современники определенно называли «Шляхетным Захаржевским».

² Именуется Гетманич (Михайловский архив).

³ Арх. Филарет. Истор.-статист. описание Харьков. епарх. 1859 г.

гр. Сиверс, Веселовских, кн. Голицыных и Трубецких. То же мы видим с землями могущественного Ахтырского полковника Ивана Ивановича Перекрестова, которому принадлежала значительная часть Ахтырского и Богодуховского уездов. Земли эти отобраны были Петром Первым, прогневавшимся на Перекрестова, и переданы им частью царскому духовнику Надоржинскому, а частью в род другого полковника Осипова, и перешли от них фамилиям Корсаковых, кн. Голицыных (Славгородск.), Лесницких, Кованько, Палицыных, Павловых и др. То же самое происходит с землями других полковников, Ковалевских, Лесевицких, Квитки, Хорвата, Боярского и др.

Интересны некоторые подробности приобретения земель в те времена, когда ценность земли была ничтожна, когда границы ее определялись направлением на реки и леса, а пространство — числом дней, потребных для ее вспашки одним плугом⁴, когда о сохранении границ мало заботились, и соседи могли незаметно прихватывать участки в несколько квадратных верст. Так мы читаем в рапорте сотника Кременецкого о землях Городнянской сотни, 1779 г.⁵:

«Владелец бывшей в Ахтырском полку Полковник Иван Перекрестов усиленно завладел лесною дачею от Валковскаго яру на 4 версты сосновых боров стогры речки Мерлы, с вершины Будянскаго дачи на низ на Мерлу и чрез речку Мерчик до Краснокутской дачи в длину на восемь поперечнику от Мурафских дач до реки Мерло на 4 версты», и далее у него же: «владелец бывшей в Ахтырском полку полковой судья Матвей Боярский по Козаевскому яру повыше местечка Городного ратушной землей с лесами, угоди и рыбными ловли завладел в длину и поперечнику например на две версты и на оной земле поселена его владельческая деревня Глибовка, чем ныне владеет жена его судейская Евдокия Боярская»⁶.

В числе крепостей на земли Ахтырского полка находим мы купчую, по которой, пишет преосвященный Филарет, «ахтырскому полку, полковой есаул Матвей Осипов сын Шарий в 1770 г. приобрел за 4 рубля, луг и пахатную ниву по сю сторону речки Мерчика и Шаровки»⁷.

Что же являли из себя усадьбы первых помещиков-воинов? Это были укрепленные места, небольшие крепости, окруженные рвами и палисадами. В Старой Водолаге, в усадьбе Ширковых, до сих пор остались следы насыпей и рвов старой крепости, в которой был двор полковника Григория Донца. У арх. Филарета мы находим описание его: «Дом господский деревянный, окружен наподобие четырехугольного редута с четырьмя бастионами. При нем саду не имеется».

Сходное с этим описание двора Ф. В. Шидловского находим мы в «материалах для очерка деятельности Шидловских», приводимых Д. И. Багалеем в Истории горо-

⁴ Д. П. Миллер. Архив Линтваревых.

⁵ Д. И. Багалей. Заметки и Материалы для Ист. Слобод. Украины.

⁶ Оба участка входят ныне в Натальевское имение В. А. Харитоненко и представляют собою площадь в несколько тысяч десятин.

⁷ Земля эта нынче принадлежит г. Кениг и представляет собою громадную ценность (с. Шаровка).

да Харькова; мы узнаем, что «дом его с девятью светлицами, в селе Рождественском на Донце, был огорожен стоячим тыном, с четырьмя башнями наподобие крепости. Шидловский, как видно, начал строить каменные палаты, но успел вывести лишь восемь кладовых, из коих три с печами. При доме был яблоневый сад и виноградник; на площади против ворот выход был сделан внутри деревянный, а сход с него под лестницей — кирпичный со сводами, окна во всех светлицах стеклянные, из надворных построек был ледник с сушилом, амбар, две конюшни с сараями и погребом».

Под постоянной угрозой татарских вторжений первые помещики должны были прежде всего думать о неприступности своих усадеб. Самые жилища и палисады в те времена строились из дерева и, к сожалению, не сохранились нигде до наших дней. Вероятно, архитектура их носила черты, сходные с немногими, дошедшими до нас образцами деревянного церковного зодчества той эпохи — те же шатровые крыши и низкие стены с легкой орнаментикой и небольшими колонками.

Судить о внутреннем убранстве домов мы можем по сохранившимся описям движимости полковников Донца, Шидловских и Перекрестова⁸, мы усмотрим из них, что богатые помещики того времени обставляли свои комнаты незатейливой мебелью; ставились деревянные стулья, столы, органы, лари и поставцы, но на стенах вешались зеркала и большое количество картин типичного казачьего письма, образцы которого мы найдем в Харьковском музее. У стен ставили портреты знатных членов семьи. Так, в Матвеевке у Д. Н. Кованько мы видим портрет полковника Осипова, а в Карасевке Е. А. Хрущовой — портрет полковника Герасима Кондратьева, оба изображены в мантиях и с булавами. На стенах висело ценное оружие. В описях мы находим также длинный перечень одеяний, крытых бархатом, парчой, штофом, люстрином, обьярью, камкой, гранитуrom и др. плотными тканями, иногда опушенных дорогим мехом. Одежда была казачьего покроя, мужчины носили широкие шаровары, полукафтаны и черкески с откидными рукавами, на красоте которой сосредоточивались главнейшие попечения. Женщины носили кунтуши-кафтаны в талию с отложным воротником и обшлагами. Поверх одежды знатные чины надевали мантию-епанчу.

В кладовых помещиков хранилось много тканей, мехов, серебра и золота в виде посуды и в слитках. Всего было в изобилии в те времена, когда деньги имели лишь меновую ценность и главное богатство почиталось в накоплении вещевых запасов, из которых целые поколения черпали все нужное для своего обихода.

Хотя в описании господского двора в Водолаге сказано, что сада не имеется, но слобожане издавна имели склонность к садоводству⁹. Уже в царствование Алексея Михайловича мы видим значительные виноградники в Св. Горах и фруктовые сады в Новой Водолаге и Краснокутске. Однако сады того времени носили скорее промышленный, но отнюдь не декоративный характер.

⁸ Г-жа А. Я. Ефименко, ст. в Харьк. сборн. 1887 г. С. И. Кованько, Описание Харьк. губ. 1857 г. и Д. И. Багалея, История города Харькова, т. I, глава 16.

⁹ Речь проф. Багалея 17 января 1889 г.

Уже тогда крупные помещики считали для себя обязательным строить церкви в своих поместьях и при своих дворах. И если наружный вид этих церквей чарует нас наивной простотой своих линий, то для внутреннего убранства строители не жалели денег, и немногие церкви того времени, спасшиеся от огня или вандализма прихожан, красотой и причудливостью своих иконостасов свидетельствуют об искусстве тогдашних резчиков. Примерами служат церкви с. Бездрика М. А. Алферовой в Сумском уезде и в с. Каплуновке Богодуховского уезда (построена полковником Перекрестовым), в ней впервые явилась чудотворная икона Каплуновской Божией Матери.

Существует предание, что Карл XII велел сжечь эту церковь, обложив ее соломой, и, видя из окна дома священника, что никакие усилия его солдат не достигают цели и церковь не загорается, устранился гнева Богородицы и поверил в чудотворную силу иконы, которая тогда сопутствовала Петру I в походе, но издали покровительствовала своему храму.

Суровая военная жизнь того времени ковала характеры, и суровы были нравы в ту пору. Наряду с постройкой церквей и делами милосердия, крупные землевладельцы чинили порою и грозный самосуд.

Часто бывали случаи нападения целых отрядов из подданных помещиков на более слабых соседей. Иногда таким способом решали споры о границах и праве владения. О таких случаях свидетельствует ряд писем начала XVIII века в архивах Щербининых и Кондратьевых с жалобами на захват земель и избиение крепостных соседних владельцев. До сих пор на колокольне в селе Крючике, Богодуховского уезда, висит колокол, вылитый в память победы помещика Н. А. Каразина над соседом его Ольховским, прогнанным вооруженной силой.

Случалось также, что помещики не только поощряли грабежи, совершаемые их подданными, но и сами становились во главе разбойнических банд и вели систематические набеги. У арх. Филарета мы читаем про сестру известного Сумского полковника Герасима Кондратьева, которая, по преданию, «была отважная женщина, но жила нечестно, она набрала себе ватагу сорванцов и на большой дороге обирала с ними московских купцов. Брат ее, узнав о том наверно, приказал сказать ей, чтобы унялась... После личных его убеждений переменить жизнь, сестра не переставала жить по-прежнему, тогда Герасим Кондратьев, поймав ее на деле, засадил в каменную стену и замуровал».

Трудно судить о достоверности рассказа, но он характеризует нравы того времени. Нужно прибавить, что Герасим Кондратьев был мудрым администратором, строителем многих церквей и двух монастырей и если не основателем, то покровителем нескольких народных школ при церквях его поместий (по переписи 1732 г. школа в селе Кровном с 4-мя дьячками, в с. Бобрин и др. его владениях). По вычислению Г. П. Данилевского тогда в Слободской Украине имелось до 46-ти школ.

«Издавна, говорит С. И. Кованько в своем описании Харьковской губернии, при многих церквях Слободской Украины были открываемы приходские школы». Участие слободских помещиков в создании школ несомненно в силу их влияния на духовенство

и приход. Они не только строили и содержали церкви, но и имели решающий голос при назначении причта.

Профессор Багалея в своей речи 17 января 1889 года приводит свидетельство Вейнберга, что в начале XVIII века «во владельческой слободе Белокуракиной, населенной подданными малороссиянами, по мысли владельца, открыта была школа».

Таков был, в общих чертах, быт слободских помещиков до половины XVIII века.

Тогда жизнь требовала постоянной борьбы за безопасность и нечего было думать о роскоши усадебной жизни последующей эпохи от Екатерины до Николая I, к которой мы переходим.

Г Л А В А I I

Расцветом в жизни поместного дворянства следует признать долгие годы царствования Великой Екатерины и Благословенного Александра. Если французское влияние, царившее в Петербурге при Елизавете, отразилось сильно на подмосковных поместьях и, благодаря Разумовским, проникло в Чернигов, то на помещичьей жизни Слободской Украины оно отразилось мало. Мы не видим здесь ни одного помещичьего дома того времени. Барочные формы, свойственные той эпохе, привились лишь в слабой степени в церковном строительстве, и то мы почти не найдем усадебных каменных церквей в этом стиле. Зато в царствование Екатерины это влияние сказалось и здесь в полной мере. Если нравы и взгляды на право эволюционировали медленно и мы долго еще встречаем случаи насилия помещиков над соседями и их подданными, то наружные формы и самый склад жизни в поместьях сильно изменились. Помещики спешат возводить в своих деревнях каменные дворцы по проектам лучших художников, работающих при Петербургском дворе. Перед дворцами обыкновенно устраивали широкие парадные дворы (*cour d'honneur*), окаймленные красивыми флигелями с величественными каменными воротами при въезде; вокруг дворца разбивался парк, в котором белели каменные павильоны, круглые беседки с куполами, усадебные театры. Вблизи дворца строилась церковь в том же стиле, что и дворец, и при ней устраивался семейный склеп помещика. На могилах его семьи ставились художественные памятники в виде обелисков, статуй и урн. Блестящими образчиками усадебного строительства Екатерининского времени служат теперь Мерчик, Хотень, Должик и Александровского времени: Бурлук, Графское, Михайловка, Токари, Куяновка, Васильевка. Стремление строить и придавать всем постройкам художественные формы классики было свойственно не только крупным владельцам. Мы видим и в скромных усадьбах Екатерининской и Александровской эпох у помещиков среднего достатка не только барские дома, но даже службы и амбары с прекрасными фронтонами, на колоннах строго соблюденных ордеров, с рустованными углами, правильными легкими арками. Казалось, что чувство вкуса и стремление к прекрасному сразу привились людям того поколения.

И жизнь в этих усадьбах соответствовала их внешнему виду. Хлебосолье великорусских помещиков было свойственно и их южным соседям. И здесь, во дворцах Слободской Украины, помещики созывали гостей на пиры и празднества, развлекали их псовой охотой или спектаклями, разыгранными актерами из крепостных.

В Хотенских архивах мы найдем письма от Бибикова и графа Ивана Гендрикова к Кондратьевым, где они просят о присылке борзых и гончих для царской охоты. Там же

Д. П. Миллер нашел «ведомость о собаках», где значится на хотенской псарне Камбурлея 30 борзых и 33 гончих, причем указывается на то, что эти цифры ничтожны сравнительно с количеством собак других владельцев. В. И. Ярославский в своих воспоминаниях о Харьковской губернии (1788–1820 гг.) пишет о жизни в Мерчике Григория Романовича Шидловского: «Г. Р. был в свое время самый блистательный помещик губернии. Служа несколько курсов губернским предводителем дворянства, а потом вице-губернатором в царствование Екатерины, он привык давать великолепные, пышные обеды, балы и вечеринки. В Старом Мерчике построил он каменный огромный дом на высоком цоколе, где помещались печи и от них нагревались стены залы и гостиных в два света с хорами для музыкантов. Напротив был каменный двухэтажный флигель для помещения кухни и прислуги... В саду каменный манеж, беседка, резервуар и ротонда в виде круглого храма в два этажа со сводами, наверху, бывало, играет музыка, а внизу в прохладе отдыхают посетители. Все домашние и садовые постройки строены были по планам А. А. Палицына¹⁰... На обедах сервиз подавался весь серебряный, хрустальные доски на столах посыпаны были разноцветными песками в виде прелестных ландшафтов».

У Г. П. Данилевского в Украинской старине мы находим описание имения Основы, принадлежавшего в начале XIX века губернскому предводителю дворянства Андрею Федоровичу Квитке: «Он имел счастье принимать в Основе покойного Императора Александра I. Смоляные бочки горели на всем расстоянии дороги от Харькова до Основы. Император, войдя в великолепный дом Основы¹¹ с оранжереями, бронзой, зеркалами и мрамором, спросил с улыбкой: «Не во дворце ли я?» Сад Основы, где теперь бегают серые кролики, где устроены дорожки, усыпанный оранжевым песком луг перед домом и собрание оранжерейных растений и деревьев, растущих на воздухе, не найдет себе соперников во всем околотке».

Помещики тех времен желали, чтобы при дворах их процветали искусства. Для управления домашними оркестрами из крепостных вызывались музыканты из столицы или из заграницы. В той же Хотени имеется переписка Камбурлея с «виртуозом» Францем Блюмом, приглашенным из Германии. В. И. Ярославский говорит, что «в Хотени часто играли музыки — скрипичная, духовая, а иногда роговая, доставшаяся М. И. Камбурлею от Попова, правителя канцелярии светлейшего князя Потемкина Таврического. Сверх того певческая, в которой были две девицы, певавшие арии».

Тогда было в обычае писать портреты с помещика и его семьи. Заказ давался иногда столичным художникам, но до нас дошло также несколько портретов местной Харьковской школы живописи, основанной Иваном Семеновичем Саблуковым при Екатерине¹².

¹⁰ Все указанные постройки, за исключением ротонды, существуют поныне и воспроизведены в нашей книге.

¹¹ Прекрасный деревянный дом Павловских времен с высоким куполом, к сожалению, за ветхостью недавно разобран нынешним владельцем Основы А. В. Квиткою, воспроизведен ниже по снимку Д. П. Гордеева.

¹² В. В. Веретенников. Худ. Школа в Харькове в XVIII веке.

Иногда же портреты писались крепостными художниками.

Некоторые архивы (напр., Бабаевский, А. П. Флотта (Щербининский архив), Хатнянский графини Ц. В. Гендриковой или Камбурлеевский в Хотени) дают нам сведения о степени развития сельскохозяйственной культуры у Харьковских помещиков, являвшихся единственными насадителями ее в крае. И мы видим значительные успехи во многих отраслях сельского хозяйства. Процветало тогда и садоводство, этот давнишний промысел Слободского края. Но отрасль эта приняла в усадьбах новый характер, декоративный. В начале царствования Александра I В. Н. Каразин, основатель известного и ныне сада в с. Основьянцы Богодуховского уезда, посылал своих крепостных в учение к садовнику-англичанину, заведовавшему Хотенским садом Камбурлея¹³. Сад прежней незатейливой усадьбы превращается теперь под тем же влиянием запада в красивый английский парк с лужайками, прудами, кудрявыми группами разнолиственных деревьев и темными елями, столь редкими в то время на юге.

Кто же принес это влияние в далекий Харьковский край, кто побудил Харьковских помещиков перестроить свою жизнь по образцу жизни французских замков? Несомненно, это сделали сами дворяне. Служа в столице, в гвардии, многие из них были свидетелями той роскоши, которая царила в загородных дворцах Петербурга и Москвы при Елизавете и Екатерине. Они восприняли там культ красоты и принесли его в свой родной край. Надо полагать также, что эволюция эта всячески поощрялась и двором Екатерины, которая несмотря на свой широкий либерализм не останавливалась перед регламентированием частной жизни, раз она видела уклонение от намеченного пути устройства своего государства на началах культуры западной Европы. В ее царствование мы встречаем любопытный документ установления формы одежды не только для дворян, но и для дворянок Харьковского наместничества. В истории Харьковского дворянства Л. В. Илляшевич приводит Именной Указ от 6 мая 1784 г. генерал-поручику Черткову, в котором говорится: «Дозволив каждому наместничеству присвоить особые цвета для платья находящимся там у деле, тако же дворянству и гражданству, Мы препроводили в сенат Наш рисунки с описанием для лучшей ясности в исполнении, а вам чрез сие дать знать рассудили за благо, дабы вы старались вводить оное в употребление для обоего пола жительствующих в губерниях вам вверенных предпочтительно всякому другому наряду и украшению».

Строгой регламентации подвергался по чинам и выезд помещика. Так, в 1784 г. отставной прапорщик Перекрестов-Осипов вызывался в суд за то, что проезжал через Богодухов «не по чину его, коляской четырьмя лошадьми с двумя передовыми вершниками»¹⁴.

Из указа Губернской Канцелярии 1769 года 16 декабря мы видим, что по чинам нормировалось даже право винокурения, этой основы помещичьего хозяйства того

¹³ Д. П. Миллер. Арх. Харьк. губ.

¹⁴ Д. П. Миллер. Арх. Ахтырск. полиц. упр.

времени: «1) Г. г. генералитету до полковника по их благорассуждению, во сколько котлов кто пожелает, 2) полковникам в 4-ре котла, 3) штаб-офицерам, также слободской бывшей казачьей службы, полковникам, обозным и судьям в 3 котла, 4) обер-офицеру в 2 котла и т. д.»¹⁵.

В царствование Екатерины II в жизни Харьковских дворян-помещиков произошло 2 крупных события:

1) Преобразование слободских казачьих полков в регулярные гусарские. Дело это подготовлено генерал-губернатором Щербининым и до него кн. Шаховским и генералом Хрущовым¹⁶.

С этой реформой упразднился военно-административный строй, в котором должности полковников, судей и обозных занимались исключительно местными помещиками.

2) Учреждение Харьковского наместничества с введением губернских присутственных мест и установлением дворянских выборов. Акт этот давал поместному дворянству определенную сословную организацию и государственные права его избранникам¹⁷.

Грамота «на права вольности и преимущества благородного российского дворянства», пожалованная в 1785 г., подтверждала и даровала некоторые преимущества сословию.

Последними актами Екатерина желала оказать милость Дворянству, создать в нем корпоративность, возбудить в нем интерес к древности своего происхождения, к своей родословной, интерес, убитый Петровской «табелью о рангах» и систематическим возвеличением служилого начала. К сожалению, удары, нанесенные в предыдущем веке, были слишком сильны и мысль Великой Императрицы не нашла достаточного осуществления и до наших дней.

У Илляшевича в ист. Харьковск. Двор. мы находим жалобу губернского предводителя дворянства, бригадира Хорвата в его «обращении к благородного общества собранию» 1793 г. на то, что «многие из числа состоявших в сей губернии не только не составляют общества, не быв в собрании с начала дарованного Е. И. В. Высочайшей грамотой милости отчего и качества их, да и самое состояние покрыто незнанием. Находясь в своих владениях, не имев с равными себе поведения и советов, а окружены бывши одними прислужниками влачат жизнь праздную и шествуя стопами своеволия другого, нарушают покой... затея, ссоры, тяжбы и драки».

Но если поместное дворянство не сумело в своих интересах использовать предоставленных ему льгот, чтобы стать сильным корпоративным и влиятельным сословием,

¹⁵ Д. П. Миллер, там же.

¹⁶ Д. И. Багалея. Матер. для ист. Слоб. Укр.

¹⁷ До этого дворянство лишь раз собиралось для выборов депутатов в Екатерининскую комиссию об уважении и для составления наказов для этих депутатов; историк Харьковского дворянства Илляшевич в своем кратком труде совершенно не упоминает об этом знаменательном моменте из жизни Харьковского дворянства, однако вопросы, затронутые в этих наказах, настолько интересны, что были бы достойны подробного освещения.

то оно сумело принести в жертву своему отечеству свои лучшие силы и достойные во всех случаях, когда это требовалось.

При Александре войны с Наполеоном вызвали организацию ополчения, и Харьковские дворяне жертвуют непрерывно крупные суммы на это ополчение и сами вступают в ряды его.

Но не только дело защиты отечества требовало жертв дворянства. С давних пор помещики играли ту роль насадителей культуры и просвещения в крае, которую позже Александром II было возложено на Земство. Помещики строят за свой счет школы, больницы, богадельни, оплачивают жалованье докторам, выписывают для крестьян сельскохозяйственные орудия. Они же щедро жертвуют на учебные заведения, открываемые в крае. Так, по мысли славного Богодуховского дворянина В. Н. Каразина, основывается в Харькове университет, и дворянство первое ассигнует для той цели крупную сумму в 400 тысяч рублей. Оно также щедро жертвует суммы последовательно на институт для девиц и кадетский корпус. Самая мысль основания университета в Харьковском крае родилась в среде помещиков: еще в 1767 году среди Сумских дворян возникла мысль об основании университета в Сумах. В этой же помещичьей среде образовались литературный кружок Сумского помещика и талантливого художника А. А. Палицына, а также круг последователей известного философа Григория Сковороды.

Д. И. Багалея в Очерках из Русской истории указывает нам на владельца Стратилатовки (иначе Камянка) Изюмского уезда Андрея Афанасьевича Самборского (впоследствии духовника великой княгини Александры Павловны), который, в царствование Павла Первого, «устроил суд из крестьян стариков, по приговору коих награждали и наказывали, завел школу для обучения крестьянских детей, устроил больницу и определил доктора. В то же время он старался о распространении среди крестьян здравых понятий о земледелии, с этой целью выписал из Англии несколько сельскохозяйственных орудий». Больницы и школы за счет помещиков мы видим во всех крупных усадьбах того времени. Либеральный Богодуховский дворянин В. Н. Каразин пошел еще далее: он по особой записи отменил плату за требы в своем приходе в Крючике, назначив за свой счет жалованье духовенству. Свойственный русскому дворянству альтруизм широко привился на Харьковской почве, альтруизм, которому мы не найдем равного у дворянства западных государств и который заставлял наших помещиков во имя идеи, и часто в ущерб себе, нести материальные жертвы для пользы других сословий, того требовали дворянские традиции.

Г Л А В А I I I

Харьковские усадьбы наших дней по их внешнему облику можно разделить на три группы: 1) старинные усадьбы, перешедшие к их нынешним владельцам, которые бережно сохраняют и поддерживают их, 2) новые, иногда великолепные усадьбы с прекрасными парками и дворцами чисто современной архитектуры, напоминающие заграничные поместья, 3) небольшие скромные усадьбы без стиля, без каких-либо характерных для эпохи черт, но порою уютные, хозяйственные и в порядке содержимые.

Из этих трех типов усадеб первый мне кажется наиболее привлекательным. Из снимков, помещенных в этой книге, можно увидеть, как очаровательны старые усадебные здания, как все в них пропорционально и благородно. Кажется, что эти стены, ниши и колоннады говорят о минувшем лучшем веке поэзии и романтизма, давшем миру так много прекрасного в области искусств и духовных богатств.

Думается, что люди, сумевшие сохранить доставшееся им от прошлого художественное наследие в виде зданий, картин и других предметов, доказывают, что в наш безвкусный век им не чужды прежние идеалы гармонии и красоты.

А как удобны и поместительны эти старые дома и службы, и как хорошо можно приспособить их к условиям современной жизни, не нарушая их красоты. Нельзя не отметить некоторых, всего лучше сохранных усадеб Харьковской губернии, из осмотренных нами: Великий Бурлук, Е. А. Задонской, Васильевка, г-жи Деларю (родовая усадьба Бекарюковых), Графское, графини С. П. Гендриковой, Мерчик, Е. М. Духовского, Токари, А. Д. Игнатъева, Бездрик, М. А. Алферовой, Михайловка, графини В. В. Капнист, Должик, князей Голицыных.

Но не всем суждено владеть старинными усадьбами, и многим современным крупным владельцам приходится создавать новые резиденции, которые великолепием и размерами едва ли уступят первоклассным дворцам Екатерининской эпохи.

Эти усадьбы второй, указанной мною, категории своим устройством напоминают современные замки Англии и Франции, где все создано для удобной и приятной жизни. Такие усадьбы мы встречаем в Натальевке, В. А. Харитоненко, Киянице, г. г. Лещинских, Шаровке и Тростянце, Ю. Л. Кениг, Кекин, В. А. Лорец-фон-Эблин и др.

Что сказать про усадьбы третьей группы? Они милы по-своему, хотя незатейливы. В них часто видна домовитость наших Малорусских помещиков. Но владельцам их хочется пожелать научиться у предков умению вкладывать в строительство даже простых надворных построек ту гармонию линий и благородство форм, которые мы встречаем в старых усадьбах.

Но увы! Есть еще категория усадеб, вид которых наводит на мрачные мысли и убивает желание что-либо создавать. Это усадьбы, покинутые своими владельцами, оставленные на попечении чужих людей. Надо с грустью указать на пришедшую в полное разрушение гробницу князей Кантемиров в Рогани, имении, ныне принадлежащем Крестьянскому банку, на руины гробниц Корсакова в Славгородке; на недавно разрушенный дом бригадира Хорвата в Салтове Волчанского уезда.

Наконец, нельзя не указать на два примера ничем неоправдываемого вандализма, совершенного в усадьбах громадной художественной ценности. Речь идет о страшном упадке, в котором находится бывший дворец Донец-Захаржевских в Константиевке Змиевского уезда, ныне составляющей майорат графа Головкина-Хвоцинского. Ниже изображена конюшня, устроенная в прекрасном двусветном зале дворца.

Вторым примером является сознательное разрушение советниками покойного графа Строганова гнезда Кондратьевых, Хотени, пожизненно ему доставшейся, откуда он велел продать всю обстановку редкой художественности (часть ее, оставшаяся в Харьковской губернии, воспроизведена ниже), а дворец предполагал разобрать на кирпич для церкви, что, к счастью, не осуществлено. Однако не поддерживаемый уже многие годы дворец приходит в тот вид упадка, который можно увидеть на снимках в настоящей книге и из которого трудно будет вывести его нынешнему владельцу г. Лещинскому. *De mortuis aut hihil, aut bene*, но невольно рождается чувство горького упрека, по отношению к тому представителю славного рода русских меценатов, который способствовал трагическому окончанию этой главы истории прекраснейшей усадьбы Харьковской губернии, Хотени, усадьбы столь блестящей в прошлом и столь пустынной в наши дни.

Остается пожелать более счастливого будущего другим, сохранившимся и ныне цветущим усадьбам нашего родного края.

Гр. Н. В. Клейнмихель.

АРХИТЕКТУРА ХАРЬКОВСКИХ УСАДЕБ

ГЛАВА I

В этом кратком и, собственно, довольно обобщенном очерке обзор строительства сделан на основании материалов, собранных лишь в пяти осмотренных уездах Харьковской губернии. Однако, по имеющимся сведениям, предположительно можно было заключить, что материал по остальным уездам мало отличается по характеру от представляемого здесь. Поэтому можно было сделать и приведенные обобщения заранее, т. е. до объезда остальных уездов и до собрания материала, который войдет во вторую часть издания. Тем более оправдывающим мотивом являлось еще то обстоятельство, что хотя и в оставшихся уездах есть еще очень много материала, но, однако, качественно наиболее характерный и интересный находится, собственно, в пределах описываемых пяти уездов.

Первые усадебные постройки Харьковской губернии относятся, вероятно, к половине XVIII столетия. Едва ли была необходимость сооружения поместий для владельцев обширных необработанных земель в более раннее время. Во всяком случае, если и появились тогда какие-либо здания, то, или позже снесенные до основания, они совершенно не сохранились до нашего времени, или были так перестроены, что их и не узнать теперь! Даже церкви начала XVIII века уцелели в этом крае не в очень значительном количестве.

Между тем помещиками тех времен, вероятно, построено было немало храмов.

Впрочем, деревянные храмы в селах Мерефа (колокольня), Веселое, Бездрик и др. запечатлевают вполне все стилевые особенности церковных украинских трех и пятикупольных сооружений в стиле «барокко».

Поэтому, прежде чем касаться самих усадеб, остановимся на церковных сооружениях как старейших из уцелевших памятников, имевших отношение к усадебному строительству.

В самом деле, прелестны купола таких церквей, прихотливо-изогнутые, с перехватами, в несколько ярусов поднимающиеся над сравнительно низким основанием храма. Такие многоярусные купола — «бани» в Харьковском уезде не во многом уступят лучшим «памятникам» деревянной церковной архитектуры Черниговской, Киевской, Полтавской или Волынской губерний (церкви г. Короча, сел. Березки, Короп). Больше всего сходства у них все-таки с известными храмами Черниговской губернии. Например, три яруса куполов колокольни в с. Мерефа — совершенно тождественны покрытию среднего купола церкви г. Короча и т. д. Встречается и шлемообразное покрытие купола (церковь в с. Бездрик).

Характерною частью не только этих ранних деревянных храмов Харьковской губернии, но и более поздних, как бы по традиции воздвигнутых все в том же «барочном» стиле, являются крылечки со стороны паперти, с южной и с северной сторон.

Эти крыльца имеют вид портиков из очень тоненьких, часто парных колоннок с упрощенными капителями (просто в виде четырехугольных дощечек) и базами (в виде дощечек, оструганных в виде кружочков). Колонки портиков покрыты треугольными фронтонами.

Таково, например, крылечко церкви в с. Ивановы и др. Позднее и в каменную архитектуру проник этот же элемент, и мы встречаем всюду в самых простых по архитектуре храмах такие своеобразные портики.

В деревянном зодчестве, где стены всегда почти обшиты вертикально поставленными досками, часто интересна раскраска: колонки белые, а стены голубые, синие или желтые; при зеленых крышах «банных» покрытий (никогда не желто-зеленого тона, а всегда белесовато-бирюзово-зеленого) и золотых верхних куполках, колорит таких сооружений не лишен приятности.

Церкви Харьковской губернии, окруженные оградами (конечно, часто более поздними), с пышно разросшимися вокруг них садами, всегда поставленные удачно на холм или вообще «на отлет» от деревни, заслуживают быть отнесенными к числу живописных сооружений края.

Прежде чем перейти к каменным храмам, нельзя не упомянуть о деревянных старинных постройках другого предназначения. Здесь подразумеваются не усадьбы, — о деревянных помещичьих домах речь впереди, — а служебные, но не сельские, постройки. Деревянные, побеленные хаты, у которых сохранились интересные ставни, особенно красиво раскрашенные, — немногочисленны.

Таков навес или род звонницы в селе Гречановка Сумского узда. Это, по-видимому, не крестьянское сооружение, но, конечно, и не церковное. Между тем такие, где-то

среди чистого поля или на краю деревни, у выезда из нее одиноко стоящие башенки — очень характерны, вполне стильны и должны быть отнесены к усадебному строительству, но может еще додворянской эпохи, т. е. к XVII веку?

В равной мере все, что сказано о живописности и «уютности» церквей деревянных, можно отнести и к каменным храмам Харьковской губернии. В самом деле, если мы не знаем теперь точно, в какой мере были связаны сохранившиеся деревянные храмы с «поместьем» землевладельца, то ведь сохранившиеся каменные церкви почти всегда находятся в местной планировке в связи с усадьбой. Невдалеке от дома, среди парка, часто даже более удачно, нежели самые дома, поставлены церкви. Лишь в некоторых случаях церкви, построенные несомненно помещиками, оказались среди деревни (сильно разросшейся за сто лет), или в большом расстоянии от усадьбы (с. Бурлук). Но и тогда ясно видно из рассмотрения генерального плана, что место для храма заранее выбрано при застройке усадьбы, находится, например, на главной оси с домом, или с аллеей, ведущей к нему, т. е. выбрано так, чтобы храм был хорошо виден из окон дома. Часто церковь строили вблизи (Должик, Константиевка, Михайловка) в уютном единении с домом, образуя с ним несомненно цельный *ensemble*.

Наиболее ранние каменные усадебные церкви (мы не касаемся чисто сельских или городских, — конечно, в Ахтырке, в Валках или в некоторых деревнях есть храмы и ранние и, главное, отличной архитектуры, например собор в г. Ахтырке, построенный Растрелли) в пределах описываемых пяти уездов находятся в Старом Селе Сумского уезда, в Должике Харьковского уезда и в Матвеевке Богодуховского уезда. Последний храм очень оригинален своим круглым планом.

Церковь Старого Села отнести надо к началу XVIII века по стилю и, вероятно (для провинции всегда надо принять во внимание некоторое запаздывание), к половине столетия по времени построения.

И покрытие храма, и обработка стен, и рисунок наличников носят определенный характер стиля барокко, но не московского «нарышкинского» «барокко», а петербургского, «трезиниевского», хотя, правда, сильно упрощенного и даже огрубелого.

Тяги карнизов мелкого, дробного профиля, подобие худосочных триглифов во фризе, прерванные высокие фронтоны с вставленными в тимпан круглыми окошечками, наличники окон с расширениями наверху, рустовка пилястр и силуэт куполов — напоминают церкви Петербурга эпохи Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны, т. е. эпохи, предшествовавшей появлению великолепного графа Растрелли, приукрасившего и сделавшего более изящными постройки своего времени.

После церкви Старого Села надо упомянуть Должиковский храм, тоже XVIII столетия, построенный ранее нынешней усадьбы, вероятно, вместе с прежде существовавшим домом. Украина, барокко — чувствуется в основных формах храма! Паперть обработана по традиции колоннами: может, она поздняя? Восьмиугольное же завершение куба колокольни, с переходом шейкой к барочному куполку, конечно, раннее сооружение. Особенно это заметно по наличникам окон, которые уже определенно

запечатлевают собою формы московского барокко, но, конечно, ничего общего с расстрелиевским барокко, как некоторые хотят думать, эта церковь не имеет. Возможно, что самые верхние куполочки поздние (ампирные).

Сюда же отнесем церковь усадьбы Старый Мерчик, построенную в формах начала XIX и даже конца XVIII столетия.

Церкви самого начала XIX столетия не более многочисленны. Отзвуки, правда, отдаленные, церквей, построенных Фельтеном в Петербурге во второй половине XVIII столетия находятся в Бабах и Константиевке (вторая — как бы копия первой церкви); вот все то, что можно отнести к 1790—1810 годам. 1810—1820 годы зато дают нам уже отличные образцы чистого ампирного стиля. Есть среди этих храмов и импозантные и обширные сооружения. Некоторые из них сохранились в первоначальном виде и являются украшением не только края, но лучшей страницей истории архитектуры России. Таких церквей, как в Великом Бурлуке, отчасти в Славгородке, немного во всей России, и не только в помещицкой или губернской России, но даже столичной.

В самом деле, особенно первая из упомянутых церквей, по чистоте стиля и мощности осуществленных форм — сооружение, достойное проекта, исполненного рукою лучшего мастера: какие пропорции ордера, как тонко, нежно и умело выполнены все детали! Какая невиданная красота колоннады, соединяющей колокольню с самим храмом!

Прелестны и позднейшие церкви в стиле *empire* и в усадьбе Алексеевка и в Белом Колодезе, и в Гречановке, и в Графском. Есть храмы и с оттенком стиля *faux gothique*.

Конечно, огромное большинство церквей Харьковской губернии — второй половины XIX столетия. Это все безличные классические «перепевы» 40—50-х годов: колокольни в два-три яруса с колонками испорченных ордера, «вялые», плохого контура купола.

Как и в старейших деревянных, так и в поздних храмах половины XIX столетия, часто бывают очень интересны иконостасы или киоты (из прежних церквей). Лучший в этом роде иконостас конца XVII столетия, украинского стиля, в церкви села Бездрик, Елизаветинского времени — в церкви села Водолага: пышное барокко, не уступающий *chef d'oeuvre* ам этого рода, например, иконостасу в соборе Козельца, Черниговской губернии. Красивые ампирные иконостасы находятся в церквях Великого Бурлука, Ракитного, Константиевки и др.

Из деревянных церквей стиля *empire* лучшая, как по внешним формам, так и по сохранявшемуся в ней иконостасу, была церковь в с. Лютовка.

После пасхальной заутрени 1915 года ее не стало: пламя в течение нескольких часов беспощадно поглотило и храм, и чудесный иконостас...

Так досадно исчезла одна из лучших реликвий усадебного строительства начала XIX века!

Рассмотрев памятники церковной старины, поскольку они входят в общий обзор усадебного строительства края, так как нередко церкви были воздвигаемы иждивением помещиков, часто входили в план усадьбы и даже были строены в тесном едине-

нии с усадебным домом, — надо упомянуть еще о самостоятельном роде архитектуры, именно о т е х п а м я т н и к а х , которые украшают собою многие кладбища вблизи церквей или в парках, и о таких часовнях-мавзолеях, которые находятся собственно вне стен усадеб, но построены в честь или на могилах местных, прославившихся в России помещиков.

К таким надо отнести прежде всего прекрасный, ныне погибающий, мавзолей в честь родственника известного основателя русской изящной словесности кн. К. О. Кантемира в с. Рогань, мавзолей на могиле генерала Корсакова в с. Славгородок, фамильный мавзолей гр. Сиверс в с. Старая Водолага и мавзолей в Куяновке Куколь-Яснопольских.

Из фамильных надгробий упомянем о замечательных и почти погибших монументах в парке усадьбы Старый Мерчик. Монументы у церкви с. Славгородок — одни из лучших и наиболее характеризующих высокое состояние культуры и вкуса тех времен.

Эволюция архитектурных форм памятников гражданской архитектуры Харьковской губернии шла в общем параллельно тому же течению и развивалась в период тех же эпох, когда возникали в этих местах и церковные, и приближающиеся к ним по характеру только что рассмотренные сооружения (часовни, мавзолеи, кладбищенские памятники).

Но разнообразие форм в данном случае, пожалуй, будет еще меньшим.

Усадебное строительство, беря свое начало в последних годах XVIII столетия, развивается главным образом в продолжение первой четверти XIX века. Лучшие постройки относятся к 20—30-м годам, причем, как исключение, можно упомянуть усадьбу Мерчик, одну из самых интересных не только в области рассматриваемых нами пяти уездов Харьковской губернии и даже не только во всей этой губернии, — но, смело можно сказать, — во всей России. Мерчик, очевидно, построен был в 80-х годах XVIII столетия, в эпоху расцвета стиля *Louis XVI*, т. е. начала классицизма, когда на смену «барокко» Елисаветинской эпохи пришли новые течения из Парижа и в Петербурге строили Фельтен и Ринальди, а в Варшаве, Вильне — Кубицкий, Мерлини, Мошинский и Цуг.

Бесспорно, в качестве постройки более ранней, нежели эта усадьба, можно упомянуть только бывший помещичий дом в Старом Селе Елисаветинского времени и архитектурных форм, приближающих его к постройкам стиля «барокко». Если это был действительно дом ж и л о й и дом местного п о м е щ и к а (ныне это амбар), то эта постройка явится, вообще, одной из наиболее старинных в усадебной России.

Дом в Писаревке, тоже Сумского уезда, можно отнести к концу XVIII столетия. Не только части его фасадов, но и крыши (особенно крыши), говорят в пользу этого предположения. История дома в Писаревке (Волчанского уезда) говорит о большой давности его построения, но теперешние слегка готические формы мало подтверждают это.

К числу сохранившихся построек раннего периода отнести можно также дом в Куяновке (Траскина) — его крутая крыша донине (?) покрыта даже гонтом, — и хотя фасады этой уютной постройки лишены особой архитектурной обработки, но зато местный украинский тип сооружения чувствуется здесь гораздо сильнее, не-

жели в появившихся позже классических дворцах, возводимых, несомненно, если не московскими зодчими, то строителями из Киева или Полтавы, равно наполнявшими многоколонными портиками всю Украину, будь то Черниговщина, Харьковщина или Вольнь. В конце концов, многие лучшие дворцы и дома — как-то Графское, Железняк или Бездрик — все это почти тот же тип, что и Сокиренцы (Полтавской), Александрия (Киевской) или Ляличи (Черниговской губернии). Усадебного типа, как такового, ведь, собственно, нет на Украине. В самом деле, чем дворец в Стольном Черниговской губернии или дом в Васильевке Харьковской отличаются от дома в Михайловке или от усадьбы в Очкине? В конце концов, надо признать, что, обладая типом построек церковных и монастырских XVII—XVIII ст., тоже не очень-то самостоятельным (влияние Германии через Польшу, Польши через Галицию), но все же довольно своеобразным, Украина не выработала своего характера барского «ампирного» дома. И только лишь с территориальной точки зрения можно, конечно, такие сооружения, как Качановка или Ляличи, относить к «украинскому стилю», как это делает автор книги об убранстве украинского дома (К. Шероцкий). В этих Гваренгиевских, подлинно петербургско-итальянских зданиях нет решительно никакой Украины, даже в росписях. Другое дело домик в Козельце (Покорщина) с его интимным обликом сельской архитектуры, с его росписями и печами. И тщетны усилия украинофилов даже такие постройки, как Яготин или Пануровку, причислять к якобы специфически украинским!

Первые усадьбы Харьковской губернии вполне классического облика, как было уже сказано, относятся к началу XIX века.

Лишь Мерчик может быть поставлен особняком. Его архитектура стиля *Louis XVI*, и вообще весь план этой огромной усадьбы, именно п л а н у с а д ь б ы (а не план только дома), т. е. всех служб, флигелей и амбаров, в связи с парком, цветниками, партерами, огородами и фруктовыми садами, — представляет собою что-то настолько самостоятельное и образцовое, что в общий обзор вместе с другими усадьбами Мерчик идти отнюдь не может.

Есть разные пути для толкования истории построения великолепного дворца в Мерчике.

Помимо А. А. Палицына, которому, как мы увидим ниже, приписывают эту постройку некоторые мемуары, можно допустить вполне, что автором, ввиду несколько польско-французского характера архитектуры дома, был ссыльный зодчий поляк (ведь проживали в Уфе, Вятке, Вологде ссыльные поляки из Варшавы, строившие там отличные здания). Но еще вероятнее, что проект был заказан Шидловским архитектору из Варшавы. Очень уж мало общего в характере архитектуры этого дворца со всеми, вообще помещичьими усадьбами России, а сходство с фасадами домов в Варшаве и особенно с проектами Кубицкого, Мерлини, Цуга — огромное. Тот же, совсем и не Ринальдиевский оттенок стиля *Louis XVI*. Да и в общем плановом приеме усадьбы есть что-то скорее напоминающее поместья польской Подолии и Вольни, нежели русской Украины, т. е. Украины конца XVIII столетия, застраиваемой помещиками

из петербургских сановников (Завадовским, Репниным, Миклашевским, Судиенком). В Харьковской губернии строителями усадеб, не так как в остальной Украине, являлись больше местные помещики. Поэтому здесь было большое тяготение и к Москве, и к Польше, и к Петербургу (хотя такие усадьбы, как Хотень, являются исключением), но все же сильны были и местные традиции.

Именно похожие на Мерчиковский фасад постройки мы видим в альбоме (литографий) Наполеона Орды, зарисовывавшего поместья Могилевской, Гродненской и др. губерний.

Если же допустить, что Мерчик явился плодом работы и таланта русского зодчего школы Палицына, то почти все остальное строительство края тем более не подходит к характеру (особенно по стилю) творчества этого автора, мастера этой школы. После строгого, редкого для всей России, и явно носящего тип польских усадеб половины XVIII века в Ковенской, Люблинской, Минской и др. губерниях, Мерчика, ведь все остальные постройки (более или менее) приближаются к чисто русскому характеру, даже более — московскому, «особняковскому». Только церковь в Бабаях и дом в Должике, пожалуй, более ранней эпохи (рустованные стены последнего напоминают о Петербурге и о стиле *Louis XVI*). С другой стороны, дома и в Графском, и в Васильевке, и в Бурлуке — все это классика и притом приближающаяся по оттенку классицизма своего к ампиру Москвы. Особенно в Графском те же детали, как будто рука одного мастера лепила на Пречистенке и здесь, в Харьковской губернии.

Так почему же на всем огромном пространстве Украины, даже всей России, вдруг возникает такая типичная для стиля *Louis XVI* постройка? Кто же из русских или работавших в России мастеров мог построить такое сооружение? Никто. Архитектура его не характерна ни для какого мастера. И нет постройки, с которой можно бы было сравнить дворец в Мерчике. Ни Румянцевский дворец (Музей) в Москве, ни какая-либо постройка Казакова, работавшего в раннем классицизме, ни постройка Ринальди, — не имеет такого оттенка архитектуры стиля *Neufforge'a*. Совсем другое мы видим в отношении стиля «ампир».

Правда, Хотень — строже, мощнее и напоминает Гваренгиевы постройки Петербурга — Смольный институт и особенно Мариинскую больницу, на Литейном.

Но, с другой стороны, нельзя сказать, чтобы в усадебном строительстве Харьковской губернии нарочито проявлялся «ампирный» дух. Уже и Васильевка, и Железняк — не петербургского пошиба этого стиля. Нет, формы здесь строже, проще, тоньше. Даже есть что-то, что роднит усадьбы Украины с постройками далекими, но приближающимися по предназначению к усадьбам, в частности, и к классицистическим постройкам России вообще.

Я говорю о виллах венецианских патрициев и нобилей в провинции Венето в Италии.

Часто забывают этот первоисточник нашего строительства начала XIX века. Все продолжают считать нашу классику «ампиром», детищем Парижа, эпохи Наполеона

и т. д. Между тем и Гваренги, и Тромбара, и Руска, и Адамини, и Ринальди, и Джилярди, и ученики их — все это были истинные, верные себе итальянские зодчие, принесшие из Италии в Россию идеалы и типы строительства с е в е р н о - и т а л ь я н с к о г о . Родом эти зодчие были именно из тех мест, о которых было упомянуто, т. е. из окрестностей Венеции, Падуи и Виченцы.

И, действительно, что общего между усадьбою с тяжелым колонным портиком и парижским легким *hotel*ем? Вот у храма в Бурлуке, правда, есть что-то общее с *Madeline* в Париже. И первые постройки в Харьковской губернии более или менее парижского стиля (Мерчик), большинство же позднейших — в стиле итальянских вилл с *Terra ferma*.

Сходство некоторых усадеб с упомянутыми виллами поразительное. И не только плановое (план Пануровского дома Черниговской губернии, планы домов в Алексеевке, в Сосновке, и планы вилл в Лизиере, в Баньоло, в Пойана — совершенно тождественны), но и по внешней обработке фасадов. Почему же сходны так эти виллы и усадьбы? Потому что были о б щ и м и причины возникновения как тех, так и других. Венецианские дожи, обладая прекрасными дворцами на берегах каналов, тем не менее были лишены в городе хотя бы куска совсем незастроенной земли, сада, виноградника. Поэтому у них было желание завести свое хозяйство, иметь свои сады и, вообще, ощутить простор полей, им хотелось взрастить свою лозу, вдыхать аромат своих цветов. И они строили виллы в окрестностях Виченцы, где чудная, на легком склоне равнина, орошаемая стекающей с снеговых вершин окрестных гор водой, покрыта богатой и сочной тропической растительностью.

Собственно, это были даже не виллы. Разве такова итальянская настоящая в и л л а ? Разве это «вилла» — дом со всякими службами: коровниками, сеновалами, птичниками и обширными помещениями для приготовления и склада вина? Разве таковы были виллы д'Есте, Фраскатти, Мадама вблизи Рима? Вилла — это место отдохновения, и только. Она вне сферы хозяйства, мусора, неизбежного запаха коровников. Вилла не знает двора с колодезем, окруженного сараями для плугов и молотилок, в план виллы не включается склад золотистой пшеницы, кукурузы, «фабрика» шелковичных червей. Между тем таковы все эти поместья графов Порто, Вильмарана, Кальдоньо, — все эти Кампиглии, Баньоло, Фандзоло и т. д. Словом, то, что мы разумеем под понятием «помещичья усадьба», являют собою и эти сооружения в Северной Италии, построенные в XVI столетии Палладио. Вот почему, когда к нам в половине XVIII века прибыли «мастера-каменщики» из окрестностей Лугано, с озера Комо мастера, которые не могли не видеть на родине созданий Палладио и его продолжателей — Скамоцци, Кальдерари и др., — у нас появились т о ж д е с т в е н н ы е сооружения. Архитекторы-итальянцы увидели, что запросы наших помещиков те же, что и запросы венецианских графов.

Так же, как и в лесистой местности у склона Альп, и здесь в Черниговской, Курской и др. губерниях среди лугов и лесов надо было устроить оазис, окруженный службами и амбарами, удобный для жизни и склада урожая полей. Так же вблизи дома перед

одним из фасадов разбивали сад, с другой стороны получался двор, окруженный служебными постройками.

Словом, усадьба, как тема архитектурная, совпадала с виллой палладиевской, и архитекторы, получив много заказов, принялись за композицию проектов (строились как-то все сразу). При этом зодчие столь мало проникались местными условиями, что, почти целиком заимствовав планы родных им построек, совершенно забывали о неудобствах применения такого плана, вызываемых, например, нашим климатом. Прямо почти с подъездного портика, — вход в зал (Пануровка), или чудесная колоннада по фасаду — и вход прямо в зал (как в Фратта Полезина, в Лизиере). И так как нельзя устроить из лоджии подъезда, то парадная дверь вкомпановывается где-то сбоку (Железняк), или позже пристраивается в виде тамбуров, что безобразит все здание и явно свидетельствует о неудобствах плана (Хатнее).

Таковы причины возникновения итальяно-классического палладиевского типа усадьбы. Конечно, и в Харьковской губернии некоторые мастера (больше русские) переработали тип виллы применительно к русским условиям. Получились постройки более самобытные. Двухэтажные, с хорошо разработанными парадными лестницами, с вестибюлями и без зал, расположенных в центре дома и едва освещенных с одной стороны окнами (Фандоло, Лизиера, Меледо, Кальдоньо), — как в Пануровке. Но и здесь общие пропорции (например, соотношение этажей: первого, высокого с большими узкими окнами, и второго, низкого, с квадратными небольшими окнами) — вполне итальянские. Однако антресоли пришлось и нам очень по климату и по вкусу.

Здесь получились уютные теплые спальни и прочие интимные комнаты. При «парадности» характера жизни помещиков тех времен такое разделение или вернее отделение одного рода комнат от другого приходилось как нельзя более кстати.

Но если такие дома, как в Алексеевке, — несомненный, буквальный пережиток планов и зодчества итальянских вилл, то такие дворцы, как в Графском, в Бездрикe, в Константиевке, приближаются к вполне самобытным, русским, н а м и н а й д е н н ы м типам.

Лучшим в этом роде является дворец в Хотени. Таких мощных, обширных сооружений не было и в «усадебной» Италии. Гваренгиевская сила чувствуется в портиках, в богатейшей лестнице, в залах.

Почти все упомянутые постройки, кроме Мерчика, носящего, как было сказано, несколько особый характер архитектуры, как будто польской, — воздвигнуты, несомненно, мастерами из Петербурга. Лишь Графское лепными деталями своими наводит на мысль о Джиллярдиевской Московской школе. Сведений о каких-либо крупных строителях, работавших в этих местах, не имеется. По-видимому, проекты присылаемы были все-таки из столицы. Лишь полтавские правительственные сооружения (дом Дворянства, дом генерал-губернатора, дом губернатора, палата и др.) очень напоминают руку мастера, строившего, например, Васильевку, Михайловку (особенно близко расположенную к Полтаве) и др.

Поэтому можно предположить, что полтавский зодчий воздвиг и часть усадеб Харьковской губернии. Равно и харьковский архитектор тех времен мог воздвигнуть дома помещиков своей губернии. Такие здания, как университетская церковь (бывший дворец губернатора), первая гимназия (слегка *Louis XVI*) и ряд городских домов Харькова напоминают архитектуру построек усадебных.

К сожалению, архивы губернских правлений Харькова и Полтавы, где могли бы храниться соответственные дела, не обладают делами. В большинстве они не сохранились, впрочем, так же как и во всех других богоспасаемых и отдаленных от центра городах России.

Между тем планы некоторых зданий Харькова и Полтавы могли бы многое выяснить и открыть нам таким образом имена строителей. Конечно, Хотень — почти наверное создание первоклассного мастера, и не местного мастера (равно, как Мерчик), невероятно также, чтобы и автором первоклассной церкви в В. Бурлуке, быть может, сооруженной лучшим учеником самого Воронихина, был какой-то Никуатов (местное показание, не лишенное, впрочем, документальных данных), равно как и А. А. Палицыну, з н а т о к у искусства и л ю б и т е л ю архитектуры, приписывается слишком много значения в деле сооружения (якобы) Мерчика, церковью близ Купьевахи, в с. В. Бобрике и т. д.

Для характеристики того отношения, которое имелось в среде помещичьей к архитекторам и для выяснения той роли, которую мог действительно в то время играть какой-нибудь *dilletante* из среды местных же землевладельцев, но только помещичья, победнее, а потому нуждавшийся и прирабатывавший постройками, остановимся подробнее на некоторых материалах. Приведем выдержки из воспоминаний В. И. Ярославского, помещенных в «Харьковском сборнике» за 1887 год (Литературно-научные приложения к Харьковскому Календарю, стр. 29 и след.).

Но, прежде чем ознакомиться с тем, что такое был Палицын «по Ярославскому», надо напомнить, что сам Ярославский был человек малокультурный, и хотя мнил себя понимающим архитектуру и опытным строителем, но таковым вовсе не был, а потому и мог ошибаться.

В. И. Ярославский окончил в 1797 году курс учения в Харьковском казенном училище и был сначала канцеляристом сумского городского полицейского управления, потом он проживал у разных помещиков (типичный приживальщик) и в этой роли, присутствуя за столом, как необходимый атрибут жизни тех времен, служа для всяких поручений и наслышавшись всяких разговоров, кое-что и знал, но сильно путал и ошибался.

Он был и преподавателем, и землемером, и... «архитектором». Понятно, какие только поручения не давали в те времена помещики, сами малообразованные и часто хотя очень воспитанные во вкусовом отношении, но очень невежественные. Получивший «домашнее» образование помещик умел говорить на языках иностранных, понимал красоту искусства (портрета, построек), музыку, но в науках был очень не силен. И вот такой уездный учитель казался ему уже подходящим для образования своих детей.

В 1806 году Ярославский едет в Петербург, и в 1808 году он получает уже, конечно, благодаря, протекции и его постоянному пролазничеству (и это совершенно официально), должность губернского архитектора (*sic!*).

Но так как, собственно, все архитектурные темы тех времен были крепко связаны разными каноническими формулами и все решительно постройки были воздвигаемы в классике, то человек, изучивший ордера, мог смело заняться архитектурой. Строительно-конструктивные методы тех времен были тоже не сложны, материалов не жалели, рабочие руки были дешевы или совсем бесплатны; клали стены с запасом, потолще, своды покрепче, балки посолиднее, благо и дерева было сколько угодно. Изданы были альбомы (Высочайше опробованные), т. е. даны были типы, образцы для проектов, и всякий, не претендовавший на индивидуальность, мог смело заняться застраиванием провинциальной России (не так ли, к сожалению, происходит еще и теперь во многих глухих углах России, где строят бесправные техники даже низшего образования?).

В 1827 году Ярославский получает должность советника губернского правления в Туле, а последние годы жизни проживал в Сумах.

Важно то, что дядя его П. Ант. Ярославский был губернским архитектором в Харькове. Вот этот-то Ярославский, кажется, получивший специальное образование и строивший еще в конце XVIII столетия, вероятно, не безвинен в возникновении некоторых лучших построек Харьковской губернии.

Вот что говорит автор мемуаров:

«В Басах застал я Ал. Ал. Палицына; он, узнав, что я родной племянник губ. архитектора и что я занимаюсь архитектурой (?) просил отпускать меня к нему ежемесячно».

А. А. Палицын, с которым автор воспоминаний был хорошо знаком и о котором много сообщает, по словам В. И. Каразина, «имел вкус к архитектуре, украсил несколько наших городов и множество сел зданиями. Действуя на богатых помещиков, в числе которых Шидловский и Надаржинский были его друзьями, он заохотил (!) их к строениям и лучшему расположению домов, к украшению их приличными мебельями, к заведению библиотек. Ему обязаны большею частью помещики началами европейского быта на Украине» («Украинская старина» Г. П. Данилевского, стр. 129).

«Я строил, — продолжает Ярославский, — по плану А. А. П-а в саду в виде беседки колоколенку на каменных столбах, которая, к моему удивлению, и теперь еще в целости существует, вероятно, оттого, что в столбы мною вставлены были железные штыри, связанные сверху и снизу, а притом и карниз для них был сделан по кругу, а не наливной». «Также я чертил набело план по прожектору А. А. для построения в Штеповке пяти куполов круглой церкви, в которой каменный главный свод между стенами сведен на 6 саженьях. Постройка этой церкви стоила Штеричу 40 т. руб. Здесь (в Басах) по плану А. А. П. построил я каменный дом, существующий теперь, но только в запустении. В верхнем этаже вместо назначенных по плану комнат, с разрешения Святейшего Синода, устроена домовая церковь, построено еще 2 флигеля, оранжерей. В Каменке, владетель которой был Надаржинский, на высокой горе построена по пла-

ну А. А. Палицына каменная превосходная церковь, которая видна едущим даже по дороге из Ахтырки в Богодухов».

«Первым губернским предводителем дворянства Слободской Украины был Ф. Г. Шидловский. У него, по совету А. А. Палицына, я искал места. Шидловский редко приезжал в Харьков, жил в Старом Мерчике. По приезде в Мерчик вручил я письмо А. А. П. и объявил ему, что хотел бы заниматься в его имении по части архитектуры и землемерного дела. Он заявил, что ему не нужен такой, а нужен для меньшего сына учитель. Я просил 400 руб. жалования. Он давал 300».

«Я написал контракт с подрядчиком Добрыниным, который брался строить каменную церковь в Пархомовке для гр. Подгоричани».

Приезд Завадовского вызывает новые сведения. Сопровождал его Г. Р. Шидловский, который сказал Завадовскому, что в Поповке живет старый его сослуживец, бывший при фельдмаршале Румянцеве адъютантом, А. А. Палицын. Он посетил Палицына, обходясь с ним совершенно по-дружески».

«Г. Р. Шидловский был самым блистательным помещиком губернии, и губернский предводитель дворянства В. М. Донец-Захаржевский при свидании со мною обрадовался и пригласил меня ехать с ним в село его Изюмского уезда, Бугаевку, где строился по моему плану двухэтажный дом».

«А. А. П. обрадовался моему приезду, особенно, я думаю, потому, что в это время у него не было помощника для черчения, но было много его прожектов на строения разным знакомым ему помещикам, как прежде. Бывало, что жила у него по 2 и по 3, которые обязаны ему были своим образованием».

«Гуляли по лесу, беседовали об архитектуре».

«В это время я сделал по его проjektу чертежи для увеличения каменной церкви и сделания в ней нового иконостаса в селе Мерчик».

«А. А. посылал Григорию Романовичу Шидловскому планы, объясняя, что сделал я их, и он мне прислал 150 р., вероятно вспомня, что он мне при отъезде дал 50, а станочному 100».

«Просил рекомендовать к богатому помещику, т. е. М. И. Камбурлею для занятий по части архитектуры и землемерия. Он дал мне рекомендательное письмо и лошадей. М. И. К. уважал А. А., по планам которого построены в Хотени большая каменная оранжерея, конюшни и целая улица деревянных сельских домов для музыкантов и певчих. К. ласково принял, дал жалования 50 руб. Из Москвы приехал Н. О. Алферов, лучший из учеников А. А. П. Он приехал в Хотень и занялся черчением планов для постройки каменной церкви в с. В. Бобрик для Е. П. Рахманова».

«В составлении этого плана он уже не следовал вкусу А. А., а городскому (?). Однако, в 50-х годах, бывши в Бобрике, я видел в натуре построенную церковь, совсем по иному плану, говорят, каким-то итальянцем».

«В Хотени покрыл железом церковь, на фанаре которой выложил осьмерик, и сделал купол».

Таковы те немногие цитаты, которые можно извлечь из «мемуаров» Ярославского. Однако и они дают материал для предположений о том, кто же, действительно, строил Хотень, Мерчик и т. д. Одно ясно — сам Ярославский был просто чертежником, выскочкой, словом тем, что всегда во все эпохи считается явлением в архитектуре отрицательным. Такие авторы-строители всегда всюду только портят дешевыми ремонтами старые постройки и возводят, слабые по стилю, новые. Вся его работа у А. А. Палицына ясно ограничивалась «помощничеством», вычерчиванием «набело» планов и чисто хозяйственными, наблюдательными за постройкой функциями. Но чересчур много себе приписывающий чертежник-десятник сумел в те времена, однако, достигнуть должности губернского архитектора.

Неизвестно, что он построил в Херсоне, во всяком случае, едва ли ему принадлежат прекрасные постройки Херсона начала XIX века. Было бы интересно это выяснить и в связи с этим решить вопрос об авторстве Ярославского в харьковском усадебном строительстве. Может, мы и заблуждаемся.

Другое дело А. А. Палицын. Это симпатичнейший тип дилетанта, но, бесспорно, человека с огромным вкусом, бескорыстного постоянного советчика и друга помещичьих очагов; дорогой гость, сам гостеприимный, маленький помещик и страстно любящий архитектуру человек. Он именно гулял, обнявшись с другом-соседом по аллеям фруктового сада, беседовал об архитектуре европейской, о «мебелях». И большая роль А. А. П. в деле насаждения хорошего вкуса к зодчеству и обстановке, конечно, несомненна.

Но, опять-таки, судя даже и по данным восхвалявшего его труды Ярославского, нельзя сказать с определенностью, что же, собственно, построил Палицын. Ни о дворце с Мерчика, ни о Харьковском дворце речи быть не может.

Скорее упоминание о приезде в Хотень Алферова указывает, что вот это именно был помощник какого-то большого зодчего-автора, и поисками о трудах Алферова, может быть, удастся напасть на следы авторства хотеньского дворца. Что же проектировал Палицын? Церкви, беседки, часовни, перестраивал и достраивал, т. е. делал именно то, для чего был достаточен местный десятник, подрядчик и бесхитростный, хотя и со вкусом сделанный план.

Безусловно, Палицын мог создать течение, архитектурную школу. Не только Алферова, но многих других создал он («лучший ученик А.») — однако это не был ни Растрелли, ни даже Ухтомский, опытный архитектор и действительно глава огромной школы зодчих.

Но роль Палицына, как натолкнувшего хотя бы одного Г. Р. Шидловского к приглашению зодчего и к постройке себе дворца по проекту, быть может, лучшего (заграничного) архитектора — очень почтенна, и его имя при обзоре истории строительства края должно быть упомянуто с благодарностью.

Мы встретили уже два имени строителей — не зодчих, а основателей, собственников харьковских усадеб.

М. И. Камбурлей и Г. Р. Шидловский создали два лучших сооружения. С их именами связываются *chef d'oeuvre*'ы архитектуры, достойные быть записанными на страницах если не европейского искусства, то во всяком случае отечественного.

Создать в те времена, в глуши, в многоверстном расстоянии от Москвы, Петербурга и Варшавы (вероятно, оттуда тоже везли многие из материалов во времена Екатерины) такие постройки, так их расписать, так обставить, разбить такие парки — это огромная культурная заслуга перед краем и Россией.

Поистине они воздвигли себе сами такие памятники, какие не поставлены даже благодарными потомками более великим людям. К сожалению, не в соответствующих заслугам этих людей условиях находятся ныне некоторые из этих памятников. В Мерчике почти разрушились совсем монументы на могилах Шидловских (о, неблагодарное потомство!), а во дворе Хотени — мерзость запустения (в залах нижнего этажа ссыпано зерно, обваливаются плафоны, выкрадены каминные, двери, и зияющие трещины в наружных стенах здания). Не в лучшем виде и дом в Константиевке, сооруженный Донец-Захаржевским, имя которого также заслуживает быть внесенным в летописи истории культуры края. Дворец был очень красив — ныне печальные руины! Какие же еще помещики были строителями усадеб в Харьковской губернии?

Кн. Кантемир, как местный землевладелец, также, вероятно, построил себе достойное жилище, но оно уже не украшает более полей Харьковского уезда. Снесены до основания все постройки и на их месте ныне — фабрика. Даже монумент (с часовней), поставленный здесь близкими людьми, неблагодарным потомством предан забвению, и ныне он также являет вид руин. Не в лучшем состоянии и мавзолей Корсакова, строителя усадьбы в Славгородке, кстати, также приходящей понемногу в запустение...

Так чтится потомками память строителей Харьковских усадеб. Но ведь если мы помним еще имена Куликовских, Дуниных, Кондратьевых, Захаржевских, то имен авторов-зодчих мы совершенно не знаем. Значит, если преданные забвению и заросшие травой памятники все-таки дают еще возможность на полустертых досках прочесть фамилии строителей-помещиков, — то имена зодчих погибли совершенно! Н а в с е г д а погибли, т. к. едва ли где и в каких сохранившихся донныне дневниках упоминаются их имена. Ведь тогда (как, впрочем, и ныне) во всех описаниях торжества освящения или окончания постройки наверно упоминались имена всех присутствовавших, имена всех гостей, даже слуг, но имя зодчего, главного виновника торжества, нигде не указывалось...

Мы видели, что строителями усадеб были как неместные уроженцы, так и не выезжавшие почти из края помещики. Наряду с т. с. Камбурлеем, Гендриковым, Дуниным, Корсаковым, безусловно были помещики, не получившие «петербургского лоска». И, действительно, есть усадьбы, свидетельствующие о культуре столицы (Графское, Должик), и есть усадьбы в «местном» вкусе: Куяновка (Траскина), Липцы. И все же «пришлый» элемент едва ли больше застраивал край. Правда, ему принадлежит «грандиозный» род строительства, а интимный, уютный — местным людям. Правда, даже деревянные дворцы в Основе (разрушен), в Бурлуке — скорее плод наносной культуры,

тогда как местные, характерные для края особнячки, — это Ивановы, Пожня, Видневка и др. Но последних большая часть, а дворцовые сооружения безличны: Графское — это почти Сокиренцы, Хотень приближается по виду к Гомельскому дворцу, к Батурину.

Тип усадеб строго классических сменяется постепенно, с приближением к 30—40-м годам, несколько трафаретным, сухим, классицистическим стилем. Постепенно уменьшается точность, правильность постановки ордера, тонкость выполнения карнизов. Нет и той величавости, что заметна в ранних классических сооружениях — Хотени, Алексеевке, Васильевке. И Славгородок, и Сосновка, и даже Графское грешат дурными по выполнению карнизами наряду с хорошим планом или прекрасными еще лепными работами.

Позже, в Николаевское время, когда на смену классике приходит готика, — мы видим сооружения этого типа: Николаевку (портал из трех стрельчатых готических арок), Гиёвку (грандиозный дворец со стрельчатыми арками окон, мало, однако, интересный архитектурой), видим часовни в готике (Ивановы), многие служебные сооружения (в Должике), въездную арку в Графском, церковь (снаружи) в Михайловке, род кордегардии в В. Бурлуке (очень интересную постройку в итальянской готике)... Еще позже, в пору начала развития форм русского стиля появляются такие сооружения, как конный двор в Старом Селе (с куполами в стиле якобы русском, но скорее напоминающем мавританский), дом в Гречановке, и т. д.

На этом заканчивается развитие художественных задач в отношении усадебных построек. Позже, т. е. в конце XIX столетия, наступает полный упадок архитектуры, и в это время, хотя и создаются богатые усадьбы, но они пошлы по стилю и скорее напоминают городские безличные *quasi* — ренессансные дворцы. Время, следующее за этим, уже не входит в пределы, нас интересующие.

Нельзя не сказать о постройках, причастных к усадебным, хотя и не составляющих главную тему этого рода строительства. Ввиду большой интересности этого типа сооружений мы уделяем рассмотрению его в книге довольно значительное место.

Больше и чаще чем церкви, служебные флигеля, оранжереи, амбары (часто в хуторах, таков хутор «Конное», состоящий сплошь из интереснейших амбаров), соединяются в одну архитектурную композицию с домом (Васильевка), но иногда, образуя целые улицы построек (Мерчик, Графское), являются сами по себе примерами зодчества тех времен. Нередко такие утилитарные сооружения подчеркивают нам ту истину, что не только дворец, дом, беседка, ротонда могут быть художественны, но что часто простой сарай, погреб и целый ансамбль их бывает прекрасен и архитектурен в лучшем смысле этого слова. В самом деле, в Харьковской губернии мы встретим такие постройки этого рода, которые по умелой, скромной и тонко-художественной обработке, конечно, в своем роде, не хуже лучших помещичьих домов.

Службы в Мерчике, с прекрасными арками, с рустовкой стен или пилястров и углов, службы в Графском в их фантастическом нагромождении с башнями (оранжерея), вышками и какими-то отдельными павильонами — да ведь это великолепиие, достойное

самого обширного подражания! А как красивы, хотя и скромны, амбары (в Васильевке, в Токарях, в Михайловке), украшенные многоколонными портиками дорического ордера. Не хуже и «местные», деревянные, легкие, с оттенком классицизма, построечки. Например, сараи, с их тоненькими колонками и упрощенными, сделанными из дерева, капителями и базами.

Конечно, о красоте колодцев, павильонов в саду, фонтанов и гротов говорить не приходится: их вид говорит сам за себя.

Также надо только удивляться причинам происхождения и занесения сюда, в этот далекий, казалось бы, глухой в первых годах XIX столетия, край таких отличных, часто поражающих своим выполнением, деталей внутреннего убранства, какие мы видим не только в крупнейших имениях, но и в совсем маленьких. Конечно, прежде всего в Хотени замечательные фрески. Лучшие мастера расписывали эти тончайшие орнаменты на потолках, фризах *dessus-de porte*. Многочисленные изумрудно-зеленые, оранжевые, фиолетово-красные, сиреневые залы представляют несколько не меньший интерес, чем прославленные за последние годы залы Ляличского дворца.

Таких росписей, может быть, кисти самого Скотти, нет больше нигде в Харьковской губернии, кроме тоже интересных и тонких, но уступающих в колорите хотенским, росписям дворца (ныне почти разрушенного) в Константиновке.

Но печи, столь же импозантные и разнообразные, как в Хотени, есть и в других местах. И если печи в Васильевке тоже красивы (в виде колонн с вазами наверху их), то печи в маленьких захолустных домиках (Липцы, д. Маркевича, Валки, д. Новского) и в домиках, снаружи даже мало говорящих о хорошей архитектуре (дом ныне Женской гимназии, в Волчанске) — едва ли не более занимательны и достойны почетного места в музейных коллекциях (Муз. Бар. Штиглица в Петрограде, Строгановского училища в Москве), нежели печи в больших дворцах. Таковы печи конца XVIII века, даже середины XVIII века, в домике в Липцах — поразительные по красоте (ниже мы рассмотрим их подробнее). Здесь и сине-белые кафли первой половины XVIII века, говорящие о Голландии, о времени Петра Великого, здесь и кафли стиля *Louis XVI* Екатерининского времени. В доме Новского кафли более поздние (общий рисунок из кафлей; в ранних печах — к а ж д а я кафля имеет с в о й рисунок).

Кроме фресок и печей из предметов внутреннего убранства, сохранившегося местного производства, мы отметим ниже отличные экземпляры, увы, часто сохранившиеся не на местах их происхождения, а вывезенные в другие имения, к счастью, не за пределы губернии (разумею мебель из дворца в Хотени: кровать, зальная мебель, стулья, клавикорды).

В заключение этого краткого обзора нельзя обойти молчанием одного интересного рода строительства края. Должно быть еще со времен Аракчеева, и здесь, как на побережьях Волхова в Новгородской губернии, насаждавшего типы регулярных, стереотипных построек (и надо отдать ему справедливость, насаждавшего отличные образцы: Чугуев — ряды, госпиталь, дома горожан, Печенеги — тюрьма, и т. д.), — уцелели столбы

придорожные, межевые, пограничные. Проезжая по ровным, несколько унылым дорогам, пролегающим по Харьковским равнинам и редко когда холмам, часто встречаешь такие обелиски, пирамиды.

На фоне безбрежного, волнующегося моря золотистой ржи, или у дуба тенистого, или близ ручья, — такие обелиски, ныне часто разрушающиеся, оставляют самое приятное впечатление, красноречиво напоминая о днях давно минувших, об иных вкусах к красивому, об иных идеалах архитектурных — кто знает, быть может, навсегда угасших вместе с эпохой Александра Благословенного, вместе с расцветом помещицкого быта, крепостного права, беспощадной, твердой власти...

Совершенно идентичные мысли, до странности вызвавшие одинаковое ощущение, овладели мною при взгляде как на общий вид этих классицистических, храмоподобных зданий Харьковской губернии и ужасающего, возмутительно-печального их нынешнего состояния, так и при обзоре печального вида дворцов еще в одной области Европы, — о ней речь шла выше — а именно, при виде в Северной Италии покинутых вилл, построенных Палладио.

Как много общего в характере архитектуры этих итальянских построек с нашими усадебными!

Как сходны и трогательно печальны их судьбы!

ХАРЬКОВСКИЙ УЕЗД

О с н о в а . Ближайшая к Харькову усадьба. Собственно, ныне она находится даже на окраине города, называемой тем же именем. Принадлежит – до сих пор потомку основателя усадьбы А. В. Квитке, представителю старейшего дворянского рода.

Усадьба была населена первоначально полковником Федором Григорьевичем Донцом, но после его смерти продана была Григорию Семеновичу Квитке, и лишь при этом владельце была застроена. Особенно процветала усадьба при внуках его Андрее Федоровиче (губернском предводителе дворянства) и Григории Федоровиче Квитке-Основьяненко – писателе. Это – старейшая из усадеб не только уезда, но даже губернии. Прекрасный парк, близ небольшой речки, расположенный на холмистой местности, переходит частью в сосновый лес (теперь – лишь его остатки), что особенно редко для губернии.

В первые годы XIX столетия здесь был построен прекрасный и обширный двухэтажный деревянный дворец с куполом на высоком барабане, с шестиколонным портиком, покрытым мощным фронтоном, в котором было окно, украшенное рустами.

Позже переделками (замена капителей дощечками, прикрепление вычурных наличников в стиле, не соответствующем стилю дворца) классическая и внушительная архитектура была испорчена, но все же еще в первые годы XX столетия дом существовал и, будучи отремонтированным, мог существовать многие годы.

Однако недолго после векового юбилея суждено было дворцу украшать старый парк. Сначала он служил театром. Позже «за ветхостью» дом снесли до основания, дабы освободить место для постройки в 1914 году, начатой на средства «жертвователя» Тамбовцева, Дворянского убежища для бывших институток...

Вдали от дороги, здесь всегда шумной, на взгорье, существует другой дом Квитки, каменный, в готическом стиле, эпохи 60—70-х годов, похожий на замок и не соответствующий своими башнями с бойницами характеру местности и края. Вблизи усадьбы была деревянная церковь (1744 года). Она сгорела в 1780 г., и на ее месте построена была в 1782 г. другая, испорченная позже переделками и ныне – безобразною раскраскою. В этой церкви и похоронены родители основателя усадьбы О. И. Квитки, Иван Григорьевич с супругою.

Вольно разросся старый парк. Уютные, тенистые дорожки заросли душистой травой, стройно высятся старые тополи, сосны смолистые шумом своим напоминают былое...

А л е к с е е в к а . Недалеко от Харькова, усадьба фон-дер-Лауниц, одна из наиболее ясно выражающих стиль *empire*. В фасаде – со стороны подъезда, – похожем несколько на фасады

боковых флигелей Государственного Банка по Садовой улице (что и дает повод думать: не построен ли дом по проекту Гваренги?), колонны и пилястры с ионическими капителями очень хороши. Удачна и рустовка нижнего этажа в боковых частях. Прекрасен спокойный по линиям фронтон. Хороши пропорции узких окон. Но, конечно, «застекление» пространства между колоннами для получения сеней, подчеркивая известную непригодность для нашего климата плана, слишком точно скопированного, вероятно, с какой-нибудь итальянской виллы А. Палладио, — все-таки портит архитектуру здания.

Со стороны сада буйно разросся дикий виноград: он увил и даже закрыл колонны до самого карниза. Но все-таки здесь архитектура ничем не обезображена. И живописный заглохший угол представляет собой дом с этой стороны!

Нельзя не отметить отличных деталей не только наружной обработки фасада (тонкие изящные балясины балюстрады, двери с хорошей резьбой, потолок террасы), но и внутренней отделки (отличная лестница, элегантные створки дверей).

Рядом с усадьбой — церковь классической архитектуры, с дорическими портиками с трех сторон; великолепна разрустованная стена (с нишами) под колокольнею. Все пропорции церкви очень стройны.

Гневка. Дом построен Масловичем и куплен князем Святополк-Мирским, потомкам которого ныне и принадлежит. Огромный одноэтажный дом, плоский, с поднимающимися боковыми частями, украшен стрельчатыми окнами. Соединения с боковыми крыльями состоят как бы сплошь из огромных окон до полу, что дает массу света и придает французский характер фасаду здания (*Grand Trianon*).

В саду — чудесный старинный (20-х годов) домик из 4—5 комнат. Он украшен колонками и куполом.

Двуречный Кут. Усадьба, основанная полковником Шидловским и принадлежавшая Макс. Макс. Ковалевскому. Дом поздний, в стиле, отдаленно напоминающем английскую готику. Заколочены наглухо двери, досками забиты окна, балконы. Привольно разрослись кустарники вокруг дома...

Покрытый тиной пруд окружен аллеею огромных серебристых тополей. Предки не могли еще наслаждаться видом этих могучих деревьев. А потомки? Пренебрежительно бросили они все! Чудные липы, огромные березы, плакучие ивы у воды печально смотрятся в воду, пустыньки лужайки в фруктовом саду и одинока урна на могиле неизвестного в саду у церкви, находящейся рядом с домом. Церковь эта, основанная в 1690 году, позже перестроена. Несколько одиноких, заброшенных могил, накренившиеся на бок памятники, заросшие травой плиты... В конце двора — старинные амбары. Таков был вид усадьбы, когда она принадлежала еще М. М. Ковалевскому.

Что случилось с нею теперь?

Бабаи. Усадьба в той же стороне от Харькова, где Основа. Расположена она близ живописной, изумрудной равнины, у подножия холма. Основана была Федором Клементьевым Бабаем, «из детей боярских, чугуевских». Прежде усадьба называлась Архангельское, в честь первого храма, существовавшего здесь до 1782 года, т. е. до храма, построенного Петром Андреевичем Щербининым. От Щербининых имение перешло к Флотта, которым поныне и принадлежит.

От старинного дома не сохранилось следов. Лишь тенистый сад напоминает о старой усадьбе. В нынешнем доме много интересных картин, особенно хороши портреты. Курьезен портрет семьи генерал-губернатора Щербинина, хороши портрет дамы с болонкой и портрет нянюшки, очаровательна акварель — вид села Бабаи вместе с усадьбой и церковью.

В усадьбе Бабаи находились и замечательные портреты работы Тропинина, ныне перевезенные в городской дом Флота в Харькове. Эти портреты, изображающие членов семейства Щербининых, представляют огромный художественный и местный интерес. Копии Рослена — Павел I и Мария Феодоровна, Левицкого — Екатерина II, неизвестного мастера — Александр I в молодом возрасте, копии картин Рембрандта — не представляют особой художественной ценности, но бюст Александра I работы Торвальдсена — один из наиболее ценных *chef d'oeuvre* ов усадебных коллекций Харьковской губернии.

Из предметов мебельного убранства отметим комод, два ломберных столика и отличный «бобик» *marquetrie* екатерининского времени.

Конечно, наибольшей примечательностью усадьбы Бабаи является церковь во имя Архистратига Михаила, построенная в 1782 году харьковским губернским архитектором Петром Антоновым Ярославским, дядею того самого Ярославского, выдержки из воспоминаний которого мы привели в предисловии к этому описанию усадеб. Так значится на надписи о построении церкви: «Церковь Архистратига Михаила, при Державнейшей Благоверной Государыне Екатерине II и Цесаревиче Павле Петровиче с благословения Епископа Белгородского и Обоянского Аггея, старанием Харьковского Наместника, Губернского прокурора Андреева сына Щербинина, детей его Андрея, Дмитрия, Николая и Варвары, производилась под смотрением Губернского Архитектора Петра Антонова, сына Ярославского».

Произведение архитектора Ярославского, однако, не представляет собою ничего оригинального и для него ценного. Вообще, церковь очень красива, приятна, по формам, выполнена правильно, любовно, но — это почти копия лютеранской церкви Св. Анны на Фурштадтской, построенной Фельтеном. Однако дата построения последней — 1789 год наводит на раздумье. Ведь не Ярославского же копировал Фельтен? Невозможно допустить, тем более, что кто-либо мог знать в Петербурге о постройке церкви в такой глуши, какою была в то время Харьковская губерния! Очевидно, или дата построения (1782) церкви в Бабах неверна, или оба зодчих пользовались одним источником, тем более что изумительною общностью отличается и план! Все-таки надо предположить заимствование Ярославским и из того соображения, что церковь в с. Бабаи выполнена хуже (ее архитектура как бы упрощена), нежели Анненкирхе на Фурштадтской.

Полукруглая ионическая колоннада портика одинакова у обеих церквей. Но в петербургской церкви она покрыта балюстрадой, а в Бабах ее нет. Фонарь с парными колонками покрыт прелестным карнизом, в Бабах карнизы тупы, а окна заменены арками для звона. Главное полукружие портика примыкает к храму в Бабах почти «неграмотно» — полуколонной, тогда как на Фурштадтской это сложное и серьезное место решено очень удачно, переходом к пилястрам. Также плохи пьедесталы пилястров барабана и вовсе неумелы капители их.

Боковой фасад лучше. Парные пилястры и круглые окна между ними распределены удачно. Великолепны по уюту и «провинциальному» оттенку архитектуры угловые башенки церковной ограды. Грубоваты рустованные грани этих башенок, но зато очаровательны вазочки на куполах, четко выделяющиеся на темной зелени деревьев. Вместе с башенками церковь на фоне деревенского пейзажа представляет в своем роде не меньший интерес, чем Анненкирхе в Петербурге, затиснутая ныне среди каменных громад домов.

В церкви — очаровательный, окрашенный в зеленый с белым тона, иконостас. Он хорош по общему спокойствию в распределении и пилястр, и царских врат. Иконы в обрамленьях, соответственного всему храму стиля хотя и закрывают пилястры, но несколько не портят архитектуры. Восхитительны створки царских врат с гирляндами и ветками виноградной лозы. Очень стильны арматуры на рамах икон и доски с лентами над боковыми вратами; прелестны

вазочки, поставленные наверху иконостаса. Вообще, все до мельчайших деталей выполнено в стиле Людовика XVI, напоминает отдаленно обработку фасадов дворца в Мерчике и наводит на волнующую мысль, не Ярославский ли архитектор дворца? Там мы увидим такую же любовь к гирляндам, так же отлично выполненные банты, ленты, вазы. В таком случае, вот имя зодчего, которое должно бы было стать в ряду имен лучших русских зодчих XVIII века, работавших в России. Понятною тогда станет и та протекция, которою пользовался его племянник В. И. Ярославский и благодаря которой последний стал Херсонским губернским архитектором. Очевидно, во всяком случае, что дядя его был зодчим выдающейся величины в Харьковской губернии. Но странно, что В. И. Ярославский ничего не говорит о работе своего дяди вообще, а в Мерчике, в частности.

У церкви находится недурной памятник Елизаветы Павловны Щербининой, 1860 года, и Михаила Андреевича Щербинина — 1841 года, в виде креста и двух ваз.

С о с н о в к а . Усадьба недалеко от Золочева и Казачьей Лопани, затерявшаяся в ложбине, среди деревень и фруктовых садов. Небольшой, но уютный и поместительный дом, с несколько странными формами архитектуры, построен был Ковалевским, потом перешел к Орфеновым. Портик главного фасада из четырех, на разное расстояние расставленных колонн. Карнизы, особенно фронтона, очень плохи — суховаты и неправильны. Еще курьезнее фасад, выходящий в сад. Здесь между плоских, канелированных пилястр зажаты большие, тройные окна со странными маленькими арочками над ними. На фронтоне надпись «1823 — 23 мая» — дата построения. По указаниям владетелей, это дата ремонта и перестройки зала, а построен дом 135 лет тому назад, т. е. в 1790 году, что допустимо, особенно, если принять во внимание, что дом подвергся переделкам, а искаженные детали — следствие ремонта. Внутренние же детали — стиля *Louis XVI*.

Но самым странным в доме является двухсветный зал, покрытый купольным сводом, когда-то это была церковь и, может быть, инославная, ибо на хорах стоит до сих пор орган. Пропорции зала придают ему жуткий характер. По рассказам, когда-то в зале был аквариум и купол был опущен искусственно застекленным потолком для получения меньшей высоты. В доме интересны портреты в отличных рамах. Внутренняя отделка не лишена стиля. Хороши створки дверей с гирляндами. Отметим еще часы, столики, стулья и живопись в клеймах на хорах.

К а р а с е в к а . Усадьба Хрущовых, неподалеку от предыдущей усадьбы, также среди холмистой местности, архитектурного интереса не представляет. Но в доме имеется несколько заслуживающих особого внимания предметов искусства.

Портрет Кондратьева, предка и родоначальника Харьковского дворянства, подобно Донцу и др., фамильные портреты Хрущовых, великолепный комод, столики *marquetrie* времени Екатерины II и очень интересные часы.

Д о л ж и к . Царскими грамотами от 23 февраля 1700 г. и от 13 апреля 1701 г. утверждены были земли с. Должика в вотчинное владение за Григорием Ерофеевичем Захаржевским, прозванным и утвержденным «Донцом» за славные подвиги с донскими казаками, за дела с татарами на реке Донце, в царствование Царя Алексея Михайловича. Мая 5 дня 1669 г. дана была грамота Харьковскому полковнику Григорию Донцу «за их к нам Великому Государю прежняя и нынешняя службы и разорение, что им учинилось от изменников, от Крымских и Ногайских татар после измены Ивашки Брюховецкаго и за осадное сидение велели им: а) простить пошлины за продажу вина 2225 руб. 50 коп. б) впредь для нашего великаго Государя полковья службы велели мы безоборочно промышлять в городах Харьковскому полку».

Первая постройка в с. Должике — храм, посвященный Св. Иоанну Предтечи, с молитвой полковника Григория Ерофеевича Донца в 1700 г. Церковь построена была на площади в селе

и перенесена в 1746 г. в усадьбу. Придел ее в честь Владимирской иконы Божьей Матери построен в 1746 г. кн. Я. Н. Крапоткиным, женатым на дочери Феодора Григорьевича Донца. Придел реставрирован в 1860-х годах князем Феодором Григорьевичем Голицыным. Храмовоздатель кн. Я. Н. Крапоткин не дожидая освящения его — умер и похоронен в храме 5 октября 1746 года архимандритом Варлаамом Тишинским, а в середине октября того же года храм освящен преосвященным Антоном Митрополитом, который «печатаал архипастырским жезлом гроб князя», как говорит фамильная летопись.

Другой придел «устроен усердием надворного советника Дмитрия Петровича Щербинина, сыном дочери кн. Я. Н. Крапоткина, Татьяны Яковлевны Щербининой в 1769 г., во имя Иакова брата Господня».

В храме имеются: Крест серебряный вызолоченный, Икона серебряная и священные вещи 1748 г. Книги: Евангелие 1703 и 1741 гг.; Апостол 1756 г.; Триоды 1693 г.; Требник 1746 г.; Миней 1734 г.; Ирмос нотный, написанный в 1720 г. Похоронены при церкви с. Должика: 1746 г. кн. Яков Никитич Крапоткин; 1824 г. Дмитрий Петрович Щербинин; 1828 г., София Веселовская; 1839 г. — Павел, 1843 г. — Вера, 1848 г. — София, 1848 г. — Анна Веселовские; 1848 г. Княжна София Федоровна Голицына, 1852 г. Княгиня Мария Михайловна Голицына 1853 г. Кн. Михаил Голицын, 1853 г. Кн. Мария Голицына и в последующие годы: кн. Феодор Дмитриевич Голицын, Кн. Вера Дмитриевна Голицына, Кн. Дмитрий Федорович Голицын и Кн. Сергей Федорович Голицын.

Вот кратко история владельцев Должика: в 1860 г. пожалованы земли Должика Григорию Ерофеевичу Донцу, в 1700 г. они перешли к его сыну Феодору Григорьевичу Донцу. В 1724 г. его дочь Прасковья Федоровна Донец вышла замуж за кн. Якова Никитича Крапоткина, а в 1746 г. его дочь кн. Татьяна Яковлевна Крапоткина вышла замуж за Петра Андреевича Щербинина. В 1776 г. их сын Дмитрий Петрович Щербинин владел Должиком. В 1824 г. его дочь София Дмитриевна Щербинина вышла замуж за Михаила Степановича Веселовского, его дочь Мария Михайловна Веселовская вышла замуж за князя Феодора Григорьевича Голицына, его сын (1852 г.) кн. Дмитрий Федорович женат на графине Марии Александровне Сиверс (дети их Александр, Сергей и Елизавета).

Как видно из перечня владельцев, в период построения дома (и одного из приделов церкви) собственниками Должика были Щербинины. Таким образом, строителем дома, определенно носящего отпечаток стиля конца и даже второй половины XVIII века, т. е. еще не *empire*, а скорее *Louis XVI* — являлся Щербинин. В период времени от 1776 по 1824 год, во всяком случае, возникла нынешняя усадьба. Таким образом, не Петр Андреевич Щербинин, а сын его Дмитрий Петрович является основателем Должиковского дома.

Едва ли М. С. Веселовский, женившийся на дочери Д. П. Щербинина, прибавил много. Пожалуй, к этому времени относятся только некоторые служебные постройки Должика — особенно оранжереи в типичном стиле *faux gothique* эпохи Николая I. Ко времени начала владения Должиком Голицыными отнесем беседку в стиле *mauresque*. Самый же дом и первоначальная разбивка усадьбы с садом, оградой и воротами, конечно, не позднее начала XIX столетия.

Большой дом со стороны въезда ныне несколько видоизменен переделкою колоннады подъезда. Конечно, эта деталь — «тамбур», — приклеенная к фасаду, далеко не украшает его. Благородный общий силуэт главного фасада украшен гербом, помещенным над балюстрадой аттика. Кроме рустовки (очень мелкой, изобличающей именно стиль раннего классицизма) на боковых частях фасада и около среднего окна, до наличников окон ничто не украшает дома. По верху террасы (над колоннадою) идет прелестная (но поздняя) ампирная решеточка.

Очевидно, вначале колоннада с полукружием в средней части представлялась в ином виде, Конечно, не застеклены были «междуколонья» выступа (что так утяжелило колоннаду и дало ей вид именно тамбура) и «незасоренная» трельяжем, в чистом виде, колоннада представляла более стильный вид. Наступило время, когда считалось скучным ограничиться колонной как украшением. Былая гордая эпоха любви к классицизму миновала, и всячески старались украсить, «задекорировать» холодные, сухие, как казалось, линии колонн. И вот в Должике устраивают трельяж, закрывая им колонны без всякой надобности.

Фасад со стороны парка несколько искажен, но в меньшей степени. Здесь лишь зелень обвивает колонны так густо, что пропадает архитектурная композиция фасада, вся сила которой была именно в том, чтобы два выступающих бока фасада связать вместе с помощью колоннады.

Так и в Должике колоннада садового фасада совершенно закрыта зеленью: видны лишь драни трельяжа. И в то же время владельцы гордятся ныне «колоннадою» серебристых тополей у пруда, где стволы столетних гигантов образуют подобие анфилады колонн!

Хорош боковой фасад дома. Небольшая колоннада в виде портика образует балкон: весь фасад разрустован. В тимпане фронтона огромное, смелого очертания, полукруглое окно.

На крыше дома помещен бутафорский шпиль. Покоится он не на куполе или шатре, а просто на легкой, деревянной ротондочке, врезающейся в крышу. Но это несколько наивное и вовсе не конструктивное, а искусственное украшение оставляет скорее милое впечатление. Таковы достоинства и ущербности фасадов дома. Из других построек усадьбы, повторяем, следует отметить очень хорошую оранжерею и находящиеся по дороге к ней церкви, амбары, тоже не без оттенка стиля *faux gothique*.

Внутри дом представляет, несомненно, более богатый вид. Особенно хороша гостиная, выходящая окнами в сад. Здесь род лоджии, за колоннами, с чудесной росписью плафона. Колонны тоже нарядны. В зале, несколько чопорном, типичны готические предметы мебельного убранства (хотя и поздние по времени) и фамильные портреты, длинные, в черных, готических рамах. В кабинете интересны украинские портреты и портрет князя Кропоткина. В гостиной отличное пейзажное полотно (не кисти ли Пуссэна?), портреты-копии (распространенные копии Рослена – Павел I и Императрица Мария Феодоровна), портрет графа Сиверс и другие картины.

Очень своеобразна лестница с чудными балясинами перил. По стенам лестничной клетки панно, расписанное на серой бумаге, подклеенной на холст. Сюжеты – скачки на фоне фантастических парков. В уютных, теплых комнатах антресольного этажа много интересной мебели, фарфора и прочих милых вещей прошлого столетия.

Рогань. По дороге из Харькова в Чугуев, в унылой безлесной местности. Эти земли, когда-то принадлежавшие сыну князя Константина Феодоровича Кантемира, молдавского господаря, и его потомкам: князь Дмитрий Константинович переселился в Россию при Петре Великом. Сын его, Антиох Дмитриевич был известным сатириком конца XVIII века. От них усадьба перешла к Пассекам, и, в частности, Рогань, еще недавно принадлежавшая Пассекам и князьям Шаховским, продана Харьковскому Поземельному Банку. Никаких построек самой усадьбы не осталось. На месте дома – ныне фабрика, исчез парк, жалкие следы его оказались где-то на фабричных задворках. Часть сада принадлежит школе, но здесь лишь одичавшие вишни и сливы напоминают о былом...

Надо выйти в поле, на окраину деревни, перебраться через несколько типичных украинских «перелазов», пробраться через заросли конопли, чертополоха и исполинские листья лопуха, привольно разросшегося на тучной земле, быть может, прежде здесь бывших цветников и огородов, для того, чтобы за дощатой оградой сада, на небольшом холме, среди высокой, степной

травы, живописно окруженный кустами калины, шиповника и деревьями дикой груши, увидеть мавзолей-памятник кн. Кантемиру. Известно, что кн. Антиох Дмитриевич Кантемир похоронен в Никольском Греческом монастыре в Москве. Поэтому надо предположить, что это часовня не на его могиле, а на могиле или его отца, или деда, или же, что она поставлена на могиле одного из потомков — двоюродных братьев. В таком случае — и это кажется наиболее достоверным — мавзолей сооружен на могиле отца последнего в роду, сына Дмитрия, Константина, генерал-поручика, умершего в 1776 году, т. е. двоюродного брата сатирика, кн. Константина Дмитриевича и его жены Софьи, рожденной Пассек. Поставлен был мавзолей в 1790-х годах, вероятно, одновременно с постройкой церкви (1798 г.). Последний в роде кн. Дмитрий Константинович Кантемир, полковник, лишился рассудка и, просидев 17 лет в крепости, умер. С его смертью пресекался род князей Кантемиров. (Едва ли часовня-мавзолей поставлена в 1820-х годах: архитектура ее более ранняя).

Поставлена ли была эта часовня на любимом месте предпоследнего в роде князей Кантемиров? Находилась ли она в парке, в конце аллеи? Кто ответит теперь на эти вопросы?

Мальчишки-пастухи, укрывающиеся от дождя в руинах мавзолея и из озорства ломающие и без того ветхие стены? Молоденькая, розовеющая учительница школы? Еврей-факторы или фабриканты, дожидаящиеся удобного случая, чтобы купить и разобрать «на кирпич» мавзолей?

Многолетний седой ковыль да кусты выносливой, живучей жимолости знают только о том, что тут происходило. Заколочены были досками арки барабана, двери. Чтобы хоть немного предохранить от порчи памятник, забили досками вход. Но снова чьи-то нетерпеливые руки, жаждущие скорейшего разрушения постройки, отбили доски. Вероятно, упал крест с купола, чьим-то попечением он был поставлен на место, однако, кажется, что вот-вот он снова рухнет: почти кощунство — ведь это была часовня, храм!

Облупилась в значительной степени штукатурка с мощных, дорических парных колонн. Только где-то сохранились модульоны карниза, венчающего ротонду. Очевидно, лет тридцать, а может и полстолетия прошло с тех пор, как никакой ремонт не был здесь произведен. Ничья рука заботливо не прикасалась к стенам монумента, быть может, еще большее количество времени. Да, может, и к лучшему? Как знать, какой ремонт мог быть здесь произведен? Пока, сейчас, живописные руины ласкают взгляд. Но только надолго ли? Трещины в потолке галереи и полный разгром внутри не обещают, как будто, продолжительного будущего. Почему же в такое состояние пришел этот мавзолей прекрасной архитектуры? С пресечением рода кн. Кантемиров, после смерти последнего в роде К. (в 1820 году), земли перешли сначала в казну, потом к гр. Булгари, затем наступила тяжба с кн. Шаховскими. Все эти перемены собственников не могли не отразиться на состоянии монумента. По возвращении П. В. Пассека из Сибири, земли частью перешли к нему. И именем Рогань в 1873 году завладел также Помпей Васильевич Пассек.

Вот, кажется, последняя дата, когда еще более или менее за памятником смотрели. В часовне-склепе, в которой похоронены были князь Константин Кантемир и третья жена его Софья Богдановна Пассек, совершалось еще богослужение. Но если еще сын кн. Константина, полковник кн. Дмитрий, чья память отца, поставил на могиле часовню (за 22 года до своей смерти и за три года до потери рассудка), то неблагоприятным родственникам Пассекам, — получившим, однако, по наследству большое состояние Кантемиров, — совесть не подсказала, что надо отнестись с уважением к останкам того человека, которому они обязаны всем своим благосостоянием: ведь все эти имения были не Софьи Богдановны, а Кантемировы!

После продажи земли Харьковскому Земельному банку памятник-часовня был окончательно предан забвению.

По сведениям, которым, впрочем, нельзя особенно доверять, часовня якобы сооружена на могиле Кантемира в 1828 году кн. Чернышевой (?) во имя святых Константина и Елены. Едва ли столь поздно возникло такое старинное сооружение. Скорее, год его построения совпал с годом постройки церкви.

Более 30-ти лет богослужения в храме-часовне не производилось. В состоянии такого запустения пришла часовня, к которой и тропинка заросла бурьяном, что пришлось часовню закрыть. Воспользовавшись этим и законом об упразднении святынь, приходящих в несоответствующий святыне вид, местный священник, получив указ Харьковской Духовной Консистории от 14 марта 1906 года за № 9038 о разрешении упразднить часовню, предал сожжению иконостас, а всю утварь перенес в Вознесенскую церковь.

Церковь эта, построенная в 1789 году иждивением кн. Д. Кантемира, прекрасно сохранилась до сих пор. Архитектура ее напоминает о периоде раннего классицизма, т. е. о времени зодчего Старова. Рустованный первый ярус, ниши во втором и барабан (под куполом) с лукарнами и шпилем, такова колокольня — немного приземистая, тяжелая, но хороших пропорций! Храм украшен портиком дорических колонн. Паперть образована, кроме выступа колонн, рядом ниши во входной стене. В этой общей большой нише вставлены малые. С южной и северной сторон колонны примыкают непосредственно к зданию. Барабан купола церкви тоже прорезан круглыми окнами. Вокруг церкви уютная, неприветливая, пустынная местность. Жалкие, чахлые деревья, разрытые ручьями глинистые овраги и бумажная фабрика Цейтлина, испускающая зловоние...

Такова ныне усадьба, бывшая князей Кантемиров!

Константиевка. Усадьба, основанная Донец-Захаржевским, ныне графа Головкина-Хвощинского, — почти на границе Харьковского и Змиевского уездов, в живописной местности среди холмов, поросших кустарником и лесами.

Издали привлекателен общий вид усадьбы. Среди золотистых полей пшеницы и овса, на густом зеленом фоне старинного парка, вырисовываются церковь и большой дом, скомпонованный в одно целое со службами. У церкви высокая ограда, подпертая контрфорсами.

И дом и церковь, как вообще вся усадьба, были построены надворным советником Андреем Михайловичем Донец-Захаржевским в 1797 году. Последний в роде, Дмитрий Андреевич, был задушен племянником своим Похвисневым. С тех пор усадьба перешла в другие руки. И печальна ее судьба! Судя по теперешнему состоянию ее, она уже давно мало интересовала владельцев... Войдя через старинные ворота в обширный двор, мы увидим в глубине его большой, странный, жуткий, с облупившейся штукатуркою, с заложенными кирпичом окнами, трехэтажный дом. Вокруг двора расставлены в большой скомпонованной последовательности службы. Из этих построек один флигель на левой от дома стороне сохраняет свою, очень простую, но красивую архитектуру. Квадратному двору предшествует полукруглый. Его обрамляет ограда из каменных столбов. В начале ее — два хороших павильона. Флигели связаны с домом крыльями. Дом сохранил хорошо лишь то, что было повыше, что было наименее доступно для рук человеческих: фронтоны на боковых, выступающих частях, с прорезанными в них полукруглыми окнами.

Все остальное изуродовано до неузнаваемости. Так, в средней части была — это ясно видно — колоннада. Теперь она заложена. Вместо нее пристроен нелепый, грубый, годный для сарая навес, под которым и свалены всякие предметы сельского хозяйства.

Большая часть окон заложена кирпичом. Были опасения за целостность дома? Укрепляли ли подобными мерами стены или просто применили этот род наиболее простых и дешевых рам и оконных переплетов?

Трудно сказать. Но не важны причины. Гораздо существеннее и характернее то, что кирпич на закладку окон был взят из этого же дома. Для получения его разобрали не флигель, не сарай, а колонны портика со стороны главного фасада и колонны прелестного полукруглого выступа со стороны сада! Впрочем, использование камня, кажется, распространилось и на постройку третьего этажа колокольни. Такое приложение материала можно было бы считать еще более или менее оправдывающим. (Конечно, как цель, но не как средство получения кирпича!) Но, к сожалению, если это было так, вина строителей усугубляется: надстройка, как увидим ниже, только испортила церковь.

Итак, мы видим, что дом нещадно изуродован. Особенно печальный вид являет он со стороны сада, где купол выступающей части напоминает о прежнем великолепии дома, а зияющие, черные дыры гнезда балок на уровне пола второго этажа обнаруживают отсутствие балкона. В тенистом саду сохраняется еще несколько полуразрушенных сооружений. Внутри дом обращен в склад (наверху) и в конюшни (нанизу)! Вот еще причина, почему «заложены» окна.

Лишь в одной верхней зале (полукруглой) сохранился чудесный паркет. Все остальное растащено, попорчено. Своды двух внутренних, трехмаршевых лестниц были, вероятно, красиво убраны росписями.

Доныне росписи сохранились только в зале нижнего этажа. Зал этот, очень напоминающий Ляличский, прекрасно расписан по своду. С одной стороны зала — хоры для музыкантов в виде арки с двумя подпирающими ее столбами. Роспись — орнаментальная, но в широких плоскостях помещены и изображения белых лебедей, и гербы бывших владельцев усадьбы. Характерные тона: на синем фоне белые и зеленые орнаменты, в углах плафона — лиры. Колорит несколько резкий и яркий. Но в общем росписи хорошего рисунка, отличной композиции, и более чем странно видеть теперь такой плафон в конюшне! Даже больше: здесь помещаются и свинарня, и склад всяких ненужных повозок: зал ведь достаточно вместителен!

Но в летописях Харьковских усадеб такое явление заслуживает быть отмеченным сугубо. Довести до такого состояния дом-дворец, чтобы использовать зал под свинарню — для этого надо, кажется, действительно обладать всеми чертами диких народов. Многие оправдывается и в невольном вандализме. Здесь, при изобилии, тут же рядом с домом расположенных всяких построек, такой вандализм не простителен. Он должен быть отнесен целиком за счет владельца усадьбы — графа Головкина-Хвоцинского, никогда, кажется, не заглядывающего в свои уголья...

Ныне в домике живет арендатор. За оградой — тут же, на небольшом холме расположена усадебная церковь. Она очень напоминает церковь в с. Бабаи. Но если архитектура ее, 1797 года, и проще церкви в имении бывших Щербининых, то зато не только со стороны паперти, со стороны абсиды, она окружена более красивой колоннадой.

Построена она, как свидетельствуют документы, в 1797 году надворным советником Андреем Михайловичем Донец-Захаржевским.

Первоначально колокольня была тоже двухэтажная (не считая колоннады, собственно, церкви), хотя второй этаж ее был деревянным с боевыми часами. Эта вышка была доделана сыном строителя, последним в роде, Дмитрием Андреевичем Донец-Захаржевским. В 1901 году выстроен был второй каменный ярус, конечно, не вполне согласно с проектом, одобренным Духовной Консисторией и Св. Синодом и, наверное, без всякого ведома Императорской Археологической Комиссии.

Иконостас в храме переделан по типу иконостаса в Бабаях. Но, хотя изуродованы колонки (как бы перерезанные), все-таки вазочки на аттике и капители очень хороши. Купол в храме кессончатый, расписной (позднее), в парусах также роспись. Особенно хорош в притворе киот,

окрашенный в голубой и золотой тона, т. е. так же, как и главный иконостас. У киота очень милый пьедестал, в нише которого — ваза. Здесь же люстра ампир — все пожертвования Донцов.

Л и п ц ы. Село, к окраине которого, состоящей из огородов, сочных зеленых лугов, садов фруктовых, с мелькающими кое-где среди зелени амбарами, скирдами и ветряными мельницами — примыкает совсем небольшая усадьба.

На первый взгляд, она даже не похожа на усадьбу: обыкновенный, характерный для этих мест, одноэтажный домик с колонками. Но традиционный, обширный двор перед домом, службы, более или менее систематически расположенные по краю двора, старинный парк за домом — все это указывает на то, что здесь жили всегда и живут теперь помещики. Обойдя дом вокруг, окончательно в этом убеждаешься. Прелестные уютные террасы с обеих сторон дома. Широкая лестница, тоненькие, элегантные перила балясин, гладкие выступы с боков. С подъездного фасада колонки поставлены попарно, со стороны сада — на равных расстояниях. В общем, архитектура дома проста, незатейлива, но очень благородна и, конечно, гораздо более художественна, нежели внешность многих огромных, богатых «замков» и «вилл», за последние годы построенных в Харьковской губернии.

Дом, ныне принадлежащий Арсению Ивановичу Маркевичу, построен был помещицей Майковской при Екатерине II. На первый взгляд, архитектурные данные как будто не соответствуют таким данным. Но стоит только войти внутрь дома, чтобы непреложно убедиться в правильности этого показания. В доме остались печи со времени основания его. И если даже (хотя нет к тому никаких новых доказательств) были изменены наличники окон, то все-таки самый домик мог быть конца XVIII века.

Печи кажутся даже еще более старинными. Их несколько. Одна — совсем елисаветинского времени. Глубоко-синяя с белым, с колонками из разных небольших кафель, многоярусная и очень затейливая, с массою карнизов сложнейшего профиля. Печь немного попорчена, но в общем является лучшим образцом XVIII века. Другая печь с лежанкой типична по формам, но менее интересна по рисунку. Еще одна печь из кафель с изображением белых вазочек, перевитых зелеными лентами и с вырастающими из них клубничными листьями.

Четвертая печь в китайском вкусе из разных кафель. Прелестны пейзажи внутри раковин, на фоне которых китайцы проделывают разные фокусы. Тона — темно-зеленый с палевым. Все эти детали эпохи увлечения «китайщиной» указывают на время, во всяком случае, не позже Екатерининского, а может и Елисаветинского. Печи достойны лучших образцов эпохи.

БОГОДУХОВСКИЙ УЕЗД

Лютовка. На пересечении двух больших дорог — Муравской и Сумской. Преданиями овеяны эти дороги. Здесь было место лютое. Грабежи и убийства прославили этот, когда-то дикий угол Харьковской губернии. В XVIII веке Лютовка принадлежала знатной в Украине фамилии Хорватов. На месте старой усадьбы мало что сохранилось. Хорошие сараи, амбары и флигеля. В старом саду есть отличный, покрытый куполом, мавзолеем с хорошим карнизом и модульонами. Старая церковь построена в 1765 году генерал-майором И. Хорватом. В 1809 году Лютовка была куплена капитаншей М. А. Желтухиной, сын ее в 1834 году построил церковь. Позже имение продано было статс-даме, графине К. П. Клейнмихель, владевшей соседним имением.

Церковь, недавно сгоревшая, представляла собою, несомненно, хорошую постройку в классическом стиле 40-х годов. Уже по общему плану вместе с оградой, хорошо прорезанной арками, пространство между которыми разрустовано, видно, что проект составлен был опытным зодчим. Отдельно расположенная церковь позже была соединена с колокольнею трапезной. В церковной наружной архитектуре прелестна была обработка из дерева стен. Внутри убранство стен было несколько холодно. Но зато иконостас блистал великолепием. Овальные иконы, гирлянды и вся обработка создавали один из лучших иконостасов в губернии. Он был и достаточно велик, и хорош в деталях (арматура). Окраска его — коричневая с золотом и белым, была полна благородства. Хороши были также и киоты.

В новом доме Лютовской усадьбы, ныне принадлежащей гр. Н. В. Клейнмихелю, находится много интересных старинных предметов. Одна из гостиных обставлена мебелью из квартиры историографа Карамзина, находившейся в доме, не так давно сломанном на Морской улице в Петербурге.

Здесь хорошие кресла, витрины и столы тех времен. Несколько предметов из других собраний: люстра, жирандоль, часы; экземпляр Истории Государства Российского с автографом: «Екатерине Андреевне Карамзиной, жене добродетельной и другу милому, истинной половине моего сердца, с которой 14 лет делю радости и печали житейские; но и в самых печальных счастливей ее нежностью и в самых радостях благодарю Бога за верную подругу моей жизни. Николай Карамзин С.—Петербург. 3 февраля 1818 года».

В зале есть несколько предметов, достойных лучшего мастера: они привезены из дворца в Хотени. Особенно привлекательны клавишины, ломберные столики и стулья в формах ранне-екатерининского времени.

Малыжина. Усадьба, принадлежащая ныне А. К. Павлову. Основанная полковником Осиповым-Перекрыстовым, она построена была в 1823 году помещиком Павловым, получившим ее в свою очередь от Лесницкого, потомка Осиповых. В храме — чудотворная древняя икона 1770 года. Дом в Малыжине простой, но очень приятной архитектуры, с дорическим портиком со стороны сада. Хороши службы в Малыжине, с полукруглыми окнами, второго этажа. В Малыжине есть еще другой дом с очень типичными для Украины тоненькими колонками боковых портиков. Принадлежит он г-же Засядько.

Матвеевка. Усадьба Д. Н. Кованько, на реке Рабыне; помещичий дом не представляет ныне ничего замечательного наружной своей архитектурой.

Внутри — великолепные печи стиля Екатерининского времени, но, вероятно, поставленные на место позже. Гирлянды, венки и другие типичные орнаменты стиля Людовика XVI. Фонари с хрусталем, картины в старинных рамах, мебель Николаевского барокко — все вместе образует очень уютный *interieur*. Из портретов особенно типичны: изображение А. Н. Кованько, рожденной Лесницкой, портрет основателя усадьбы, полковника Осипова (предка владельца), изображенного в казакине и плаще, подбитом горностаем.

В Матвеевке великолепен храм 1840 года, построенный Даниилом Лесницким. Храм очень оригинальной формы, напоминающей однокупольные украинские церковные постройки. В плане он почти круглый, с пилястрами, членищими стену на несколько частей. Барабан покрыт коническим куполом. Эти данные говорят даже за то, что храм много старше по времени построения.

Пархомовка. Усадьба, основанная тоже полковником Перекрыстовым, позже отобранная у него, была подарена Екатериной II графу М. Подгоричани. Здесь существует церковь, построенная Подгоричани, оконченная в 1780 году. Имение перешло позже к Вучичам и ныне, равно как и Каплуновка, принадлежит наследникам И. И. Харитоненко.

Здесь сохранился дом очень своеобразной архитектуры, не подходящий ни под один из усадебных типов Харьковской губернии.

Очевидно, Подгоричани, обладая пристрастием к итальянской архитектуре, хотел построить дом в стиле флорентийских дворцов. Поэтому окна второго этажа украшены наличниками в готическом характере, затем под широким карнизом средней части дома тянется фриз, в котором прорезаны маленькие оконца такого же типа, как во всех итальянских домах. Самое членение фасада на три части, с подымающимися выше середины дома, покрытыми двухскатною крышею, частями, — вполне итальянское. Конечно, опрощение форм итальянской архитектуры здесь огромное, и только отдаленно можно догадываться о первоисточнике.

Перекрыстовым основана и усадьба **Каплуновка**, перешедшая позже к Голицыным и ныне принадлежащая наследникам И. И. Харитоненко. От дома не осталось следов. Сохранилась деревянная церковь конца XVII в., очень интересная. В селе близ старого помещичьего сада стоит великолепный пятиугольный храм — собор, построенный (кем?) в 1798 г. Он грандиозен. Широкими проходами, мощеными каменными плитами и окаймленными старыми липами и кленами храм соединяется с отдельно стоящей колокольней. Особенно хороша эта колокольня с дорическим портиком, плотно прижатым к массиву здания. Прекрасны пропорции арки для звона второго яруса и верха из барабана (с лукарнами), покрытого куполом. Типичны для раннеекатерининского времени выступы с боков у колокольни. Эта часть архитектуры напоминает приемы композиции Старова. Храм покрыт обширным барабаном с полукруглыми окнами. Купол плоский, со ступенчатым переходом к барабану. К сожалению, окна барабана испорчены переделкой наличников в русском стиле. От самой усадьбы в Каплуновке не осталось никаких следов. Внутри семиярусный богатый иконостас стиля барокко, времени Елисаветы. Интересна ризница, где хранится ряд предметов из облачения и утвари, пожертвованных Императорами со времени Петра, а также плащаница — дар Мазепы.

ВАЛКОВСКИЙ УЕЗД

Мерчик, на берегу реки Мерчика, очень живописного холмистого оврага, использованного при разбивке парка для устройства прудов, каскадов и всяких лестниц и аллей.

Основатели усадьбы, помещики Григорий и сын его Феодор Шидловские, застали еще в Екатерининские времена (судя по переписи 1724 года) вполне обстроенную усадьбу, причем старый дворец Лаврентия Ивановича Шидловского был целиком сломан при постройке нового дома.

Нынешняя усадьба сооружена Г. Р. Шидловским в конце XVIII века, вероятно в 1776—1778 годах. От Шидловских усадьба перешла к Духовским, которым принадлежит и поныне.

Уже подъезжая к усадьбе по улице, застроенной каменными, солидными сараями, амбарами в одном определенном стиле, догадываешься о том, что там дальше, за кучами зелени, будет что-то значительное...

Предчувствия не обманывают. Действительно, свернув с большой, проходящей через село дороги в переулок и проехав мимо старинной, но, в общем, обычной церкви в раннеклассическом характере с куполом и портиками и гораздо более интересных служб, и миновав еще одни ворота, — сразу попадаешь в обширный *cour d'honneur* и забываешь о том, что находишься в селе, в глуши, в России...

Представляющаяся взору картина настолько интересна, богата и изысканна, что не верится, как в такой сохранности могла уцелеть доньяне усадьба Екатерининского времени!

Мы уже говорили в предисловии о том, что мастером, создавшим Мерчик, мог быть во время постройки его лучший Екатерининский зодчий. Но ничью «руку» не напоминает архитектура дворца. Только есть что-то общее в деталях (а может только и было общего, что мастера-лепщики?) с церковью в Бабаях! И если доподлинно известно, что последнюю строил архитектор Ярославский, то нельзя ли ему же приписать и постройку дворца в Мерчике? По времени построения это совпадало бы вполне. Тогда понятным стало бы и то покровительственное отношение, которое оказывал Г. Р. Шидловский В. И. Ярославскому, как племяннику харьковского архитектора П. А. Ярославского, строителя (?) Мерчика.

Дворец в Мерчике занимает собою часть обширного *ensemble'*я, образуемого, во-первых, самим домом, потом двумя павильонами, один из которых занят библиотекою, а другой является флигелем для гостей и домом конторы, расположенным напротив дворца. План самого двора очень компактный и элегантный, заканчивается с торцовых сторон овальными выступами.

По другую сторону *cour d'honneur*'а прекрасно распланированный партер, спускающийся полого к пруду. Терраса дома с этой стороны обрамлена балюстрадаю, к сожалению, позднейшею.

Все фасады дома так хороши, что трудно сказать, какой из них главный, лучший. На желтом фоне белые, лепные украшения чудесной композиции и выполнения. На фасаде, со стороны подъезда, в центре, сильное «пятно» из столбов, одетых канелированными пилястрами. Над ними во фризе консоли. Весь портик покрыт аттиком с прелестным меандром. Боковые части фасада обрамлены такими же пилястрами. Но в них нет оконных отверстий, а помещены прекрасные ниши с вазами в них. Полукруглые фасады с боков разделены пилястрами на несколько частей. Весь фасад разрустован. Наличники окон первого этажа украшены гирляндами. Очень своеобразным является род антресольного этажа, образованный помощью прорезанных во фризе оконных отверстий.

Таков фасад со стороны *cour d'honneur*'а. Великолепная лестница, на пилонах которой поставлены пушки, и богатейшие газоны у подъезда дополняют картину.

Со стороны сада фасад также богат, но обработка его произведена помощью других деталей. Так, средний выступ хотя и украшен тоже четырьмя пилястрами, но они не имеют формы столбов, т. е. нет того рельефа, который достигнут на фасаде центральном. Иначе обработан аттик, хотя здесь несомненно какие-то позднейшие изменения, во всяком случае, герб Духовских поставлен вместо бывшего здесь герба Шидловских.

Наличники окон первого этажа проще наличников тех же окон главного фасада, но зато между окнами двух этажей помещены венки с лентами. В боковых выступах — тоже вазы в нишах, но здесь нет несколько вычурных обрамлений этих ниш, а наверху гирлянды, скомпонованные также иначе, нежели на лицевом фасаде.

В общем, богатство фантазии у автора постройки было, очевидно, огромное, если он применял на каждом фасаде разные мотивы. Особенно красивы и элегантны скрещенные ветки лавра и дуба во фризе боковых выступов. Наиболее импонируют величием и восхищают живописностью боковые выступы садового фасада, с вазами в гладких нишах, покрытые густою зарослью дикого винограда. Темные ветки его свешиваются и пышно рассыпаются вдоль белых канелированных пилястров. К сожалению, общая цельность картины нарушена привнесением позднейших мотивов — переделкою лестницы. Частью вместо солидных старинных каменных ступеней положены чугунные, но особенно неудачна новая балюстрада. Не выискан рисунок балясины, и это сразу выдает эпоху значительно более позднюю, нежели та, свидетелем которой был еще дворец. Эпохе чугунных ступеней соответствуют и чугунные диванчики, как будто в стиле *faux-gothique*. Совсем неудачны вазы, и статуэтки излишне маленькие.

Одноэтажные флигеля, хотя и очень простой, по характеру отделки, архитектуры, но тем не менее также останавливают изяществом. Рустовка пилястр, чередующихся гладкими плоскостями, гирлянды и венки, повешенные над окнами, хороши даже в отделке погребца.

Также интересна архитектура всех служебных помещений: сараев из низеньких арок, выкрашенных тактично в два тона, амбаров, конюшен. Последние с крутыми крышами, с балкончиками, прелестно отделанными наружными лестницами. Все эти построечки образуют очень связный, цельный, гармоничный по плану городок.

Далеко не полным будет описание усадьбы Мерчик, если не коснуться тех сооружений, которые находятся, собственно, не в связи с усадьбой, но являются неотъемлемой частью парка.

Несколько беседок, мостов, построечек рода *chalet*, наполняют зеленые рощи, разнообразные холмы, мелькают белыми колоннами своими сквозь чащу дубов, кленов и ясеней, четко вырисовываясь на густой зелени еловых веток. Наиболее импозантною постройкою этого рода является грот у подножия холма, близ пруда. Дорические колонны отражаются в темных, сон-

ных водах пруда, к которым низко свешиваются ветви елей. Над дорическим портиком — арка, а выше — руины. Вокруг — кустарник и густая трава. Беседка из четырех арок и четырех ниш прелестна своим ритмичным *interieur*’ом, получающимся от мягкости «бега» линий арок и ниш. Беседка для музыкантов из арки и небольших ниш проще. Но зато очаровательна ротонда-колодезь, покрытая куполом. Курьезны элеваторы (деревянные), напоминающие какие-то средневековые постройки Данцига.

Чтобы покончить с архитектурными сооружениями усадьбы, надо отметить церковь, покрытую куполом. Здесь похоронен строитель усадьбы Григорий Романович Шидловский, умерший в 1820 году 68-ми лет от роду. Построена церковь в 1788 году. Колокольня пристроена позже, равно и трапезная. Последняя сооружена Евгением Михайловичем Духовским в 1881 году. Внутри, кроме двух круглых икон в лучах, ничего примечательного не имеется.

Надгробные памятники расположены были не у церкви, а на специальном фамильном кладбище в парке, недалеко от дома. Это священное место ныне обращено почти в свалку всего мусора, выволакиваемого из дома и кухни. В состоянии полной заброшенности пришли чудесные монументы. Иных уж нет... лишь куча развалившихся камней на месте бывших *chef d’oeuvre*’ов скульптуры.

Попытаемся описать уцелевшие и мысленно восстановить некоторые.

Кажется, самый импозантный сохранился в виде пьедестала, на котором — канелированная колонна, увенчанная урною. Посредине колонну обвивает кольцо из «барочных» облачков. С четырех сторон, прижимаясь к колонне, поставлены изображения гробов с высеченными черепами и аллегориями. И общий облик этого памятника Александры Семеновны Шидловской, рожденной Сазоновой, и детали — указывают на бывшие еще в силе барочные традиции. Памятник поразительно напоминает, судя по рисунку, проект памятника гр. Браницкому в Белостоке (лист в собрании архитектурных чертежей короля Ст. Авг. Понятовского, в библиотеке И. А. Х.). Хорош памятник из пьедестала (в виде арки) со статуей склонившейся женщины в античном одеянии. А вот груды огромных камней до одной кв. сажени площадью. Разбирая ее, можно натолкнуться на чудесные куски с резьбой, изображающей Спасителя, факелы, вазы, головы и крылья херувимов: какие-то жалкие, но сами по себе чудесные остатки бывшего монумента...

Здесь были памятники и Григорию Романовичу Шидловскому (1752—1820 гг.) с надписью «Вечная признательная память от сокрушеннаго и благодарнаго друга N. N.»

Пойдем теперь внутрь дворца и вкратце отметим то, что остановило здесь наше внимание. Прежде всего — зал: овальный в плане, с богатой лепкой во фризе, изображающей гирлянды, перевитые лентами с бантами. Прекрасен орнамент в рамках, обрамляющих плафоны, но кое-где заметны и орнаменты, как будто новые, эпохи Александра III. Особенно подозрительным в этом отношении является верхний ярус зала. Бюсты и венки над квадратами для картин плохой лепки, но архитектоника их композиции отличная. Портреты в зале огромные по размерам, но как будто все копии. Хороша живопись портрета Императрицы Екатерины I. Огромные развесистые пальмы, мрамор бюстов, бронза, люстры, вместе с мебелью (новой) образуют импозантную картину. Столовая и гостиная типичны по своей «меблировке» для эпохи Александра II.

Мебель рококо, чересчур богатой резьбы, драпировочные материи с «глазастым» рисунком, трельяжи, увитые плющом в центре комнаты, аляповатые керосиновые лампы в русском стиле с фарфоровыми вставками и сюжетами из крестьянского быта («читают в деревне указ об освобождении крестьян»), плюшевые и фарфоровые рамы картин — все это пока кажется мало привлекательным, но пройдут года, и хотя, конечно, несколько не увеличится художественное значение этих предметов, но показательная интересность их будет значительнее.

В гостиной хороши портреты Лужиной и кн. Голицыной, кисти Боровиковского (несомненно, копии). В спальне чудесны обои: синий рисунок на серебряном фоне. Здесь рама из фарфора сакс достойна внимания. Светло-розовые (цветы) с остро-зелеными бликами (листки) и бледно-желтыми завитками на серебристо-синем фоне обоев, она положительно красива. Хорош и фарфоровый подзеркальник.

В одной из комнат по садовому фасаду устроен род музея, в память брата владельца туркестанского генерал-губернатора Духовского.

Не касаясь предметов собрания — блюд, восточных тканей, ковров и т. п., — как не заключающих ничего типичного для художественного производства Харьковской губернии, отметим только особенно удачное убранство стен самого зала. Здесь сохранились, чудесно выполненные ниши с раковинами и подвешенными под ними гирляндами, великолепные наддверники из скрещенных веток и т. п. детали отделки комнат, существовавшие, кажется, прежде и в большом зале. Прелестны по обработке створки дверей. Из отдельных предметов упомянем шкаф начала царствования Екатерины II, а может быть, и конца Елисаветинской эпохи, с вычурным фронтоном, но нежными карнизами.

Старая Водолага, или **Адалага** — равно как и **Водолага Новая** — обе принадлежали Григорию Тимофеевичу Донцу. По описи указа царя Феодора Алексеевича на месте с. Водолаги на реке Мже, «на диком поле, стоял острог, мерою в длину 174 саж., поперек 165 саж. А в нем двор полковника Григория Донца. Подле его Григорьева двора построена церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы». В 1711 г. храм сгорел. В 1736 г. построена была новая деревянная церковь. В 1773 г. помещик Старой Водолаги майор Александр Андреевич Дунин получил благословение построить новую церковь, которая и была освящена в 1821 году, при генерал-аншефиссе Марии Дмитриевне Дуниной, рожденной Норовой, вероятно, дочери генерал-губернатора Екатерининского времени.

Ведомость 1780 года говорила: «Дом господский деревянный окружен на подобие четырехугольного редута с четырьмя бастионами, при нем саду не имеется». Дунина при замужестве дочерей дарила им (по преданию) по части дома. Теперь принадлежит С. А. Ширковой, рожденной гр. Сиверс, внучке Дуниной.

Ныне у села Водолага две усадьбы князя А. Д. Голицына — более новая, и С. А. Ширковой — более старая, обе бывшие гр. Сиверс.

Дом в Водолаге был основан в Александровское время, но, переделанный в 1880—1890-х годах, сохранил лишь общие благородные формы, фронтоны. Ничего художественного он не представляет. Приятен традиционный подъезд с флигелями со стороны *cour d'honneur*'а

В доме хорошее собрание картин, особенно портретов. Портрет гр. К. К. Сиверс (1813—1814 г.), копия (?) кисти Боровиковского, портрет Дуниной, из собрания гр. Строганова (копия?), интересный автопортрет Тихобразова (1846 г.) и несколько очаровательных картин, акварелей и литографий в гостиной.

Старая Водолага по другую сторону села. Здесь в тенистом парке тоже небольшой дом, в стиле английской готики, с зубцами аттика, с типичными оконными наличниками. К дому прилегает пристройка в мавританском стиле, с куполом, — следствие любви к восточному в 70-х годах прошлого столетия. Неподалеку — руины какого-то старого амбара. Несмотря на совершенно плачевный вид этой постройки, можно, однако, различить в кладке стен ниши и портик.

Церковь в селе Водолага, о которой сказано было раньше, не представляет собой по наружному виду ничего примечательного, хотя странными представляются ранние, достаточно классические формы (в 50—60-х годах) ее колокольни, купола, фронтонов. Впрочем, начало ее постройки относится к 1815 году; автором проекта является какой-то Волтнев.

Но зато внутри церкви – совершенно неописуемая красота иконостаса, очевидно, Елисаветинского времени и чудная сень, покрытая короною. Иконостас чистейшего растреллиевского барокко. Витые колонки, медальоны, обрамленные орнаментом рокайль, прелестное завершение второго яруса с прихотливо, гибко и смело изогнутыми линиями карниза и вовсе не плохая живопись, особенно в иконах нижнего ряда, – все это указывает на то, что иконостас исполнен в отличной петербургской мастерской по рисунку лучшего мастера.

В самом селе Водолага, посередине широкой улицы стоит за невысокой каменной оградой храм-мавзолей. Вокруг мавзолея, окаймленные оградой, старинные ели и кустарник. Окруженный колоннами со всех сторон, мавзолей украшен круглым барабаном с прорезанными в нем полукруглыми окнами и покрыт невысоким куполом. Со стороны алтаря – пристройка, довольно неудачная, едва ли времени построения монумента, вероятно, позднейшая. Сооружение это – фамильный склеп с часовней гр. Сиверс. Здесь похоронены многие члены этой семьи. Одиноко, сиротливо и уныло этому, как бы перенесенному с *Via Appia* храмику среди маленьких деревянных домиков! Вдаль уходит большая дорога, мелькают телеграфные столбы. На горизонте живописны силуэты ветряных мельниц...

Ракитное, усадьба, сравнительно живописно расположенная, основана была Михаилом Матвеевичем Куликовским. В усадьбе сохраняется и старинный дом (ныне училище садоводства) и церковь, а в парке – беседочка. Много переделано, уменьшился сад, хотя сохраняются экземпляры дубов редкой величины.

Печальна история этого имения. После смерти М. М. Куликовского все имущество его перешло к двум дочерям его – Хлоповой и Перекрестовой-Осиповой. Хлопова променяла Ракитное Андрееву, последний умер бездетным. Претенденты, в том числе графиня Верзилина, не добились признания имения за ними. Кем-то было составлено поддельное завещание и, наконец, как выморочное, имение поступило лет 40 тому назад в казну, в Министерство Земледелия.

К этому времени относятся переделки построек и даже хищение имущества. Главный дом остался таким же, как прежде (почти невероятно, как утверждают местные старожилы, что он был двухэтажным). По нашему мнению, дом сохраняется почти в полной неприкосновенности: уже самый тип его колоннады указывает на то, что он и ранее был одноэтажным. Правда, в Славгородке увидим подобный же двухэтажный дом с колоннадою, но там она имеет совсем декоративное значение, между тем дома в Железняке и др. напоминают описываемый фасад.

В доме помещена была военно-ремонтная канцелярия, потом он служил дачей института, позже перебралась сюда детская колония, и, наконец, благодаря генералу Зарудному, здесь устроили школу садоводства.

Но если сохранился главный дом, который отстоял местный помещик П. И. Палицын, то несомненно, что снесен до основания трехэтажный простой архитектуры флигель. Далее указывают и на исчезновение ряда других служб (конюшен, оранжерей и т. п.). Все это было разобрано на кирпич, доставали его еще и из каких-то подземных ходов. Тогда же устроена была и ограда.

По своей архитектуре дом производит чрезвычайно приятное впечатление. С обеих сторон украшенный колоннадой, он очень логичен и уютен по плану. Дорические канелированные колонны, отставлены на значительное расстояние от стены средней части дома. Колоннады, затиснутые выступами боковых частей, образуют род удлиненных лоджий. Но с другой стороны глубина их не столь велика, чтобы затемнять внутренние помещения, препятствуя доступу света в окна. Последние – изящных, удлиненных пропорций. Дом поставлен на очень низкий цоколь, поэтому пропорции его имеют уютный характер. Великолепно нарисован и украшен модульонами карниз. Обработка боковых выступающих частей рустами и пилястрами также удачна.

Внутри хороши створки дверей и великолепны сохранившиеся внутренние, старинные ставни. Со стороны подъезда — двор, теперь запущенный. Но с другой стороны дома великолепный сад, с сохранившимися редкими породами хвойных деревьев.

Церковь связана с домом в одно архитектурное целое. Она относится к 1805 году. Композиция ее очень благородна и красива.

В плане церковь круглая с двумя выступающими портиками со стороны паперти и алтаря. Первый портик «с откосом», второй плотнее примыкает своими колоннами к телу здания. Храм покрыт куполом на барабане с прорезанными в последнем круглыми окнами.

Колокольня лучше по своей архитектуре, нежели самый храм. Она двухъярусная. Первый ярус окружен колоннами. Второй — украшен плоскими пилястрами. В самом теле колокольни прорезаны очень удачно ниши. Прелестна пропорция окна звона — узкая арка.

К сожалению, наружный вид церкви сильно пострадал в 1895 г., когда ремонтом искажен был профиль карнизов, и вследствие этого теперь они получили почти всюду грубый вид. Особенно пострадал венчающий карниз. Во фризе триглифы оставлены только со стороны фронтона (четыре вместо семи). Пострадали также и купола на церкви и колокольне. Прежде точно сферические, при замене стропил и, главное, обрешетки они стали какие-то многогранные. Главка на верхнем барабане также изменена без всякой надобности: вместо шара сделано подобие луковицы. Но особенно жалко замены двухтонной окраски сплошную белую. Прежде белые тяги и колонны прекрасно выделялись на темно-красном тоне штукатурки стен.

Переделка, будто бы вызванная трещинами от сильного давления тяжелых (400—500 пуд.) печей, ныне несуществующих, отразилась и на внутреннем виде храма: убраны были с благословения епископа Амвросия не только хоры, но и царские врата, которые «по ветхости» были переделаны...

Из сохранившихся донныне интересных предметов убранства храма отметим: решетку аналоя в стиле *empire*, несколько памятников-надгробий (Куликовских), большую, серебряную люстру тоже *empire*, люстру барокко Елисаветинского стиля (маленькую), местные иконы на колоннах, посредственные, но в старых рамах; в приделах прелестны овалы с гирляндами и вазочками на иконостасе; из икон отметим Лик Спасителя, типа Гвидо Рени, в серебряном окладе.

Иконостас синий с золотыми полосками (таковы старые части, новые сплошь золотые). Ныне иконы заменены другими: ранее вместо тайной вечери была Звезда, вместо Голгофы был Господь Саваоф.

В усадьбе близ села Ракитного, принадлежащей П. И. Палицыну, отметим занятный, старенький, разваливающийся домик с мезонином и готическими переплетами окон, амбарчик с традиционными парными колонками и урну из усадьбы Каплуновка в саду. В доме картины 40—50-х годов, сабля, пожалованная стольнику Перекрестову.

И в а н ы, или **Знаменское**, некогда усадьба Дуниных, ныне перешедшая к Шидловским. Дом одноэтажный с выступающей в сад полукругом террасою, очень уютен. Со стороны подъезда оригинально обработано крыльцо с ампирным, зубчатым фронтоном. Непосредственно к крыльцу примыкает старинная оранжерея.

В доме сосредоточено довольно много предметов, имеющих художественный интерес. Старинная икона Ахтырской Божьей Матери в окладе 1739 года (от гр. Подгоричани), портреты Шидловской (жены Р. М. Шидловского), рожденной Бутурлиной, самого Романа Михайловича.

Церковь Знамения в «украинской классике», одна из интереснейших в Харьковской губернии, она построена в 1771 году, но в 1830-м была перестроена и тогда-то получила «ампирные» крылечки. План же церкви и купола ее — старинные. Построена она была майором Дуниным.

Перестраивали ее А. Р. и М. В. Шидловские, пожертвовавшие утварь и поставившие памятники Дуниным. Внутри иконостас в стиле *faux gothique* (что вполне соответствует эпохе 1830-х годов). В саду часовня-мавзолей тоже в готике, но уже поздней, несомненно 1880-х годов.

Снежков Кут, имение ныне А. А. Задонской, на плоской местности, с благоустроенным, тенистым садом. Все постройки не представляют собою ничего особенного, хотя довольно привлекательны и уютны. Террасы, балкончики, выступы, навесы придают им вполне живописный вид. Вероятно, эти построечки были переделаны, ибо лишь кое-где теперь можно заметить ампирные детали (наличники), но все террасы и т. д. позднейшего происхождения.

В доме несколько портретов, заслуживающих описания. Портрет старушки в шляпе-чепце, прелестно написанный, той же эпохи автопортрет М-г Frere (в овальной раме) в берете, портрет А. В. Кирьяковой, 1837 года, — очень типичный портрет.

Контакузово, имение Яхонтова, ныне не сохраняется уже, к сожалению, никаких остатков старинной усадьбы, кроме огромных развесистых дубов. Недавно еще перестроен заново последний из домов усадьбы. Флигель был переделан раньше, а стоявший к нему перпендикулярно, посредине импозантного двора, к которому ведет отличная, внушительная и типичная, усадебная аллея, главный дом снесен. Дом был покрыт гонтовой крышей и украшен колоннами со стороны входов и сада. Вероятно, его фасады напоминали типы такого дома, как в Иванах, но только были больше по размерам. Если так, то надо только пожалеть о перестройке. В доме — интересные экземпляры старинной мебели и фарфора.

В самом уездном городке **Валках** уцелели две-три усадьбы. Ныне, правда, оказавшиеся в середине города, но все еще сохраняющие характер именно усадьбы, в отличие от таких, например, тоже очень милых домиков, как тот, в котором ныне помещается Высшее училище, но которые носят определенный городской вид.

Дом, ныне протоиерея Новоского, бывш. Роменских, как о том свидетельствует и герб, вырезанный из железа и помещенный на таком же, очень интересном ажурном аттике, построен, несомненно, в конце XVIII столетия. Снаружи гладкая стена его не украшена никакими деталями, лишь расчленена пилястрами. Со стороны двора к дому примыкает очень интересное типичное крыльцо, тоже с железным резным аттиком, изображающим лебедя. Со стороны заднего фасада уцелели колонки. Очевидно, поэтому грубоватые пилястры лицевого фасада поставлены на месте переделанных колонок. Но не фасадом примечателен дом. Его достоинство — в печах.

Две печи (1808 года) в зале с орнаментом в стиле *Louis XVI*, печь в гостиной в виде ниши, и еще печь в передней, сборная из кафель с отдельным на каждой кафле рисунком (вазочки). Орнамент печей, зелено-синего тона, изображает гирлянды и вазы. Неужели такой красоты печи прежде бывали во всех домах? Какие же фабрики выделывали их?

АХТЫРСКИЙ УЕЗД

Славгородок, усадьба, основанная Надаржинским и Корсаковым, ныне принадлежащая княжне В. В. Голицыной и С. В. Галл. Кроме дома, вся усадьба вместе с имением – в аренде, почему она не блещет благоустройством и хотя бы опрятностью, в парке запущены клумбы, заросли дорожки...

«Ахтырский полковник Иван Перекрестов по укрепленной грамоте 1686 года купил у боярских детей Вольновской службы земли Славгородка и заселил их черкасами», «в 1705 году земля отобрана на царя». Было время, когда в Славгородке находилось четыре храма. Петром Великим Славгородок пожалован Надаржинскому. На том месте, где стоит ныне мраморный памятник над прахом генерал-майора Корсакова, по местной памяти, стоял ветхий Архангельский храм. Уже при отце нынешней владельницы, князе В. П. Голицыне, дом стал приходить в несколько заброшенное состояние. Но все-таки великолепно была усадьба и ее собрания.

Очевидно, относящийся к 1840-х годам, теперешним своим видом дом производит более старое впечатление. Отчасти этому способствует присутствие колонн на обоих фасадах, отчасти старинный вид дома.

Но ближайшее рассмотрение деталей и частей убеждает в том, что дому едва ли более 75 лет. Подобие готических фронтонов боковых выступов с окном в тимпане, готические наличники окон, цветные стекла в переплетах некоторых окон подтверждают это датирование.

Колонны портика фасада со стороны подъезда тоже по профилю своих баз и капителей не классической эпохи. Но все-таки очень уютна и импозантна вместе с тем колоннада подъезда, со стороны сада фасад еще более пестрый, склеенный, состоящий как бы из кусочков. И здесь посредине портик из парных колонн, служащий террасой второго этажа. К боковым выступам примыкают крытые балкончики с готическими переплетами. На пологих лестницах, спускающихся в сад – чугунные перила, тоже готические.

Вместе с огромными, развесистыми липами, кленами и чудными пирамидальными тополями белые массы дома, на которых играют блики света, пробивающегося сквозь густую листву, производят чарующее впечатление своею живописностью, несмотря на недочеты чисто архитектурных форм. Со стороны подъезда в ворота видны, расположенные через улицу хозяйственные постройки какого-то странного русско-мавританского стиля, не лишено, однако, уже прелести старинной архитектуры. Еще интереснее вид на усадьбу со стороны обширной, поросшей травой площади, посредине которой находятся руины памятника Корсакову.

Отсюда кроме дома, на фоне зелени парка, видны флигеля двухэтажные, флигеля малые, погребца, разбросанные вокруг этой площади. Направо церковь. Но о ней впереди.

Итак, мы видим, что Славгородская усадьба — это целый *ensemble* построек, расположенных по известной системе. От центра дома налево — службы, направо — чистые флигеля, а прямо (по оси) против дома — церковь. Но, очевидно, позже (в 70—80-х годах) «перекроили» сад, новой оградой отрезали службы, выделили памятник за черту собственно усадьбы, предоставив его тем самым на расхищение, и вот — теперь уже с трудом можно мысленно восстановить прежний общий план усадьбы.

Внутри дома разрушение еще большее, чем снаружи. Если на фасадах заметны следы отсутствия ремонта, выпавшие балясины, отпавшая штукатурка, что легко восстановить, то внутри происходит полный развал: покривились ступени лестницы, покосились притолки дверей, потрескалась живопись старинных полотен, покрыты слоем пыли все ценные предметы, продается чудная, подобранная за многие годы, библиотека, и, в дополнение ко всему, весь инвентарь находится в руках и на попечении евреев-арендаторов. Между тем здесь есть чудные портреты: бабушки нынешней владелицы Веры Викторовны, хорошие люстры *empire* и др.

Мавзолей на могиле, как гласит о том надпись, генерал-майора Алексея Ивановича Корсакова, поставлен был в 1818 году 18 апреля. Несмотря на не столь большую давность, он пришел в ужасное состояние, впрочем, не лишенное живописности. Деревья, его окружающие, кустарники, поросшие на склонах пирамидального покрытия и руины стен образуют очень поэтический уголок. Но почему в такие развалины обратилась постройка? Кладка ли была плоха или отсутствие покрытия на скатах пирамиды повлияло так дурно на состояние стен? Выщербились углы, деформировался почти до неузнаваемости верх мавзолея, трудно даже определить теперь, что это была пирамида с четырьмя по углам малыми обелисками. Каков был стиль сооружения, сказать теперь представляется совершенно невозможным.

Внутри квадратное в плане помещение с огромными распалубками, придающими помещению очень типичный вид, именно вид склепа. Остатки алтаря (или части иконостаса) в украинском стиле барокко.

В 1807 году помещицей Варварою Надаржинскою построен был каменный храм во имя св. Троицы. В 1843 году княгиней Софией Алексеевной Голицыной, рожденной Корсаковой, правнучкой знаменитого Надаржинского, храм был возобновлен. Ею поставлены в нишах статуи семейных святых архангелов Гавриила и Михаила, святителя Алексея и святых мучениц Софьи, Александры и Варвары.

Церковь построена была в классическом стиле и украшена колоннами.

Колокольня в виде массивного четырехугольного с прямым отверстием куба, на котором — мощный и отлично скомпанованный купол со шпилем, сохранилась нерушимо. Равно сохранились вполне все ее три портика с отлично выполненными дорическими колоннами. Но пристройками приделов с южной и северной сторон (для расширения храма) значительно нарушен был *ensemble* церкви; эти пристройки «украсили» куполками с луковичными главками, и русский стиль совсем не гармонирует с *empire*'ом церкви. Со стороны паперти, как и в стенах абсиды, в некоторых нишах поставлены статуи. Первоначально они были во всех нишах. Во время обновления храма в 1843 году, как мы видели, поставлены были статуи в некоторых нишах, так как при епископе Амвросии их убрали, как несоответствующие духу православной церкви, а в нишах вместо статуй были написаны фрески. Статуи действительно имеют католический характер, зато новые статуи епископов в митрах, хотя совершенно подходят по сюжету, но значительно хуже по художественности выполнения. В то же время, т. е. при перedelке церкви, убран был «за ветхостью» и чудесный иконостас, и, говорят, потому, что он был тоже

якобы в католическом стиле. Вероятно, это было пышное барокко вроде иконостаса храма в Володаге, т. е. с лепными и резными изображениями ангелов и, может быть, даже Богородицы и Христа. Но око местного епископа усмотрело в этих деталях признаки католичества, позабыв, что на Украине, в частности, как и на далеком Севере вполне распространены были скульптурные изображения святых, ими теперь полны музеи Костромы, Владимира, Вологды и т. д.

Итак, теперь новый, неинтересный иконостас, и недостает некоторых статуй, поставленных в 1843 году. Зато теперь появились нелепые пристройки якобы в русском стиле, испортившие боковые фасады храма, заслуживающего самого бережного к нему отношения: храм вполне может быть причислен к числу лучших построек губернии.

В саду около церкви несколько прелестных монументов на могилах владельцев усадьбы. Вот некоторые из них: памятник на могиле князя Василия Петровича Голицына, умершего в 1866 году — в виде статуи ангела, держащего опущенный факел. Прекрасно грустное, тихое выражение лица; складки драпировок, крылья скомпонованы очень удачно, и если бы не была известна точно дата монумента, смело можно бы было отнести его к 30-м годам.

Памятник на могиле Александры Тимофеевны Корсаковой, жены генерал-майора, скончавшейся в 1842 году на 34-м году жизни, изображает статую опечаленной, со склоненной головой, женщины. Также великолепны складки драпировок, покрывающих прекрасное тело.

Памятник княжны Варвары Алексеевны Корсаковой, дочери генерал-майора А. И. Корсакова, умершей, как гласит надпись: «1832 года, июня 16 в 7 часов утра, в Голландии, по выезде из Роттердама близ города Горкум на реке Вааль, на пароходе Номбеген», изображает пьедестал с фронтоном в египетском стиле с антефиксами на одной стороне фронтона. В венке из цветов — профильный барельеф уснувшей, окруженный звездами. Под изображением надпись: «Вот все». Как кратко и красноречиво! Сколько такта, изящества и смысла во всем изображении! И как просто все это по сравнению с теми монументами, которыми устанавливают теперь наши кладбища! Все памятники прекрасного мрамора. Едва ли на зиму их закрывают ящиками из досок. Кто заботится о поддержании их вида? Ведь они на могилах родственников владельцев! Не постигнет ли и их судьба мавзолея на могиле генерала Корсакова? Будем надеяться, что они не дождутся судьбы монументов в Мерчике, хотя бы благодаря тому, что, опубликованные здесь, они привлекут к себе внимание тех, кого следует, т. е. прежде всего собственников и родственников.

Грустное впечатление остается в общем от обзора Славгородка. Чудное дворянское гнездо с хорошим домом, с садом «задумчивым», с церковью высокохудожественной — сколько средств, сколько трудов было затрачено на устройство всего этого для того, чтобы теперь подвергнуться постепенному разрушению!

Янков Рог, имение, как и Славгородок, основанное Анастасиею Надаржинскою, внучкою духовника Петра Великого. Ныне имение принадлежит наследникам П. И. Харитоненко.

Дом с дорическими колоннами очень мощного ордера. К сожалению, со стороны фасада портик безнадежно испорчен устройством в обоих этажах помещений: застеклены окна, устроены двери. Оригинален аттик с прорезанными в нем окнами. Карнизы суховаты. Окна хороших пропорций. Со стороны сада портик заканчивается фронтоном с огромным окном в тимпане. Прекрасна сохранившаяся решетка балкона второго этажа. Боковые части дома очень хорошо обработаны колоннами по углам. Заросли дикого винограда покрыли живописно стены. Остатки былого величия — могучие сосны и дубы парка оттеняют стены дома. Особенно хороша липа, посаженная Анастасией Николаевной Надаржинской (род. 1764, умерла 1834), плита на могиле которой уцелела до сих пор. В саду нет уже никаких павильонов, но службы около дома хорошие, особенно один сарай с колоннами в два яруса. Хороши двери с *empire*'ным рисунком, переплеты окон и балясины лестницы.

Пожня, имение генерала В. И. Белогрудова. Здесь построена была хорошая классическая церковь. Дом с колонками на фасадах, лицевом и садовом: по традиции род лоджии. Терраса на одном фасаде и выступающий портик на другом. Эпохи *empire* печи с белыми кафлями, отороченными вокруг орнаментом виноградной лозы. Хороша ограда.

Видневка, усадьба, построенная Райковичем, позже перешедшая в руки Романовых и ныне принадлежащая Башкирцевым. Она расположена в живописной местности, на высоком холме, с прекрасным видом на окрестности. Дом с парными колоннами по фасаду, образующими лоджию. Со стороны сада – портик и галерея. Хорошего рисунка двери, печи, отличные экземпляры мебели. Особенно хороши печи с орнаментом из рогов изобилия на аттике печи, и с аканфовым узором, выющимся по всей длине и ширине печи. Очевидно, печи сложены были не позднее 1836 года, так как именно в этом году Романовыми был построен дом и церковь для прихода, поставленная по другую сторону глубокого оврага так, что с балкона дома открывается вид на нее. Окруженные спускающейся по крутому склону оградой из каменных столбов и балясин, старинные плакучие березы придают дому значительную прелесть.

Угрюеды, имение ныне наследников П. И. Харитоненко. Здесь был старый дом того же типа, что и в Видневке или Пожне, но много больше, с двумя флигелями. Однако не так еще давно он был переделан и «приукрашен» в «петушином» русском стиле, помощью наклепанных без меры узоров, вырезанных из досок и размалеванных в четыре цвета: прежняя милая простота не понравилась и был погублен помещичий домик половины XIX столетия.

Церковь в классическом стиле, также неплохих форм, с портиком и куполом, но отремонтированная с варварским безвкусием, она потеряла много в своей прелести. В самом деле, украшенные аляповатой росписью стены, фронтоны и особенно фриз (в метопах намалеваны головы святых) являют теперь только жалкий вид.

Турия – тоже наследников П. И. Харитоненко, небольшой, но милый домик с колоннами, уютно расположенный среди хозяйственных построек и деревьев. К сожалению, и здесь архитектура дома пострадала от наклепанных без надобности резных оконных наличников.

ВОЛЧАНСКИЙ УЕЗД

Графское, усадьба ныне графа П. А. Гендрикова. Она расположена в чрезвычайно живописной местности на берегу реки Донца, и хотя на низменном берегу реки, но таким образом, что из усадьбы виден чудный горный берег, покрытый до сих пор вековым дубовым лесом.

Имение это дано было в начале XVIII столетия Петром I Шафирову и отобрано от него в казну в 1723 году. Екатериною I подарено Гендрикову и с тех пор находится в этом роде.

В 1825 году отстроена теперешняя усадьба. По крайней мере известно, что в этом году построена церковь графиней Анной Александровной Гендриковой. Стиль же церкви, равно как и характер постройки, приблизительно тот же, что и дома. Предположить можно, что эта эпоха является подходящей для *empire*'а, в котором построен дом.

Переехав по низенькому мостику полноводную, с берегами поросшими камышом и отражающую темную зелень дубовой рощи, подходящей местами к самой воде, реку Донец, по длинной улице, образованной служебными флигелями, въезжаем через готические ворота во двор усадьбы. Собственно усадьба начинается раньше, с момента въезда в мир служебных построек, ибо здесь все сооружено по проекту, сооружено согласно общему плану, в соответствии с домом.

Перед домом обширный *cour d'honneur*, его замыкает ограда, выложенная, как часто в этой местности делают, крестовую кладкою. Дом состоит из главного трехэтажного корпуса с портиком и куполочком, двух флигелей, связанных с ним крыльями, и ряда одноэтажных флигелей, поставленных перпендикулярно к главному дому по обеим сторонам обширного двора. Двор занят посредине круглой клумбой, посаженной кустами зелени.

Перед домом, очень декоративно разместившись, растут пирамидальные тополи, силуэтом своим прекрасно сочетаясь с колоннами и вообще со всей архитектурой. Белая постройка в свою очередь отлично выделяется на фоне сочных куп зелени старинного парка. При въезде в ворота получается таким образом картина в высшей степени типичная для прекрасной барской усадьбы и вместе с тем картина декоративно прелестная, так и просится она для передачи ее в постановку тургеневской пьесы. При ближайшем рассмотрении архитектура дома еще более выигрывает. Прекрасный по скомпонованности общих масс дом за некоторым исключением построен с соблюдением всех хороших основ классической архитектуры 1820—1830-х годов и до некоторой степени наводит на мысль или об авторстве московского архитектора школы Джилярди (детали типичны для Московских особняков), или последователя и совре-

менника Стасова. Главный дом, прямоугольный в плане, украшен со стороны подъезда портиком дорических колонн, поставленным на высокую аркаду и сильно выдвинут вперед. Портик настолько выдвинут, что экипаж может свободно подъезжать под своды аркад. Поэтому к портику ведут низкие пандусы. Второй этаж развит значительно, зато третий имеет вид скорее антресолей. Такое членение придает много стройности дому, отличая его сразу от всех шаблонно-ампирных домов города, где все этажи были равноценны. Фронтон высок, а тимпан его гладок, и белый, скромный герб владельцев усадьбы в середине оттеняет его спокойствие. Стройными представляются полуколонны, делящие стену. Как будто когда-то дом состоял только из колонн, а потом «междуколонья» «забрали», и вот теперь колонны выглядят из-под слоя «затиснувшей» их штукатурки. Была ли первоначально идея украсить стены дома целыми колоннами или трехчетвертными, или случайно вместо пилястр сделали полуколонны, но несомненно, что эти пилястры были бы удачнее, равно как и трехчетвертные колонны были бы предпочтительнее. Вот эти-то колонны и надо отнести к числу дефектов архитектуры дома, дефектов, безусловно, происшедших вследствие неправильно понятого проекта, очевидно, осуществлявшегося без надзора автора.

Неудачен также фонарик на крыше, играющий роль купола. Он немного низок и, главное, выполнен бутафорски. Полуколонки, декорирующие стены самого дома, украшают и соединения с флигелями и самые флигели. Вообще этим мотивом немного злоупотребляли.

Подойдем еще ближе к дому. Арки, столь мощные издали, казались стройнее. Кривая их не очень приятно смыкается с опорой, а замки над наличниками арок вовсе плохи и бессмысленны, как декоративное украшение, а не как конструктивная и столь нужная деталь. Зато превосходит портик. Легкие, стройные колонны, кажущиеся слишком тонкими, в сущности, очень хороши. Упрощен карниз из плоских модульонов, прекрасен рисунок балясин между колонн. Лепные украшения в наличниках окон второго этажа выполнены превосходно. Импозантная терраса, образованная колоннами, безусловно, одна из лучших во всей усадебной России. Уставленная тропическими растениями, всякими хвоями и пальмами, она так удачна по своим размерам, по высоте над землею, по уюту и по виду, с нее открывающемуся, что не оставляет желать ничего лучшего.

У колонн чуть слышно в тихий знойный день шелестят или шумят в бурю листья старых тополей, и в этой рамке из колонн, как бы увитой зеленою, видны все другие прекрасные сооружения усадьбы: вдали, как раз против дома, манеж и конный двор, налево башни оранжереи, направо ряд флигелей, а дальше — тянутся леса, виднеется деревня...

Диссонирующею нотою является только пол, назойливо лезущий в глаза своими метлахскими плиточками, напоминающими ванную комнату. Здесь уместнее бы был пол из плит каменных, досчатый или мозаичный, как в виллах, построенных Палладио в Италии.

Фасад со стороны сада, также прелестно оттененный зеленью тополей и елей, представляется несколько в другом роде.

Колоннада портика этого фасада — полукруглая и образует собою подобие ротонды. Но так как выдвинута соответственно и часть здания полукругом, то получается сравнительно узкая терраса, с которой и открывается восхитительный вид на нагорный берег реки, покрытый лесом, на парк, на зеленый партер, ради которого как бы расступаются деревья.

Портит вид фасада только слуховое окно крыши полукружия — чрезмерно большое. Особенно хорошо видны детали обработки на боковых фасадах. Здесь вполне отчетливо выделяются маскароны в венках, окруженные лентами: излюбленный мотив особняков в Москве (дом Обер-Полицмейстера) и в Московском районе (д. Мешкова в Калуге, дом Двор. Приюта в Рязани, д. Полторацкой в Курске).

Внутри дом не менее интересен, чем снаружи. Прекрасная «лестничная клетка», образующая удобные поместительные раздевалки, особенно хороша, если на нее смотреть с верхней площадки. Вместе с балюстрадой перил, бра и отделкой стен, лестница была бы вполне годна для дома Дворянства в губернском городе и во всяком случае имеет дворцовый характер.

Зал тоже достоин дворца. Он разделен арками, покоящимися на парных коринфских колоннах, на две части. Получается собственно зал и аванзал. Наверху в арках — хоры с очень красивой балюстрадой.

В среднем пролете — печи старинные с колоннами, настолько красивые по своей обработке, что вполне подходят к обработке зала. Огромные пальмы придают ему характер торжественности. Интересны некоторые предметы мебели. Из других комнат интересна по обработке стен полукруглая гостиная, выходящая в сад. Мила лепка фриза, деликатна обработка ионических колонн и купола.

В комнатах нижнего этажа есть интересные картины. Особенно акварели, изображающие виды Графского в 40-х годах, исполненные бабкою нынешнего владельца. Акварели эти полны поэтического чувства и очень подлинно запечатлевают виды дома того времени. Дом остался почти без изменения. Конечно, сад состоял еще из кустов, но были лучше цветники. Особенно хороши на этих акварелях *interieur*'ы, закрепляющие все предметы обихода и украшения тогдашних комнат. Ценными документами быта тех времен и материалом для подробного описания Графского являются такие акварели.

Из построек, расположенных вблизи дома и образующих с ним *cour d'honneur*, интересен флигель со сплошь разрустованными стенами, — едва ли не наиболее старинная постройка усадьбы. Далее интересна оранжерея с башней. Теплицы расположены под углом к линии фасада. Башня замыкает собою чистый двор, после нее начинается забор огородов. Стены башни покрыты рустами, между которыми прорезаны круглые окошечки вверху и маленькие, полукруглые внизу. В ее архитектуре есть что-то замковое. Купол прихотливо изогнут.

Выйдя из ворот на улицу, увидим целый городок флигелей. Некоторые из них служат жильем и сохраняются в хорошем виде. Некоторые заброшены или совсем разорены. Налево от дома — анфилада этих домиков, среди которых есть очень милые по обработке готические, а есть и с наклоном к классической архитектуре, заканчивающиеся башней очень оригинального вида. Все домики соединены между собой высокой оградой из арок. Особенно оригинальна башня при въезде в эту улицу, с одной стороны которой идут эти службы, а с другой тянется ограда, заканчивающаяся конным двором.

Совершенно необычайно по виду самое «тело» сооружения, перекрытого тесовым шатром многоугольного плана.

Вокруг, на некотором расстоянии идет также многоугольная в плане колоннада. Но колонны эти треугольны (!) в плане и покрыты вместо антаблемана родом аттика. Когда тени столбов падают на стену собственно башни лучше ощущается рельеф сооружения и стройность его форм чувствуется еще больше.

Против дома, со значительным отступом от линии ограды расположено едва ли не лучшее сооружение Графского, во многом напоминающее руку отличного мастера, может быть, Стасова. Так же, как и другие постройки Графского, конный двор и манеж — прежде всего великолепно поставлен в отношении других зданий и еще лучше оттенен деревьями. Тополы перед домом положительно необходимы как «декоративные пятна».

Длинное низкое здание, сплошь разрустованное, в средней части обработано «павильоном» из пяти арок, украшенных колоннами и красивыми переплетами рам в верхних полукруглых, сквозных частях, служащих окнами. Низкая крыша дома покрыта куполом, помещенном на

низком барабане и слегка изогнутом, подобно куполу оранжереи. Боковые части украшены с фасада одной аркой, с бокового фасада — тремя и также покрыты куполочками. Пропорция частей, комбинация гладкой разрустованной стены (в средней части оставлен гладким цоколь и фриз) с боками и центральным пятном — идеальны. По архитектурной обработке общий силуэт здания выражает вполне предназначение здания и своей гладью чудно рисуется на зелени луга, расстилающегося привольно перед фасадом, и лишь двумя-тремя плакучими ивами нарушенном в своем спокойствии. Отойдя на расстояние — так, чтобы тополи, растущие перед газоном *cour d'honneur*'а слились в одну картину с фасадом манежа, получим наиболее торжественную картину. Темные силуэты высоких, стройных деревьев составляют *ensemble*, единственный с постройкою. Вглубь от средней части конного завода расположен манеж — это длинный корпус, сплошь состоящий из арок, частью застекленных. Створки ворот очень хорошей обработки. Манеж в Графском, как тип сооружения, — один из наиболее удачных.

Церковь в Графском — с шестью дорическими колоннами, пилястрами и прелестною абсидою. Но купола ее барочной формы.

Хатнее, усадьба на берегу реки Двуречной, на месте первых поселений 1680 года. В 1689 году Донец-Захаржевский купил это селение, а от него усадьба перешла к дочери его Евдокии Зарудной. Сын ее И. Н. Зарудный построил каменную церковь, освященную в 1799 году. Дальше по женской линии имение перешло к Ширковым и, наконец, к гр. Ц. В. Гендриковой, нынешней владелице. Дом в Хатнем построен в 1822 году В. И. Хитрово, первым мужем владелицы имения Александры Григорьевны, рожденной Зарудной и вышедшей впоследствии замуж за Валериана Федоровича Ширкова.

Усадьба расположена, как и большинство усадеб Волчанского уезда, на склоне холма так, что, подъезжая к имению, совершенно нельзя предположить существования такого огромного парка, как в Хатнем. Парк убегает вниз по склону холма и доходит до реки. От дома ведет чудесная широкая аллея, внизу обрамленная стриженными шпалерами. Перед въездом в усадьбу сначала видим два флигеля, выходящих на улицу. Архитектура их очень серьезна и строга: рустованные бока охватывают тройное, полуциркульное окно, врезающееся во фронтон.

Посредине между этими двумя симметричными флигелями, в глубине расположен дом. Его закрывают несколько густые ветви елей, но зато они прекрасно сочетаются своим цветом с розово-оранжевыми стенами фасада и белыми колоннами. Фасад украшен восьмиколонным дорическим портиком, образующим лоджию. Мезонин увенчан уступчатым аттиком. Фасад со стороны сада обработан полукруглой ротондой и тоже имеет мезонин. Но как один, так и другой фасады, к сожалению, испорчены в недавнее время. Именно при переходе усадьбы в руки Валериана Федоровича Ширкова, художника-любителя шестидесятых годов, дом, выполненный в прекрасном стиле, был, очевидно, признан недостаточно интересным и удобным и вот его «приукрасили» или, иначе говоря, испортили.

Ширков, рисовальщик, ученик Жюмини, Базэна, поэт, литератор, составитель «Альбома Харьковской губернии в статистическом и военном отношениях» (виды Харьковской губернии и церквей, их история, сведения о быте дворян и сельских хозяйств и т. д., неизданная рукопись, находящаяся в Хатнем) повинен в этой порче.

Над террасами у мезонинов были сделаны навесы, опирающиеся на стойки из трельяжей. На уступы аттика положены были (очень характерно: гладкие линии их казались некрасивыми, непременно надо было их чем-то уснастить, задекорировать) вырезанные из дерева завитушки в стиле рококо. Гораздо хуже то, что с боков дома пристроены были тамбуры — входы в кухню справа и в переднюю слева. А со стороны сада колоннада «забрана» переплетом в мавританском стиле, и сбоку пристроена безобразная башенка с зубцами. Колорит дома, к счастью, уцелел —

розовая, приятная окраска мило гармонирует с белыми колоннами и с черными (ложными) окнами антресолей.

Внутри дом, очень вместительный и представлявший, судя по акварелям Ширкова, великолепные *interieur*'ы, ныне переделанный тем же В. Ф. Ширковым, являет собою какую-то смесь мавританского (*bois sculpte*) с готикой.

Хороши хрустальные люстры стиля *Louis XVI*, в гостиной отличные зеркала, в рамках этого же стиля, столики и шкафчики, часы и канделябры *empire*. Последние — лучшего мастера.

В доме, к счастью, уцелела лестница с отличными поручнями и балюстрадой. Самый зал более или менее отвечает тому характеру, который запечатлел на рисунке Ширков: пилястры коринфского ордера членият стены, карниз хотя суховат, но правилен. Но опять-таки не подходят вставки в мавританском стиле.

Перед описанной усадьбой по другую сторону дороги разбит полукругом прекрасный сад. Он как бы входит своим планом в общий план усадьбы, которую лишь разделила дорога. С площадки, на которой разбит этот сад, открывается красивый вид на окружающую местность, овраги и леса. Здесь было место старого дома, разобранного до основания в 70-х годах Ширковым. Также входя в общий план усадьбы, расположена стильная церковь с колокольнею, построенная в 1779 году И. И. Зарудным. Дорога разделяет эти два сооружения. Кажется, что храм был классической архитектуры и подвергся позднейшим изменениям: едва ли в 1779 году был построен такой дорический *empire*'ный портик? Но план церкви и особенно почти круглый барабан с высоким куполом и верхним фонарем — вполне соответствуют эпохе. Колокольня, очень интересная по формам, с высоким острым шатром и четырьмя портиками, в своей верхней, слегка готической части и рустованными углами напоминает вполне время Екатерины II.

И церковь, и колокольня расположены очень живописно, на холме: отсюда открывается прелестный, типичный украинский вид на село. Вокруг церкви живописно разросся сад.

В е л и к и й Б у р л у к, имение в степной части Харьковской губернии, бывшее Донец-Захаржевского, ныне Е. В. Задонской.

«До 1680 года земли по реке Бурлуку были заняты старшинами Харьковского полка, а потом перешли в поместье полковнику Конст. Григ. Донцу, и укреплены за сыновьями его царской грамотой». Каменные службы построены Яковом Михайловичем Донец-Захаржевским, церковь с 1826 года по 1839 год строилась Андреем Яковлевичем Донец-Захаржевским.

Деревянный дом начат постройкою им же, окончен генералом Воином Дмитриевичем Задонским (около 1835 года), женатым на Елисавете Андреевне Донец-Захаржевской, дочери строителя церкви. Дом начат был постройкою еще при жизни отца Андрея Яковлевича — Якова Михайловича. По этому поводу существует следующий рассказ (у Филарета). Яков Мих. Донец не владел руками много лет. Но когда он захотел благословить сына на постройку дома (церкви?), к нему вернулась способность владеть руками.

Общий план усадьбы нетрудно уловим. Прямо против дома, продолговатого и сравнительно большого, по оси с ним, но вдали на холме, на виду — храм. Очевидно, место, удачно выбранное, было взято в зависимости и от дома. Дом и храм — две конечные точки оси. По этой линии расположены и въездные ворота, каменные, немного грубоватые, но типичные. Налево от них кордегардия (готическая). Вблизи дома направо — оранжерея (под углом к основной оси), а слева — всякие службы. Позади дома прекрасный сад.

Прежде въезд в усадьбу и был через ворота, так как здесь пролегает до сих пор, уже теперь потерявший значение, почтовый шлях. Позже, с проведением железной дороги — въезд в усадьбу ближе, устроили ворота сбоку, и вот, приближающемуся обозревателю уже не удастся испытать того впечатления, которое испытывали подъезжавшие к усадьбе со стороны большака.

Разновременность постройки сооружений усадьбы Великий Бурлук очевидна не только из этих исторических дат. Несомненно, что службы, ворота при рассмотрении их более ранние, дом построен позже. С другой стороны, в удивительной чистоте и изяществе линий фасадов дома и церкви есть что-то общее: видна рука одного мастера.

Дом производит впечатление каменного, так идеально пригнаны доски обшивки, такой подобранный чистый лес был использован для нее. Единственным его украшением является портик. Колонны его поставлены на высокий пьедестал. Посредине помещен балкон. Фронтон образован прекрасными линиями карнизов с модульонами. Фриз идеально расчленен триглифами. Все профили двухэтажного дома нарисованы деликатно и не только правильно, но даже образцово. Оригинальной деталью являются ставни-жалюзи, почти никогда не бывшие в употреблении в наших постройках и явно занесенные из Парижа или из Италии. По верху дома в виде аттика тянется железная, хорошего рисунка, балюстрада. Тоже железная, но еще более тонкая, слегка готическая по стилю балюстрадочка балкона поставлена между колонн. Все так просто, гладко, спокойно, что даже окна обрамлены самыми простыми, гладкими наличниками. Только на боковых частях дома наличники окон второго этажа богаче: с карнизом наверху и с балясинами снизу.

Цоколь этих частей разрустован таким образом, что над окнами получены прекрасно нарисованные перемишки с замками.

Очень эффектен вид на колоннаду портика вблизи, когда видна нижняя сторона террасы, обработанная кессонами. Великолепен импозантный подъезд, помещенный в нише с колоннами позади колонн портика. Если смотреть, поднявшись на ступени подъезда, то отсюда открывается прекрасный вид на сад, цветник и церковь вдали, среди как бы расступающихся деревьев въездной аллеи.

Фасад со стороны сада также очень гармоничен. Здесь портик из колонн и отвечающих им пилястров (лоджии нет) имеет несколько другой вид, нежели со стороны въезда, т. к. цоколь ниже. Окна все с наличниками. Нет окон антресолей – и гладкая стена прекрасно гармонирует с белым портиком. Боковые части украшены тройными «венецианскими» (вернее, виченцкими, палладиевскими) окнами, поверх которых – полукружие, обработанное кессончатыми розетками.

Дом окрашен в светло-коричневый тон, прекрасно гармонирующий с белыми колоннами. Внутри просторные, светлые, но уютные комнаты. В столовой портреты В. Н. Задонского, его жены Е. А. Домовая церковь устроена в 40-х годах. Оранжерея имеет вид двух башен, соединенных собственно теплицами. Очень просты, но милы ее формы.

Сараи каретные и пр. также классической архитектуры. Один из них имеет вид длинной глухой аркады с прорезанными в арках маленькими окошечками. Другой – двухэтажный со столбами в средней части и двумя выступами вполне грамотной обработки. Кордегардия у въездных ворот – сооружение небольшое, но чрезвычайно красивое. Окрашенная в белый с желтым тона, она отлично рисуется своими деталями в стиле готики.

Высоко на холме, видный отовсюду, расположен Преображенский храм. По словам владельцев усадьбы (документы не сохранились, планов церкви тем более нет), строителем-архитектором был Никуатов, строитель Чугуевской церкви и «дворца».

Быть может, действительно строитель Чугуевских, времен Аракчеева, построек и Бурлукской усадьбы был один и тот же мастер, но в подлинности приведенного имени мы усомнимся. Едва ли такое первоклассное сооружение, как церковь в Бурлуке, могло быть воздвигнуто без участия лучшего мастера. А что Никуатов мог быть наблюдающим за постройкою, подрядчиком, техником, наконец, помощником автора сооружений, данных, оспаривающих это предположение, конечно,

нет. Едва ли только церковь принадлежит тому же автору, что и чугуевские «ампиры». Скорее дом в Бурлуке и ряды, домики и храм Чугуевский имеют что-то общее. Что же касается храма, то проект его скорее принадлежит действительно зодчему Аракчеева, но никому другому, как самому В. П. Стасову или, в крайнем случае, ученику Воронихина, ибо именно его вкусом, его техникой исполнено это сооружение, отдаленно напоминающее колоннаду Казанского собора.

За возможность участия в постройке храма лучшего мастера тех времен говорит и следующее обстоятельство: Андрей Яковлевич Захаржевский, начав постройку храма в память умершей жены своей, которую очень любил, ничего не жалел для постройки, не торговался с мастерами. Он говорил: «Я строю храм для Бога, бери, чего стоит труд, только делай по совету для того же Бога». Когда его спрашивали: «Во сколько ему обошелся храм?» — говорил: «С Господом счета не вел, а желал только, чтобы приятна была ему моя жертва».

Из этого широкого отношения к делу можно заключить вполне, что Захаржевский не постеснялся отдать высокий гонорар лучшему архитектору, только бы было построено хорошо и прочно.

Так и вышло: храм, действительно, п о р а ж а я своей красотой и сохранностью, убеждает в том, что он был построен из лучших материалов и по всем правилам архитектуры того времени.

Церковь Преображения состоит, собственно, из храма, колокольни, соединяющейся с ним колоннады и, кроме того, двух построек служебного характера, расположенных позади алтарной части, на углах участка, занятого церковью. С фасада на колокольню, трехъярусную и довольно стройную, хотя менее удачную, чем остальные части церкви, виден дорический шестиколонный портик с прекрасным фронтоном, а с боков, в профиль видны тоже дорические колонны. Хорош верхний ярус колокольни, — «звон», с обработкой его канелированными пилястрами. Сравнение с колокольней в Аракчеевском имени «Грузино» невольно напрашивается. Усиливает сходство купол со шпилем и подобие ниши во втором ярусе. Издали, совершенно так же, как и в Грузине, колоннада, кажется, несет на себе всю тяжесть колокольни. Сходство пропорций и частей, во всяком случае, огромное.

Приблизившись к храму можно вкусить вполне прелесть колоннады портика. Колонны выполнены удивительно тщательно, прочно. Почти за 100 лет не попортилось ни одно барельефное изображение, в метопах карнизы четки и элегантны в своих линиях. Но надо зайти сбоку, чтобы увидеть храм во всем его великолепии.

Колоннада бокового портика колокольни переходит в колоннаду, соединяющую колокольню с храмом, и здесь получается вместе с колоннами других рядов, тоже соединяющих храм и колокольню, — целый лес колонн. Прерываясь для того, чтобы дать место окнам храма, колонны снова возникают как боковые (северный и южный) портики храма.

Самый храм крестового плана с фронтонами на выступающих частях, перекрыт куполом на высоком гладком барабане, прорезанном полуциркульными окнами, в которые вставлены отличные переплеты. На куполе огромное яблоко с крестом: все просто и внушительно.

Вместе с зеленою свешивающихся низко веток деревьев, окружающих живописно храм, вместе с разостланным привольно изумрудным ковром, на котором «играют» белоснежные колонны — храм производит чарующее впечатление. Забывая окружающее, кажется, что все это находится не в глуши Харьковской губернии, не на скромном холме, с которого видна деревушка, усадьба да уходящая вдаль, среди перелесков, дорога, а что вблизи — Священные горы Эллады, берега Агригента, или долина Пестума...

Бегают по камням ступеней ящерицы и напоминают другие камни, древние, священные... Глаза невольно ищут вдали синюю полосу моря, грудь вдыхает жадно степной воздух и кажется, что вот-вот почувешь ароматы трав на холмах Сицилийских.

Тоскливо сжимается сердце при мысли — в каком одиночестве и на какой, в сущности, грубой почве возник этот античный по архитектуре храм! Осенью, в угрюмые, дождливые ночи, зимою, занесенный снегом, печален и красив, горд и строен, и стоек ко всем невзгодам климата, стоящий нерушимо, храм! Благодарностью, восторгом и удивлением преисполняется душа к строителям талантливым и мощным, сумевшим перенести волшебю на Харьковские равнины кусочек древней Эллады. Красота не меньшая ожидает обозревателя при входе внутрь храма. Гулко раздаются шаги по старым каменным плитам. Как редко сохранились такие плиты в церквях! А между тем именно они — идеальное покрытие пола в церквях. Теплые, уютные и по размеру «масштабные» плиты гораздо лучше холодных, распространенных в эпоху Николая I чугунных плит и, тем более, несносных, «метлахских» плиточек, напоминающих ванне комнаты и корридоры.

Внутренний вид храма очень прост. Линии сводов, арок и стен совершенно гладкие. Тем ярче, пышнее выделяется красота иконостаса и колоннады со стороны притвора и в боковых частях.

Иконостас изображает ротонду из коринфских колонн, очень стройных. Царские двери и иконы вставлены между колонн. Лишь орнаментальный пояс украшает всю эту композицию. В антаблемане, поддерживаемом колоннадою, отличен орнамент фриза. Внутри купол этой ротонды обработан отлично кессонами. Ротонда находится в центре другого полукружия, большего радиуса, обрамляющего ее. Обернувшись в другую сторону от иконостаса, видим прекрасно скомпанованную лоджию из двух колонн и пилястр-столбов. Капители колонн пышные, сочные, выполнены блестяще. Орнамент во фризе редко-хорошей лепки.

Выйдя из храма на открытое поле, можно окинуть общим взглядом всю усадьбу на склоне холма. Закутавшаяся в зелень парка, оазисом кажется она среди оголенных холмов. Выглядывают белые стены сараев, мелькают столбы ограды с кордегардией на первом плане и вдали, в глубине аллеи виднеется портал дома. На том самом месте, откуда открывается такой вид, лет 40 тому назад был разбит род сквера и здесь устраивалось катанье. Рисунок, хранящийся в усадьбе, изображает как раз такой момент. В те времена еще не было зарослей сада между домом и воротами, и на рисунке, поэтому, изображена широкая аллея.

Васильевка, имение бывшее Бекарюковых, ныне Е. А. Деларю. Дом и службы расположены на вершине холма над деревней, таким образом, что подъезжая к имению, не только не видно сада, но даже трудно себе представить, где мог бы он расположиться. Позади дома скат, на нем и раскинулся старый чудесный сад с аллеями лип. Проехав деревню, довольно унылую, уже издали можно увидеть всю усадьбу: посредине дом невысокий, но с портиком и импозантной архитектуры, а перед ним по обе стороны вперед вытянулись служебные флигеля, тоже украшенные столбами и даже колоннами. Вокруг — оголенная местность, красные обнаженные склоны холмов, размытых дождями. Жалкие, обглоданные ракиты у ручья.

Въехав в обширный двор, имеющий характер хозяйственный, а не вид *cour d'honneur*'а, сразу ощущаешь настоящую усадебную жизнь. В этом смысле Васильевка типичнее, нежели Графское или Хотень. Как имение, такого же характера — Бездрик: со стороны подъезда все хозяйство, а с противоположной стороны дома — парк и услада жизни.

В Васильевке черты этих двух сторон усадебной жизни выражены блестяще. Все деловое сконцентрировано перед главным подъездом. Здесь фасад украшен лоджией, очень удобной для приема помещиком крестьян, перед портиком очень милые и курьезные фонари на тумбах, выдвинутых сильно вперед. С лестницы видны все службы: хозяйство, так сказать, на виду бдительного ока помещика.

Прекрасный фронтои замыкает портик. Над окнами — перемычки, удачно разрустованные. Оригинальны крупные модульоны карниза, проходящие вокруг всего дома и придающие

архитектурной обработке сочный, хотя несколько отдающий «провинциализмом», характер. Прекрасна и типична картина, открывающаяся из лоджии. Между фустов колонн белеют столбы и фронтоны амбаров, сараев, домика управляющего. *Ensemble* довольно редкий по своей сохранности, и только позднейшее покрытие кровли (вместо гонтовой или досчатой, вероятно) листовым железом нарушает его. Итак, главный фасад не столько красив, сколько типичен: он так и просится на декорацию постановки какой-нибудь пьесы из помещичьего быта. Сбоку дома помещены красивые, стройные портики из четырех дорических колонн — это боковые входы в дом. Фасад, открывающийся со стороны неожиданно тенистого сада, поражает своим величием. Трудно предположить, подходя к дому со стороны входа, что противоположная его сторона будет обработана столь красиво.

Между двух выступов, богато украшенных на торцах (умышленно лишенных оконных отверстий, дабы дать здесь место роскошной лепке), помещается полукруглая ротонда из 6 колонн, покрытая куполом прекрасного силуэта. С ротонды спускаются две изгибающиеся вдоль цоколя лестницы. Колонны отличного ордера. Карниз хотя полон слишком смелых, крутых рельефных модульонов, но здесь, при глади стены, становится понятна задача мастера дать сочное, венчающее «пятно».

Хотя все размеры дома очень невелики, но пропорции взяты удачно, и ротонда, тактично помещенная, отнюдь не кажется «затиснутой» крыльями. Окна прорезаны смело и только рустованными перемычками отделяются от стен.

Совершенно единственной представляется обработка стен на выступах. Здесь нижняя рустованная часть поля стены расступается посередине, чтобы дать место плоской нише, в которую вставлена другая деликатно прорезанная ниша с лепкою внутри ее. Лепка изображает жертвенник с вазой наверху, перевитой змеею. Отношение гладкого, высокого цоколя, к полю рустов, радиуса арки к размерам всей стены, наконец, масштабность барельефа — изобличают несомненное участие в постройке лучшего мастера. Мохнатые, темные, хотя и не очень старые ели прелестно оттеняют нежность выполнения архитектурной отделки.

Внутри дома обработка комнат также очень нежна и вообще удачна. Пропорции зала, гостиной содержат в себе какую-то неизъяснимую прелесть, отдающую стариной и напоминающую *interieur*'ы, которые нам оставили от 30—40-х годов Зеленцовы, Венециановы, Тропинины и другие.

Особенно богата отделка гостиной: здесь прямая арка поддерживается ионическими колоннами. Карниз правильного профиля. В комнате мебель (но есть отдельные предметы: комоды, трюмо, шифоньерки, часы, вазы, канделябры и более старинные) — типичная для 50-х годов.

Прекрасны типичные портреты, напр., Е. Е. Времевой и В. И. Шретер. Особенно хорош портрет, запечатлевающий несколько полные, но стройные, «литые» формы молодой женщины (как любовно, «смачно» выписана рука «с круглым, лоснящимся локтем», как тщательно нарисованы розы).

Костюмы молодых женщин, легкая кисея, бархатка, прически — как все это типично и какой все это богатый материал для современных исследователей, художников, режиссеров. А таких портретов в имениях Васильевка, Бурлук и др. огромное количество.

Особенно хороши в доме печи — высокие, типичные для 20-х годов XIX столетия, т. е. для времени, когда построен был и дом. В кабинете печь, простая по формам, но богато украшенная орнаментальными поясами. Печь в будуаре, напротив, восхитительна своим богатым силуэтом. Она имеет вид колонны, мелко канелированной, на которую поставлена ваза. Пьедестал широкий и богатый, украшен орнаментом, идущим вдоль по полукружьям и гирляндами по бокам, типичными для стиля *Louis XVI*. Видя эти печи, быть может, поставленные еще в конце XVIII ст.,

задаешь себе вопрос: где же существовала эта фабрика, в которой выделяли такие чудесные, полные огромного архитектурного вкуса и такта, «изделия». Существовали ли отделы печей при фабриках фарфора и фаянса, кто были художники, дававшие рисунки, какие мастера выполняли, где находились и кому принадлежали эти заведения — рассадники подлинного искусства, ныне украшающие еще многие старинные дома и удостоившиеся даже перевоза в музей?

На всем огромном пространстве России: и в Вологде, и в Костроме, Смоленске, Киеве, и в глуши Харьковской губернии часто встречаются как будто похожие между собою печи эпохи Екатерины II, Александра I, белые, кафельные, в стиле *Louis XVI* и *Empire*.

Белый Колодезь, имение прежде графов Гендриковых, ныне М. Н. Скалон. От дома не сохранилось следов. Зато усадьбу украшает неплохая церковь, построенная в 1833 году Верой Федоровною Скалон и майоршей Екатериной Андреевной, рожд. граф. Гендриковой. Церковь прелестна по стилю и выполнению. Особенно хорош купол.

В новом доме несколько предметов художественной старины.

Писаревка, имение В. А. Колокольцова, старинная усадьба, к сожалению, испорченная позднейшими перестройками. Уцелела лишь часть (двухэтажная), ныне оригинально перекрытая на четыре фронтона (подобно псковским старинным церквям), но прорезанная стрельчатыми окнами.

Конное, усадьба И. А. Задонского, в степной, холмистой местности. Дом незначителен, хотя очень приятен традиционными колоннадой и лоджеттой. Достопримечательностью имения являются амбары, в разном характере обработки, но все в классике.

Хороши их членения на полтора этажа, выступы, слегка рустованные и ниши в них, окна, прорезанные уместно и где мало, где часто, но всюду тактично и в связи с назначением. Здесь целый городок амбаров для ссыпки зерна, и эти белые постройки образуют вместе с тополями на фоне сплошь усеянных золотистой пшеницею полей интереснейший усадебный *ensemble*.

В **Волчанске** сохранились до сих пор на окраинах города тоже сооружения, имеющие характер усадеб. Из них дом, бывший Бахметьева (ныне Учительская семинария), положительно красив своим ионическим портиком, настенными украшениями стиля *empire* и лепным фризом. Особенно хороши ворота с тяжелыми устоями и прелестно обработанными, тоже в *empire*, створками ворот.

Дом ныне Женской гимназии прежде Резванова, по своей наружной архитектуре типичен для местного строительства 20—30-х годов. Милы колоннады из тоненьких круглых стоек, образующие лоджии, но подобных домиков мы уже встречали немало. Крыша позднейшая: несомненно, с гонтовою кровлею домик был приятнее и цельнее. Также нехороши, вполне негармонирующие с несколько классическим характером колоннад, наличники окон — не то в русском, не то в готическом стиле.

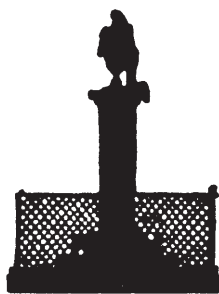
Но сохранившиеся в доме замечательные печи делают его имеющим положительно музейное значение, во всяком случае большее, нежели рядом выстроенный музей, якобы в украинском стиле, а на самом деле напоминающий синагоги Вольни и заключающий предметы старины, может всячески интересные, но только не художественно.

Печи, несомненно, конца XVIII столетия, стиля Екатерининского, т. е. из кафлей, заключающих каждая свой самостоятельный рисунок. Прелестны изображения желтых вазочек с синими и лиловыми украшениями, зелеными листиками и белыми цветами. Еще лучше желто-зеленые, изогнутые растения с сине-зелеными цветами. Долго ли просуществуют эти печи? Не заменят ли их ради экономии в топливе или чего-либо подобного, новыми? Тогда надо непременно отправить их в местный музей, иначе бдительное око антиквара, уже, наверное, давно высмотревшее эти «памятники» художественной старины препроводит их за хорошую цену в столицу.

Кончая описание некоторых усадеб Волчанского уезда, нельзя не коснуться хотя бы в общих словах того строительства, которое если не входило в усадебное, то близко с ним соприкасалось. Быть может, под влиянием его или благодаря даже ему возникли многие усадебные сооружения. Постройки Аракчеевских времен в Чугуеве и Печенегах, рассмотрение которых здесь было бы неуместно (тюрьмы, казармы, богадельни, гостиный двор) и которые воздвигнуты были, несомненно, столичными зодчими, вероятно, насаждавшими архитектурные вкусы и среди местных помещиков (напр., тюрьма в Печенегах по обработке своей архитектуры напоминает — не выражением, конечно, а деталями — фасад дома в Васильевке и т. д.) очень интересны. Самая любовь к колонне, к арке, к классицизму, возможно, получила если не свое начало, то, во всяком случае, побуждающие мотивы именно здесь.

Гораздо теснее сливались в одно целое детали дорожного строительства и усадебные сооружения. В самом деле, до сих пор целы в уезде Аракчеевские традиции, выраженные в постановке каменных столбов на местах скрещивания дорог, полосатые шлагбаумы, полосатые перила мостов, полосатые (черные, желтые и белые) столбики на дамбах.

Из таких придорожных столбов особенно хороший находится неподалеку от усадьбы Гендриковых на пути в Белый Колодезь. К сожалению, время выщербило углы его цоколя, и, не подверженный ремонту, он может вскоре рухнуть.

СУМСКОЙ УЕЗД

Токари, имение А. Д. Игнатъева, ближайшая от г. Сумы усадьба. Она прекрасного плана. Дом двухэтажный с выдвинутым портиком нескольких, почему-то недоконченных, лишенных капителей, колонн. Надо их докончить. Квадратный двор, окруженный служебными флигелями, перед домом идет полукружием, создавая обширный *cour d'honneur*. Пирамидальные тополи, засаженные вдоль каменной ограды, придают характер романтизма всему *ensemble*'ю. Усиливает его почему-то неоконченная или разрушенная башня на углу усадебного парка. Из служб очень приятен флигелек с глубокой нишей в тимпане фронтона, с парными колоннами, врисованными в углубление, соответствующее нише фронтона. Первый этаж дома гладкий, полуцокольный. Второй *belle*-этаж прекрасных размеров, весь мелко рустован. В боковых частях (со стороны сада) окна венецианские с полуциркульным средним, карниз в мелких сухариках. Как и в доме Васильевки — тяги карниза фронтона в углах не сопряжены, а оборваны, и это самое трудное место архитектуры — профиль карниза в углах — заделан. Со стороны сада карниз фронтона совсем «оболванен», т. е. упрощен и довольно груб. Колонны также без капителей. Цоколь колонн хорош. Балкончик с лестницей, спускающейся в сад, украшен милой решеточкой. Во всяком случае ясно, что выполнение дома производилось вне надзора художественно развитого и опытного строителя.

Внутри хорош набор мебели (хотя поздней) карельской березы.

Железняк, имение бывшее Кирьяковых, ныне Золотницких. Расположено у подножия довольно высокого холма, в чудной лесистой местности. Прекрасный фруктовый сад, старинный парк окружают со всех сторон усадьбу. Особенно хороши огромные, старинные тополи и ели близ самого дома, растущие на круглой клумбе. Въезжая в ворота, видишь белые колонны главного дома, мелькающие между исполинских стволов. Над домом спереди и позади свешиваются и переплетаются ветви и образуют живописную картину. Эффектный, полукругом бегущий подъезд к дому сразу открывает перед нами длинный одноэтажный фасад с восемью колоннами и гладкими, обрамленными пилястрами, боковыми частями. Фасад заключает в себе что-то французское и несколько напоминает дом в Хатнем. По крайней мере он тоже одноэтажный и с рядом колонн (прежде 12, теперь 8, четыре заделаны входами), образующих веранду, или лоджию. Главный фасад дома в Железняке совершенно однотипен с упомянутым фасадом. Ордер колонн дома в Железняке ионический, посередине прекрасно помещена лестница, аттик украшен орнаментом. Между колонн, прекрасно выполненных, — железная решет-

ка простого, но стильного рисунка. Со стороны сада фасад проще. Здесь тоже два выступа по краям. Посредине — портик из четырех колонн, покрытых фронтоном и образующих лоджию. Окруженный лиственницами, тополями и елями дом производит чарующее впечатление. По обе стороны главного фасада расположены флигеля. Слева два домика с четырехколонными портиками. Справа — оранжерея. В доме хороши некоторые предметы: часы-*pendule*, портреты, скромны, но благородны печи.

Вдали от усадьбы находится другой, «Подольский», дом на горе этого названия, окруженный фруктовым садом. Этот дом, очевидно, не был закончен постройкой. Стены его остались неоштукатуренными и лишь побеленными, фронтоны досчатый, окна без наличников, но тем не менее украшенный двумя портиками, на обоих фасадах законченных; дом вполне мог бы быть одним из удачных типов усадебного строительства Харьковской губернии.

Гречановка и Преображенское почти на границе Сумского и Ахтырского уездов. В Гречановке дом, любопытный своим стилем не то *fau.x gothique*, не то в раннем русском. Красные стены гармонируют хорошо с белыми наличниками окон и напоминают те почтовые станции шоссе дорог, которые были воздвигнуты при Императоре Николае I во многих местах России, и окрашены где в желтый с белыми тягами, а где в коричнево-красный с белым, а равно все украшены на аттике черным, чугунным, распластанным орлом. Церковь Преображения в стиле *empire* очень простая, но строго выдержанная с куполом, дорическим портиком и особенно красивыми обелисками входов. Вблизи помещичий дом сильно испорченный «украшениями». План его обычный, с двумя выступами и колонками между ними. Но эти колонки попорчены беспощадно приделанными, вырезанными из дерева завитушками. При выезде из села сохранились прекрасные обелиски. Не были ли это ворота когда-то здесь оканчивающейся усадьбы? Состояние их теперь плачевное.

Неподалеку сохранилась и прелестная деревянная башенка-навес в чисто украинском стиле. Покосилось резное украшение на ее верхушке, покривились столбики, поддерживающие шатер. Между тем, это реликвия строительства местного и художественно-непосредственного.

Великий Бобрик, усадьба, известная в литературе (Филарет) еще в 1718 году. Принадлежала генеральше Рахмановой. В 1821 году заложен был храм генерал-поручицею Елисаветою Рахмановой, освященный в 1851 году. Опись от 1783 года указывает на принадлежность усадьбы Кондратьеву. Ныне от этого дома, о котором говорится в описи, не осталось следов, так как дом весь заново перестроен, уцелела только ограда с хорошими воротами. Усадьба принадлежит графине Марии Дмитриевне Апраксиной. В настоящей усадьбе интересна лишь церковь. О ней мы упоминали в описании деятельности Палицына. И действительно, мало вероятно, что Палицын строил ее — здесь формы настолько строго внушительны и мощны, что архитектура храма, несомненно, принадлежит какому-нибудь заезжему мастеру из Петербурга. Во всяком случае, если бы не сравнительно поздняя дата построения, можно бы было допустить участие в постройке Старова или Львова.

Первый этаж изображает три огромные арки среди прекрасно выполненных, тосканского ордера, колонн. На этом ярусе из арок поставлен второй из колонн и выше — звон. Самый храм проще. Но колокольня поражает своим великолепием.

Гребениковка, усадьба когда-то сотничихи Гребенички, позже тоже Кондратьева, сумского полковника, ныне — графа Михаила Михайловича Толстого. Дом, отдельно от всех остальных построек поставленный в прекрасном старом парке, интересен. Он в стиле *fau.x gothique* и очень напоминает своими деталями английской готики дом в Водолаге, Ширковой.

Бездрик, имение М. А. Алферовой, как усадьба основана в начале второй четверти XVIII столетия. «Благотель Алферова Марко Елеферович (Ерофеевич?), осадчий села Бездрик по-

жаловал ему грамотою от создания мира 1197 года октября 28 дня». Усадьба состоит из дома отличной архитектуры, нескольких флигелей и ограды с воротами.

Дом расположен у крутого склона так, что сад, опускаясь под гору, нисходит террасами. Въезд в усадьбу очень эффектен. Он состоит из пилонов, ворот, богатейше обработанных колоннами по углам. Рустованные посередине пилоны покрыты фронтонами.

Из ворот открывается эффектный вид на дом, вокруг которого разрослись тополи и посажены шпалеры стриженной акации. Из служб хорош один корпус с колоннами, но он в очень заброшенном состоянии. Если, въехав во двор, оглянуться на эти ворота, они эффектно выделяются на фоне холма, так как сразу из ворот дорога круто ведет под гору. Дом двухэтажный. Портик из четырех дорических колонн. Фасад со стороны сада удачнее: портик доминирует сильнее. На уровне пола второго этажа устроена терраса с хорошей решеточкой, с террасы открывается чудный вид. А с первого этажа спускаются лестницы, увитые виноградом. Перед ними, сбегая к долине, разбиты чудесные цветники, оберегаемые громадными елями, пихтами и иными деревьями. В доме много хороших старинных вещей.

Замечательны вазы (с гербами Куликовских и Алферовых), изделия Императорского фарфорового завода. С одной стороны их гербы, с другой — портреты. Отличны кружки. Интересны огромные старинные диваны-самосоны. В доме вообще много предметов, сохраняющих дух минувшего: лежанки, лампы 40—50-х годов, сонетки, бобики и т. д. и находится даже грамота, данная Алферову на имение Бездрик при Иоанне, Петре и Софии, т. е. в конце XVII столетия.

Отлична церковь тех времен, находящаяся на горе, против усадьбы. Она типичного украинского стиля с изогнутыми куполами, портик ее — из тоненьких колонок. Иконостас — великолепнейший образец украинского художества XVII века. Прекрасны резные гроздья винограда, из которых сделаны все колонки. Типичны изогнутые под углом арки над иконами, и великолепны царские врата с государственным орлом, хороша старинная люстра.

Кривное, усадьба Н. Н. Баженова. Вполне типичный домик в стиле ампира. Средняя часть дома поднимается, образуя мезонин. Окна украшены ионическими полуколоннами, образующими портик с фронтоном. На фасаде со стороны сада колонны выдвинуты сильно вперед, и образована терраса. Милый, уютный входик под навесом. Внутри хороши печи с орнаментальным бордюром. Старинный портрет основателя усадьбы Баженова.

Старое Село, усадьба, бывшая Зборомирских, ныне В. И. Лихачева. Местность вокруг унылая, вида никакого. Отчасти это отражается и на *ensemble* усадьбы. Помещичий дом заново перестроен. Но сохранился старинный дом, о котором упоминалось подробно выше.

Дело в том, что о Старом упоминается уже в 1732 году: в переписи этого года говорится, что Старое населено было в 1642 году. Оно действительно самое старое из поселений Сумского полка. Здесь жил Герасим Кондратьев, впоследствии знаменитый Сумский полковник.

И до сих пор сохранился с тех времен каменный храм (св. Николая), построенный в 1753 году полковником Степаном Ивановичем Кондратьевым, и, что особенно ценно, дом тех же времен, одной архитектуры с церковью. Ныне служащий амбаром для ссыпки зерна, с достройками нижнего этажа (гараж?), произведенным в 1914 году в июле, дом этот — несомненная, наиболее ценная реликвия усадебного строительства Харьковской губернии. Почти нет сомнений в том, что он служил жилому назначению, на что указывают и архитектура его, и план. Когда-то по обработке стен он напоминал архитектуру так называемого Дворца Бирона или Тучкова (Пеньковского) буяна в Петрограде. Время сооружения обоих зданий как раз совпадает. Не был ли и один архитектор? Ныне домик с добавленными к нему позднейшими деревянными галереями второго этажа носит несколько иную физиономию, чем прежде. С западной стороны он имеет вход и два окошечка первого этажа между рустованными пилястрами. Во втором

этаже одно окно заделано. Все наличники типичного стиля начала второй половины XVIII столетия: переход от барокко Елисаветинского времени к стилю *Louis XVI* Екатерининской эпохи. Карнизы уже последнего стиля с мелкими сухариками. С южной стороны сохранился рундук, пережиток древнего русского обычая (вверху, к сожалению, надстроенный). В нижнем этаже двери с железными створками. В окнах сохранились железные переплеты. Наверху было шесть окон, теперь четыре: одно обращено в дверь, одно заделано. Вообще низ служил, вероятно, в те времена складом, а верх был жилым. Общие пропорции дома очень уютны и типичны.

Колокольня церкви с двойным рядом рустованных угловых пилястр, храм перекрыт на четыре фронтона, с многоугольным барабаном и куполом. Карнизные тяги мелкого профиля. В плане у храма с севера — гробницы. Очень типичны для стиля эпохи прерванные тяги фронтона и вставленные в них круглые оконца. Во фризе маленькие, курьезные триглыфы. Хороши железные кованые ворота. Хорош оригинальный крест на главке колокольни с атрибутами страстей Господних.

Кроме этих «памятников», в Старом Селе интересен конный двор (завод) в позднем стиле: смесь мавританского и русского. Огромное сооружение с четырьмя куполами производит очень своеобразное впечатление и, очевидно, спроектировано незаурядным мастером.

Писаревка, в живописной местности у подножия холма, с которого открывается чудный вид на долину. Наряду со Старым может быть отнесена к числу старейших усадеб губернии. Несомненно, дом построен в царствование Екатерины. На это указывает прежде всего общий, типичный для того времени, план длинного одноэтажного корпуса с приподнятой серединой. Перекрытие шатрообразное, наличники окон похожи на наличники того же «Биронова дворца» и дома в Старом Селе: два окна заложены — это указывает на несовершенство старинного плана.

И действительно, исторические данные указывают на то, что имение это, принадлежащее наследникам А. А. Савич, в вотчинное владение пожаловано было еще писарю Сумского полка Андрею Мартынову Савич, как награда за службу царям Алексею Михайловичу и Михаилу Феодоровичу еще до 1676 года. Была построена и церковь в 1745 году (ныне перестроенная в русском стиле). Перед домом хороший двор, усаженный деревьями. Позади парк. Сохраняются позднейшие ампирные службы (с колоннами-крылечками) и башня в стиле готики.

Николаевка, ныне барона Н. А. Штакельберга. Образец готического дома эпохи Николая I. Фасад в виде портика из трех стрельчатых арок, образующих лоджию.

В великолепном парке близ дома в саду — мавзолей, не очень старый по дате, ибо он построен в 1879 году в курьезной классике. Церковь, построенная в 1824 году, — хорошей архитектуры.

Кекино, усадьба, основанная в половине XIX столетия Павлом Александровичем Миклашевским, ныне — В. Д. фон-Лорец-Эблин. Большой дом заново переделан, но малый сохраняет формы и пропорции старинного, уютного дома и внутри заключает много хороших полотен голландской школы и мебели 1850-х годов, богатая люстра *empire*, зеркало жакоб.

Куяновка, имение бывшее Куколь-Яснопольских, ныне принадлежит Е. Прянишниковой.

Со стороны подъезда круглая клумба, усаженная всякими кустарниками. Среди деревьев — елей, пихт, богато разросшихся вокруг дома, белеют колонны полукруглием выступающего портика. Ротонда эта из четырех канелированных, не очень хорошего по исполнению ордера, колонн, тем не менее покрыта оригинальным куполом с вышкой и образует чудесную веранду во втором этаже. Это лучшее место всего дома. Так же хороша и внизу лоджия — в ней прорезаны три двери с мелким (позднейшим) переплетом. Освещенная солнцем ротонда с глубокою щелью в нише очень эффектна.

Со стороны сада дом менее интересен, хотя дата его построения может восходить к 40-м годам XIX столетия: очевидно, был неудачный архитектор. Здесь интересны лишь фронтончики выступов с полукруглыми оконцами. Все остальное — не архитектурно, особенно жиденькие чугунные стойки, подпирающие выступ балкона. Неуместна и пристройка оранжереи (вспомним для сравнения великолепные оранжереи Графского).

Но интересны зато садовые «украшительные» сооружения: мавзолей, ворота, беседки. Прекрасная часовня (в Куяновке Траскина) с тосканской, окружающей самое помещение часовни колоннадой и куполом указывает на участие хорошего мастера. Окруженный соснами античный храм производит очень сильное впечатление. Мавзолеем дорического стиля, колонны его ордера тяжелые, мощные. Канелированные с огромными капителями, они примыкают к рустованному полю стены. С одной стороны мавзолея 4, с другой — 6 колонн. Между средними — проход. Сооружение это — одно из наиболее ярких и чистых по стилю в Харьковской губернии. Виден отличный мастер, спроектировавший этот храмоподобный мавзолеем.

Арка в парке суховата по выполнению. Колонны, излишне поднимающие середину, не имеют баз, и кажется, что прогнутся — так тонки. Капители их вовсе плохи. Но общая композиция из рустованных арок и колонн симпатична. Видно, мастер, соорудивший дом и эту арку, был один и тот же. Очень стильна и курьезна китайская беседочка, быть может, воздвигнутая под впечатлением Китайской деревни в Царском Селе. Церковь позднего времени, вероятно 50—60-х годов. Колокольня увенчана хорошим куполом со шпилем.

Куяновка, И. Д. Траскина, усадьба, примечательная тем, что здесь сохранился нетронутым старый низенький, одноэтажный дом местного стиля с огромной гонтовой крышей. Еще недавно на подобных домах была соломенная крыша, столь характерная для помещичьих домов Украины начала XVIII в.

Стецковка, дом старинный с воротами и оградой 40—50-х годов. Особенно хороша церковь стиля *empire* и гробница около нее, тоже классического стиля с полукруглыми окнами и куполом.

Хотень, одна из примечательнейших усадеб всей России, расположенная в очень живописной местности. Уже по дороге из соседнего имения Писаревки, поднимаясь в гору, вдоль обширной, изумрудной, травяной поросшей долины, можно любоваться открывающимся видом. Въехав в Хотенский парк и подымаясь еще выше пологой дорогой, пролегающей между старинных деревьев чудесного барского парка, то состоящего из зарослей, то перемежающегося лужайками, в открытых местах, снова любишь дивной панорамой. На самом вершине холма, где расступаются деревья, давая обширную зеленую площадку, расположен дом. Остальные постройки усадьбы также в стороне. Подъезд к дому с другой стороны по аллее, ведущей к воротам.

В царской вотчинной грамоте от 24 апреля 1703 года, данной полковнику Андрею Герасимовичу Кондратьеву, слобода Хотень упоминается в числе имений, полученных в наследство после полковника Герасима Кондратьева. «На кринице Хотени село Новая Слобода и церковь св. Ап. Петра и Павла и двор его полковника да мельница». «Ныне в Хотени каменный храм Успенский: он построен в 1786 году Андреем Андреевичем Кондратьевым. Из Хотенского архива опись недвижимого имения умершего Лейб-Гвардии корнета Андрея Андреевича Кондратьева 1783 года село Хотень, в нем церковь каменная, господский дом о 2 покоях, крыт соломою». (В Хотени, в главной конторе еще недавно хранился очень обширный архив.)

Итак, имение Хотень переходило из рук в руки членов одного и того же семейства, т. е. оставаясь в семье Кондратьевых: от Герасима, известного Сумского полковника, получил Хотень его сын Андрей, далее его сын Василий, и, наконец, имение перешло к правнучке его, Анне Андреевне Кондратьевой, вышедшей замуж за М. И. Камбурлея, который и был основа-

телем усадьбы и строителем чудного дома. Далее ее дочь, в замужестве Бутурлина, унаследовав Хотень, передала его дочери своей, Анне Дмитриевне, вышедшей замуж за гр. П. С. Строганова, которому имение и перешло пожизненно, причем суд в результате длинного процесса о наследстве утвердил за отсутствием прямых наследников целую плеяду отдаленных родственников, частью обнищавших, продавших свои доли наследства еврею Шкопу. Недавно имение и усадьба куплены сумским землевладельцем Лещинским.

В 1914 году летом, когда усадьба еще служила яблоком раздора наследников гр. Срогановой, ничего уже не оставалось в доме из убранства его, кроме поломанных рам (от картин), надписи на которых, однако, указывали на то, что Рубенс далеко не был наиболее редкою жемчужиной собрания.

До последней степени разрушения дошел дом и снаружи, и внутри, а мебель была распродана управляющим, и лишь малая часть ее, уцелев в пределах Харьковской губернии, находится ныне в Доме Дворянства в Харькове, в усадьбе Михайловка, гр. Капнист, в Лютовке у гр. Клейнмихеля, в имении Ребиндера, у насл. П. И. Харитоненко и др.

Что касается самого дома, то степень запустения, в которую пришли его наружные фасады и *interieur*'ы, граничит с полным разрушением. Причины тому были не только в климатических невзгодах и в отсутствии долгое время ремонта (покраска крыши, оштукатурка стен), но и в злостном и небрежном, грубом и бессмысленном отношении к дому управляющего и людей, имевших отношение к заведыванию домом. Использовать залы нижнего этажа под склады зерна, верхние залы под прачечные и кухни детского приюта-санатория — это и есть то, что называется вандализмом! Попорченные распором от тяжести зерна, стены нижнего этажа дали трещины, осыпаться стали расписные плафоны, а наверху, вследствие течи через потолок, отвалились огромные куски живописи. Оторваны (вследствие отсутствия надзора) бронзовые украшения на каминах, вырваны с мясом целые куски мрамора, полы дивного паркета, заливаемые водой, пришли в совершенно негодное состояние. А между тем ничто не вызывает сомнения в том, что дом этот, — созданный Михаилом Ивановичем Камбурлеем, бывшим Курским, потом Волынским генерал-губернатором, — построен был при участии лучших мастеров того времени. И если фасады и вообще вся архитектура была плодом творчества Гваренги, то роспись плафонов принадлежит лучшим фрескистам той эпохи.

Столь популярные за последнее время Ляличи нисколько не превосходят, как мы это увидим сейчас, ни достоинством своей архитектуры, ни росписями, ни печами — Хотени, имеющей право занять первое место между лучшими усадьбами южной России — Кочановкою, Батурином, Сокиренцами, Диканькою, а по росписям не имеющей себе равных, кроме Ляличей. В дополнение к описанию картины, постигшей дом (по сведениям, и ныне, т. е. в конце 1916 года, несмотря на переход усадьбы в одни руки, состояние ее остается прежним), остается, как курьез, прибавить, что несколько времени тому назад дом едва не был продан на кирпич для постройки храма. Лишь расхождение в цене (давали 3 тысячи, хотели 4) избавило дом от гибели. Но что будет дальше, какая судьба ждет его при новом владельце, пока неизвестно...

Со стороны главного подъезда, т. е. если подъезжать дорогой от ворот, ныне (в 1914 году) заколоченных, усадьба представляется в смысле своего плана следующим образом.

Не доезжая главного дома, направо и налево двухэтажные флигеля с ионическими четырехколонными портиками. Посредине между ними круглая клумба, в глубине ясно виден фасад дома на фоне парка, главным образом расположенного позади дома, но также и с боков. На значительном расстоянии от дома направо, под горой, расположены флигеля, запасные службы и сараи. Оранжереи (ныне имеющие вид руин) налево, также вдалеке от дома.

Такое разбросанное расположение служб может быть объяснено тем, что дворец так велик (87 комнат), что, имея в виду два флигеля, являлось совершенно достаточным распо-

ложить здесь и весь штат прислуги, и всех гостей. Что же касается хозяйственной стороны имения, то она умышленно была удалена от дома, ибо Хотенская усадьба являлась настолько парадной резиденцией, что вовсе было бы не в характере, подобно Васильевке, рядом с домом иметь и сараи, скотный двор и т. п. Из сравнения усадеб хотя бы одного Сумского уезда мы видим, что чем усадьба была скромнее, тем ближе к дому, почти вплотную к нему располагаемы бывали службы. И наоборот, в Графском все служебные постройки были выведены на особую улицу и т. д.

Чтобы перейти к описанию дома, скажем только, что из служебных помещений интересны две-три постройки с колоннами и странная круглая, с конусообразным шатром башня: может быть, наиболее старое сооружение Хотеня, еще дней Кондратьева?

Дом по обе стороны имеет почти одинаковые фасады. Только в силу уклона местности портик со стороны подъезда поставлен на цоколе более низком, чем со стороны сада. Соответственно этому и лестница в саду состоит из многих ступеней и забрана пилонами, со стороны же подъезда число ступеней меньше. План дома «покоем» на обе стороны. Два этажа почти одинаковой высоты. Нижний этаж рустован. Все окна разделены пилястрами. Наличники довольно просты и гладки, карнизы сочны, но также просты. Во всех деталях и пропорциях видна спокойная внушительная простота и благородство. Особенно хорош портик из 6 колонн коринфского ордера. Между колонн хотя и деревянные, но отличные балясины.

В тимпане со стороны подъезда гербы Камбурля: орел с луком в щите, внизу звезда, с бокков чудный намет из знамен, все это заключено в венок с пышно развевающимися лентами. Отлична сохранившаяся входная дубовая дверь с розетами и интересною замочною личиною. Со стороны сада тимпан совершенно гладкий. Капители прекрасного выполнения, колонны пропорциональны и скорее массивны. Все черты творчества, изобличающие манеру, вкус Гваренги — налицо. Если добавим к этому, что сходство общей архитектурной физиономии дворца в Хотени и дворцов в Петрограде (Английский дворец) и Александровского (в Царском Селе) отдаленное, но все же существует, а с Марининской больницей на Литейном проспекте — огромное, всякие сомнения об участии Гваренги отпадают, тем более, что 1) время совпадает вполне: последние годы XVIII и первые годы XIX столетий, 2) Гваренги строил в этих местах (Ляличи, Пануровка и др.) и если не был здесь лично, то его в этих местах помещики знали и могли приглашать его или, во всяком случае, заказывать ему проекты.

Конечно, надо очень пожалеть, что не сохранились чертежи, архивные данные, но это обычное явление, что же касается того, что в издании Гваренги нет проекта дома Хотени, то это объясняется позднейшим, чем время выхода книги в свет, составлением проекта.

Состояние фасадов, как было уже упомянуто, — очень плачевное. Особенно пострадали пилоны лестницы, ступени и рамы, совершенно местами сгнившие. Конечно, не столь большой ремонт нужен для того, чтобы привести дом в достойный его автора и значения вид. Сравнительно простая внешность дома не дает права надеяться увидеть внутри дома такое великолепие отделки, какое существует еще, к счастью, почти во всех парадных комнатах верхнего и нижнего этажей. Как было уже сказано, во дворце до 90 комнат.

Не все были парадными. Наверху залами и гостиными предназначены были служить те помещения, которые выходили в сад (в левом выступающем крыле зал), внизу — несколько комнат тоже со стороны сада и справа, отделка остальных комнат проще, хотя комнатные двери *dessus-des-portes* почти во всех комнатах прелестны.

Вестибюль вместе с началом лестничной клетки обработан в тосканском стиле. Колонны с отвечающими им пилястрами разделяют вестибюль на три части. Стены комнат рустованы. Карниз прост, но изящен. В средней части под аркой, украшенной кессонами, начинается

лестница. Есть что-то общее в обработке этого вестибюля с вестибюлем дома б. гр. Лаваль, на Английской набережной.

Из комнат нижнего этажа, невысоких, но уютных и красиво расположенных, особенно замечательна зеленая (спальня), обработанная коринфскими колоннами, и прелестно расписанная как на потолке, так и на стенах (поясными орнаментами: род Рафаэлевских «станцев» — орнаменты, фигуры, вставленные между ними камен). В нишах полукупола чудно украшены кессонами.

Другая комната (ярко-синяя) на круглом своем плафоне заключает роспись, изображающую покрывало, с кольцом стрел в центре и орнаментами, выющимися из-под покрывала. Пояс фриза расписан античными сюжетами, изображающими ангелов, — жертвенники и раковины в полукружиях. Таких круглых комнат внизу две.

Еще одна комната хороша стеной, отделяющей ее от соседней, прорезанной аркой с кессонами. Удачны две, разного размера двери, соединяющиеся в одну с помощью общей арки. Восхитительна роспись янтарной комнаты. Здесь по углам плафона — род алтарей, на которых сложены тирсы и другие атрибуты античного богослужения.

Следующая комната — малиновая, фриз в желтом с лиловым тоном изображает переплетающиеся ленты. Двери — в виде кессонов с розасами. Еще синяя комната, где эффектно сочетания лилового с синим.

Вообще краски до сих пор сохраняют свежесть и в некоторых комнатах положительно создают симфонии тонов — так гармоничны, так ярки тона стен и комбинирующиеся с ними тона фресок. Например, травчато-зеленые стены и дивные белые печи с куполами наверху и скульптурными изображениями фигур посредине и белые же наличники дверей, карнизы, вообще вся лепка.

В комнатах со стороны сада — прекрасные фризы с изображениями резвящихся амуров.

Наверх ведет лестница из каменных плит с чугунной решеткой. Роспись и вестибюля стен, и лестничной клетки grisaille серого, чугунного тона (меандр и пальметты). Наверху — роспись фигур под цвет бронзы (коричнево-зеленого тона), помещенных в ниши. (Вспоминается роспись Веронеза в Виченцких постройках.) Во фризе — расписные, яркие, сочные фигуры между бледными, лепными. Выше богатейший карниз и на потолке опять роспись под бронзу аллегорических, фигурных изображений Аполлона, едущего на колеснице. На верхней площадке — прелестные ионические колонны. Но эти чудесные росписи бронзовых арматур все в трещинах...

Переходим с площадки в комнаты. Сначала в те, что со стороны двора. Белая комната с бронзовыми украшениями. Прелестны печи. Далее розовая комната, с росписью во фризе, изображающей пляски. Треножки и тирсы чередуются с чудными, стройными, задекорированными в легкие ткани женщинами. Печь с орнаментами посредине.

В розовой комнате восхитительны украшения над дверями. Синяя комната с белой лепкой и золотыми украшениями: разве не дивные тона синего, золотого и белого? Печь украшена наверху великолепной вазой с гирляндами. Карниз тяжелый и очень богатый.

Желтая комната — с чудной лепкой во фризе, хотя под этим карнизом (орнаментальным) следует другой расписной (фигурный). Печь — тоже с орнаментами. Как легки, изящны «брошенные» на плафон группы из амуров, розетки.

Комната со стенами под мрамор. Печь вверху украшена колонной (ваза, очевидно, исчезла). Здесь по белому полю фриза — зеленые изображения пастухов, овец, все в стройных стилизованных одеждах. Медно-коричневого тона изображения на плафоне в этой комнате особенно богатым поясом окружают потолок.

В некоторых комнатах не хватает уже частей плафонов — они отвалились...

Голубовато-серого тона зал великолепен сочетанием этого оттенка с золотыми украшениями.

Стройные мраморные колонны, поддерживающие хоры, – коринфского ордера. Зал полон торжественности и спокойствия. Как был он великолепен вместе с люстрами и мрамором каминов, отражающихся в паркетном и редкой красоты орнаментах полу!

Пусты ныне все залы и комнаты дворца...

Летом в 1914 году лишь туберкулезные дети лежали на койках в верхнем этаже; прачечная, кухни и т. п. были устроены в залах. Внизу был своеобразный склад для зерна.

Мебель дворца, как указывалось уже, находится в Харькове. В квартире губернского предводителя дворянства находится мебель одной из зал – белая с золотыми резными украшениями – две гостиных, бильярдная и часть спальни. Этого же «набора» мебель (банкетки, столики и стулья) – в имении гр. Капниста, в Михайловке. Редко изящны орнаменты, увивающие эту мебель. Здесь же кровать, совершенно единственная в своем роде. Карельской березы остов покоится на ножках, изображающих бронзированных сфинксов чудной работы.

В гостиных Михайловки замечательные по оригинальности рисунка кресла, диваны и столики, бюро, часы и каминная решеточка тоже из Хотени. В Лютовке прелестны клавикорды и креслица из Хотени. Лишь некоторые предметы эти указывают на то, как велика была красота дворцовых зал, когда они были обставлены мебелью, украшены бронзой и хрусталем соответствующего их стенам достоинства и стиля.

Миновали годы высокого подъема художественной культуры нашего отечества, и только остатками от великолепия былых времен украшают теперь наиболее культурные помещики свои комнаты. Но много ли таких?

К сожалению, мы не только не можем уж создать чего-либо равного усадьбе Хотень, но даже не всегда и оберегаем старые поместья подобно приведенным примерам. Чаше, как в Хотени, не сумели потомки уберечь даже завещанного им.

Такое отношение к своей собственности, являющейся историческим достоянием России, не может пройти бесследно, достойно возмездия... и рисует нам печальную картину будущего!

БИБЛИОГРАФИЯ

I

ИСТОЧНИКИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ

1. Топографическое описание Харьковского Наместничества 1788 г.
2. Описание Харьковской губернии 1857 г. С. И. Кованько.
3. Историко-статистическое описание Харьковской епархии 1859 г. преосв. Филарета.
4. Из воспоминаний В. Н. Ярославского, статья в «Харьковском сборнике» 1887 г.
5. Старинная одежда и принадлежности слобожан Г-жи Ефименко, там же.
6. Украинская старина, Г. П. Данилевского.
7. Архивы Харьковской губ. Д. П. Миллер.
8. История города Харькова проф. Д. И. Багалей.
9. Очерки из русской истории, его же.
10. Материалы для истории колонизации и быта Харьк., Курск. и Воронежской губ., его же.
11. Заметки и материалы по истории Слободской Украины, его же.
12. Заселение Харьк. края, его же.
13. Худож. школа в Харькове в XVIII веке, В. И. Веретенникова.

II

ИСТОЧНИКИ К ОПИСАНИЮ УСАДЕБ

Источниками к описанию усадеб послужили: выписки из церковных летописей (клировых ведомостей), семейные хроники и дневники разных лиц. Из последних особенно интересным явился дневник помещика Ширкова, написанный им в 1850—1860-х годах. Подробнейшая литература о Харьковской губернии дана в «Библиографическом указателе», составленном в 1887 году И. А. Устиновым (Харьков. Типогр. губ. правлен.).

Им мы и пользовались.

Обложка, фронтиспис, титульный лист, заставки и все концовки изготовлены по рисунку художника Е. И. Нарбута.

Все иллюстрации сделаны по фотографиям, исполненным самим автором книги, кроме нижеследующих, выполненных по снимкам, любезно предоставленным издателю разными лицами:

Основа (3 снимка), Должик (2 снимка), Лютовка (1 снимок), Малыжино (2 снимка), Матвеевка (2 снимка), Пархомовка (1 снимок), Ракитное (1 снимок), Васильевка (2 снимка), Куяновка (4 снимка), мебель из Хотенского дворца (2 снимка).